Специальный номер.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЗАРЯ ВОСТОКА

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ЛИКВКАЗСКОГО КРАЕВОГО КОМИТЕТА Р. К. П. (б)

и

Закавказского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов.

Редакция: Тифлис, просп. Руставели, № 8.

Телефоны редакции: редактор. —9—06; зав. ред. —3—91; конт. изк.—7—54; зав. ред. после 3-х час.—7—55; информац.—9—10; вып. и тип.—5—08; экспедиц.—16—73.

Направляемые в редакцию рукописи должны быть переписаны на машинке на одной стороне листа и снабжены указанием подлинной фамилии автора и его адреса. Рукописи не возвращаются.

ГОД ИЗДАНИЯ 2-Й.

ПЛАТА ЗА ОБ'ЯВЛЕНИЯ:

За строку петита—20 к., с цифровым набором—25 к.
Иногородние за стр.—30 к., с цифровым набором—35 к.
Книжные, предлож. труда, утеря документов и театральные—скидка 20%.
Постоянные об'явления при условии печатания без изменения текста не менее 5 раз в месяц—10% скидка.
Об'явления принимаются гл. конторой только до 3 ч. дня.
За срочные об'явления, поступившие в контору после 3 ч. дня, взимается 20% сверх платы.
Расчет за напечатанное об'явление производится червонцами или аккредитивами по курсу дня оплаты.

ОТДЕЛЕНИЯ: Баку, Меркурьевская, 3. Тел. 5—33. Батум, ул. 3 Интернацион. Тел. 1-93.

Условия подписки:

В Тифлисе с доставкой		Иногородние	
На 1 мес.	1 р. — к.	На 2 мес.	1 р. — к.
„ 3 „	3 р. — к.	„ 3 „	1 р. 50 к.
„ 6 „	6 р. — к.	„ 6 „	3 р. 20 к.
„ 12 „	12 р. — к.	„ 12 „	6 р. 20 к.

до конца г. 7 р. 50 к. до конца года 9 руб.

За границу на 1 мес.—3 р. 50 к. ч.

За посылку адресу—2 р. ч.

Подписка принимается в главн. конторе газеты Руставели, 8.

Цена отдельн. № во всех гор. Закавказья 6 черв. коп.

№ 558а — Среда, 23 апреля 1924 г. — № 558а

Новая статья В. И. Ленина.

***

Ниже мы печатаем разысканную на-днях в архиве тов. Ленина статью, которая до сих пор еще не видала света. Статья эта писана для журнала «Коммунистический Интернационал» (приблизительно в феврале или марте 1922 года) и была задумана как продолжение тех «Заметок публициста», которые Владимир Ильич помещал тогда почти в каждом номере «К. И.».

Я помню, как В. И. обещал закончить эту статью для очередного номера «К. И.», а потом так и не сделал этого из-за усталости и обременения работой.

По вопросу о роли Павла Леви во время третьего конгресса были значительные расхождения и внутри русской делегации. Свою ошибку в этом вопросе В. И. не раз признавал в устных беседах. Он сделал это, оказывается, и письменно. Заявлением В. И. в печатаемой статье кладется конец не лишенному интереса спору в связи с важным эпизодом, имевшим большое значение для определения тактики Коминтерна.

Что касается Сератти, то столь резкая оценка его тов. Лениным относится к моменту наибольших ошибок тов. Серрати и наиболее неверных его выступлений против Коминтерна. В этом месте мы вычеркиваем из рукописи В. И. несколько резкостей, вызванных страстностью борьбы, и мы совершенно уверены, что поступаем в этом отношении в духе В. И. Он первый вычеркнул бы теперь все эти резкости и первый порадовался бы возвращению тов. Серрати в ряды Коминтерна—тем более, что тов. Ленин высоко ценил способности тов. Серрати.

Статья—хотя и незаконченная—В. И. появляется как нельзя более во-время. Вскоре предстоит пятый конгресс Коминтерна, перед которым пройдут многие из проблем, затрагиваемых в этой статье. Германская компартия вновь переживает острую внутреннюю борьбу. Находятся ультра-«левые» товарищи, которые апеллируют к ошибке покойной Розы Люксембург в 1903 году против взглядов Коминтерна, например, в организационном вопросе. Этим товарищам особенно полезно будет прочитать то, что об этом говорит В. И. Находятся охотники распространяться о «кризисе» Коминтерна. Этим товарищам особенно полезно будет прочитать то, что тов. Ленин говорит о «нешумной, неяркой, некрикливой, небыстрой, но глубокой работе создания в Европе и в Америке настоящих коммунистических партий». А то, что сказано у В. И. «о восхождении на высокие горы» и, в особенности, «о вреде уныния», очень и очень небесполезно будет прочитать и перечитать многим «критикам» политики РКП.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т. п.

Заметки публициста.

I

ВРОДЕ ПРИМЕРА.

Представим себе человека, совершающего восхождение на очень высокую, крутую и неисследованную еще гору. Допустим, что ему удалось, преодолевая неслыханные трудности и опасности, подняться гораздо выше, чем его предшественники, но что вершины все же он не достиг. Он оказался в положении, когда двигаться вперед по избранному направлению и пути оказалось уже не только трудно и опасно, но прямо невозможно. Ему пришлось повернуть назад, спускаться вниз, искать других путей, хотя бы более длинных, но все же обещающих возможность добраться до вершины. Спуск вниз на той невиданной еще в мире высоте, на которой оказался наш воображаемый путешественник, представляет опасности и трудности, пожалуй, даже большие, чем подъем: легче оступиться; не так удобно смотреть то место, куда ставишь ногу; нет того особо приподнятого настроения, которое создавалось непосредственным движением вверх, прямо к цели, и т. д. Приходится обвязывать себя веревкой, тратить целые часы, чтобы киркой вырубать уступы или места, где бы можно было крепко привязать веревку, приходится двигаться с черепашьей медленностью и притом двигаться назад, вниз, дальше от цели, и все еще не видать, кончается ли этот отчаянно опасный, мучительный спуск, находится ли сколько-нибудь надежный обход, по которому можно бы опять смелее, быстрее, прямее двинуться вперед, вверх к вершине.

Едва ли не будет естественным предположить, что у человека, оказавшегося в таком положении, являются несмотря на то, что он поднялся неслыханно высоко, минуты уныния. И, вероятно, эти минуты были бы многочисленнее, чаще, тяжелее, если бы он мог слышать некоторые голоса, снизу наблюдающие, из безопасного далека, в подзорную трубу этот опаснейший спуск, который нельзя даже назвать (по образцу «сменовеховцев») «спуском на тормозах», ибо тормоз предполагает хорошо расчитанный уже испробованный экипаж, заранее подготовленную дорогу, испытанные уже ранее механизмы. А тут ни экипажа, ни дороги, вообще, ничего, ровно ничего испытанного ранее.

Голоса же снизу несутся злораднее. Одни злорадствуют открыто, улюлюкают, кричат: сейчас сорвется, так ему и надо, не сумасшествуй. Другие стараются скрыть свое злорадство, действуя преимущественно по образцу Иудушки Головлева; они скорбят, возносят очи горе. К прискорбию, наши опасения оправдываются. Не мы ли, потратившие всю жизнь на подготовку разумного плана восхождения на эту гору, требовали отсрочки восхождения, пока наш план не кончен разработкой? И если мы так страстно боролись против пути, оставляемого теперь и самим безумцем (смотрите, смотрите, он пошел назад, он спускается вниз, он целыми часами подготовляет себе возможность повернуться на какой-нибудь аршин. А нас поносил подлейшими словами, когда мы систематически требовали умеренности и аккуратности), если мы так горячо осуждали безумца и предостерегали всех от подражания и помощи ему, то мы делали это исключительно из любви к великому плану восхождения на данную гору, чтобы не скомпрометировать этот великий план вообще.

К счастью, наш воображаемый путешественник, в условиях взятого нами примера, не может слышать голосов этих «истинных друзей» идеи восхождения, а то бы его, пожалуй, стошнило. Тошнота же, говорят, не способствует свежести головы и твердости ног, особенно на очень больших высотах.

II.

БЕЗ МЕТАФОР.

Пример—не доказательство. Всякое сравнение хромает. Это—истины бесспорные и общеизвестные, но их не мешает напоминать, чтобы нагляднее представить границы значимости всякого сравнения вообще.

Российский пролетариат поднялся в своей революции на гигантскую высоту не только по сравнению с 1789 и 1793 г.г., но и по сравнению с 1871 годом. Надо как можно трезвее, яснее, нагляднее дать себе отчет в том, что именно мы «доделали» и чего не доделали: тогда голова останется свежею, не будет ни тошноты, ни иллюзий, ни уныния.

Мы «доделали» буржуазно-демократическую революцию так «чисто», как никогда еще в мире. Это—величайшее завоевание, которого никакая сила назад не возьмет.

Мы доделали выход из реакционнейшей империалистической войны революционным путем. Это—тоже такое завоевание, которого никакая сила в мире назад не вернет, и завоевание тем более ценное, что реакционные империалистические бойни неизбежны в недалеком будущем, если сохранится капитализм; а люди 20-го века не очень легко удовлетворяются второй раз «базельскими манифестами», которыми в 1912 и 1914 годах отделывали своих рабочих ренегаты, герои 2-го и 2½ Интернационалов.

Мы создали советский тип государства, начали этим новую всемирно-историческую эпоху, эпоху политического господства пролетариата, пришедшего на смену эпохе господства буржуазии. Этого тоже назад взять уже нельзя, хотя «доделать» советский тип государства удастся лишь практич. опытом рабочего класса нескольких стран.

Но мы не доделали даже фундамента социалистической экономики. Это еще могут отнять назад враждебные нам силы умирающего капитализма. Надо отчетливо сознать и открыто признать это, ибо нет ничего опаснее иллюзий (и головокружения, особенно на больших высотах). И нет решительно ничего «страшного», ничего дающего законный повод хотя бы к малейшему унынию в признании этой горькой истины, ибо мы всегда исповедывали и повторяли ту азбучную истину марксизма, что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран. А мы все еще пока одни, и в стране отсталой, в стране более других разоренной сделали невероятно много. Мало того: мы сохранили «армию» революционных пролетарских сил, мы сохранили ее «маневренную способность», мы сохранили ясность головы, позволяющую нам трезво учесть, где, когда и насколько надо отступить (чтобы сильней прыгнуть); где, когда и как именно надо приняться за переделку недоделанного. Погибшими наверняка надо бы признать тех коммунистов, которые бы вообразили, что можно без ошибок, без отступлений, без многократных переделываний недоделанного и неправильно сделанного закончить такое всемирно-историческое «предприятие», как завершение фундамента социалистической экономики (особенно в стране мелкого крестьянства). Не погибли (и вероятнее всего не погибнут) те коммунисты, которые не дадут себе впасть ни в иллюзии, ни в уныние, сохраняя силу и гибкость организма для повторного «начинания сначала» в подходе к труднейшей задаче.

И нам тем менее позволительно впадать хоть в малейшее уныние, тем менее есть оснований для этого, что кое в чем мы при всем нашем разорении, нищете, отсталости, голоде начали двигаться вперед в области подготовительной к социализму экономики, тогда как рядом с нами, во всем мире, страны более передовые в тысячу раз более нас богатые и военно-могущественные, продолжают двигаться назад в области «ихней», имя прославленной, им знакомой, сотни лет уже испытанной, капиталистической экономики.

III.

ОБ ОХОТЕ НА ЛИС; О ЛЕВИ; О СЕРРАТИ.

Говорят, самым надежным способом охоты на лис является следующий: прослеженных лис окружают на известном расстоянии веревкой с красными флажками на небольшой высоте от снега; боясь явно искусственного «человеческого» сооружения, лиса выходит только тогда и только там, где эта «ограда» из флажков приоткрывается, а там ее и ждет охотник. Казалось бы, осторожность для такого зверя, которого все травят, качество самое положительное. Но и тут «продолжение достоинства» оказывается недостатком. Лису ловят именно на ее чрезмерной осторожности.

Должен покаяться в одной ошибке, которую мне довелось сделать на 3-м с'езде Коминтерна тоже из-за чрезмерной осторожности. На этом с'езде я стоял на крайнем правом фланге. Убежден, что это была единственно правильная позиция, ибо весьма многочисленная (и «влиятельная») группа делегатов, со многими немецкими, венгерскими и итальянскими товарищами во главе, занимала неумеренно «левую» и неправильно «левую» позицию, слишком часто заменяя трезвый учет не очень благоприятно для немедленного и непосредственного революционного действия обстановки усиленным маханием красными флажками. Из осторожности, в заботе о том, чтобы этот, несомненно, неправильный уклон в левизну не дал ложного направления всей тактике Коминтерна, я защищал Леви всячески, высказывая предположение, что он потерял голову (я не отрицал, что он потерял голову) может быть из чрезмерного испуга перед ошибками левых, и что бывали случаи, когда потерявшие голову коммунисты потом опять «находили» ее. Допуская даже—перед натиском «левых»,—что Леви меньшевик, я указывал, что даже такое допущение не решает еще дела. Например, вся история 15-летней борьбы меньшевиков с большевиками в России (1903—1917) доказывает, как доказывают это и три русских революции, что меньшевики в общем были, безусловно, неправы и что они были на деле агентами буржуазии в рабочем движении. Это факт бесспорный. Но этот бесспорный факт не устраняет того факта, что в отдельных случаях меньшевики бывали правы против большевиков, например, в вопросе о бойкоте Столыпинской Думы в 1907 г.

Со времени 3-го с'езда Коминтерна прошло уже 8 месяцев. Видимо, наш тогдашний спор о «левыми» уже устарел, уже решен жизнью. Я оказался неправ насчет Леви, ибо он с успехом доказал, что попал на меньшевистскую дорожку не случайно, не временно, не только «перегибая палку» против опасной ошибки «левых», а надолго, прочно, по всему своему естеству. Вместо того, чтобы после 3 конгр. Коминтерна честно признать необходимость снова попроситься в партию, как должен поступить человек, временно потерявший голову в раздражении на некоторые ошибки левых, Леви принялся мелко пакостить партии из-за угла, ставить подножки ей, т.-е. оказывать фактические услуги агентам буржуазии из 2-го и 2½-го Интернационалов. Разумеется, вполне правы были немецкие коммунисты, которые ответили на это, исключив недавно из своей партии еще нескольких господ, оказывавших тайно поддержку Павлу Леви в этом благородном занятии.

Развитие германской и итальянской коммунистических партий после 3-го конгресса Коминтерна доказывает, что ошибка левых на этом конгрессе ими учтена и исправляется — понемногу, медленно, но неуклонно; решения 3-го конгресса К. И. проводятся лойяльно в жизнь. Преобразование старого типа европейской парламентской, на деле реформистской и лишь слегка подкрашенной в революционный цвет партии в новый тип партии, в действительно революционную, действительно коммунистическую партию,—это вещь чрезвычайно трудная. Пример Франции показывает эту трудность, пожалуй, всего нагляднее. В повседневной жизни переделать тип партийной работы, преобразовать обыденщину, добиться того, чтобы партия стала авангардом революционного пролетариата, не отходя от масс, а все более и более сближаясь с ними, поднимая их к революционному сознанию и революционной борьбе, это—самое трудное, но и самое верное дело. Если европейские коммунисты не используют для этого коренного, внутреннего, глубокого переделывания всей постройки и всей работы своих партий того (вероятно, очень короткого) промежутка между периодами особого обострения революционных битв, которые переживали многие капиталистические страны Европы и Америки в 1921 году и в начале 1922 года, то это будет с их стороны величайшим преступлением. К счастью, опасаться этого нет оснований. Нешумная, неяркая, некрикливая, небыстрая, но глубокая работа создания в Европе и Америке настоящих коммунистических партий, настоящих революционных авангардов пролетариата начата и эта работа идет.

Политические уроки даже из наблюдения такой тривиальной вещи, как охота на лис, оказываются небесполезными: с одной стороны, чрезмерная осторожность приводит к ошибкам. С другой, нельзя забывать, что если заменить трезвый учет обстановки одним «настроением» или маханьем красными флажками, то можно сделать ошибку уже непоправимую, можно погибнуть при таких условиях, когда хоть трудности и велики, но гибель ничуть, ничуточки еще необязательна.

Павел Леви желает теперь особо выслужиться перед буржуазией—и, следовательно, перед 2 и 2½ Интернационалами, ее агентами, переиздавая как раз те сочинения Розы Люксембург, в которых она была неправа. Мы ответим на это двумя строками из одной хорошей русской басни: орлам случается и ниже кур опускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться. Роза Люксембург ошибалась в вопросе о независимости Польши; ошибалась в 1903 году в оценке меньшевизма; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 года рядом с Плехановым, Вандервельде, Каутским и др. об'единение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих тюремных описаниях 1918 года (причем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 года и начале 19 г.г. исправила большую часть своих ошибок). Но, несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом; и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и полное собрание ее сочинений (с которым невозможно опаздывают немецкие коммунисты, извиняемые лишь отчасти неслыханным количеством жертв в их тяжелой борьбе) будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира. Немецкая социал-демократия после 4 августа 1914 года—смердящий «труп»,—вот с каким изречением Розы Люксембург войдет ее имя в историю всемирного рабочего движения. А на заднем дворе рабочего движения, среди навозных куч, куры вроде Павла Леви, Шейдемана, Каутского и всей этой братии, разумеется, будут особенно восторгаться ошибками великой коммунистки. Каждому свое.

Что касается до Серрати, то итальянские коммунисты, воспитывая настоящую партию революционного пролетариата в Италии, будут иметь теперь наглядный образец, меньшевизма перед глазами рабочих масс. Не сразу, не без многих повторных наглядных уроков скажется полезное, отталкивающее действие этого образца, но скажется оно непременно. Не отрываться от масс, не терять терпения в тяжелой работе практического разоблачения перед рядовым рабочим всех Серрати; не поддаваться на слишком легкое и самое опасное решение: там, где Серрати говорит: «А», повторить «минус А»; воспитывать массы неуклонно к революционному миросозерцанию и революционному действию; пользоваться практически и практично великолепными (хотя и дорого стоющими) наглядными уроками фашизма—и победа за итальянским коммунизмом обеспечена.

Леви и Серрати характерны не сами по себе, а как современный образец крайнего левого крыла мелкобуржуазной демократии, «ихнего» лагеря, лагеря международных капиталистов, против нашего лагеря.

«Ихний» лагерь злорадствует, ликует или проливает крокодиловы слезы весь, целиком, от Гомперса до Серрати, по поводу нашего отступления, нашего «спуска вниз», нашей новой экономической политики. Пусть злорадствуют. Пусть выделывают свои клоунские упражнения. Каждому свое. А мы не дадим себя во власть ни иллюзиям, ни унынию. Не бояться признания своих ошибок, не бояться многократного, повторного труда исправления их—и мы будем на самой вершине. Дело международного блока от Гомперса до Серрати—дело погибшее.

Исторический день.

На героическую попытку парижского пролетариата овладеть властью и удержать ее в своих руках раз'яренная и злобная буржуазия, с помощью германского «врага», обрушила свою кровавую месть на доблестный и в то же время слишком гуманный пролетариат Парижа.

Шестьдесят тысяч мужчин, женщин и даже детей были перебиты озверевшей буржуазией. Уроки этих ужасных дней не были забыты рабочим классом.

Несомненно, что и тов. Ленин, наш великий вождь, рожденный в дни насилия и борьбы в стране наивысшего деспотизма, в ранние дни свои был увлечен героизмом парижских борцов и поражен их неоценимыми жертвами.

В первые месяцы Октябрьской революции т. Ленин, как говорят, подсчитывал дни власти трудящихся России—сверх тех семидесяти дней, втечение которых был в состоянии удержаться у власти парижский пролетариат.

Я никогда не имел счастья видеть тов. Ленина живым, но я знаю его, и близок он мне так же, как близок и миллионам пролетариев.

Мстительность и враждебность буржуазии, ее ядовитая ложь и трусливые выпады против нашего любимого вождя лишь ободряли интерес к нему пролетариата и приучали нас видеть в нем непримиримого врага капитализма, вождя в сражении, друга, товарища, учителя и руководителя в трудной борьбе против недругов нашего класса.

Я хорошо помню, как я впервые услышал имя Ленина.

Услышал поздно.

Мы, в Великобритании, были плохо осведомлены о деятельности героической российской социал-демократической партии и, в частности, о деятельности ее большевистской фракции. И лишь после русской революции и в период ее дальнейшего развития мы получили действительное представление о героических образах российской коммунистической партии.

Только благодаря захвату власти рабочим классом и зарождению новой эпохи мы получили возможность увидеть печатные слова «мозга пролетариата»—т. Ленина, дошедшие до нас.

Я впервые услышал имя нашего вождя из уст ядовито нападавшего на Ленина священника английской тюрьмы, в которую я был заключен, присужденный к тяжелым принудительным работам за свои антимилитаристские взгляды.

Мы, заключенные, имели мало вестей из мира, находившегося за стенами тюрьмы. Бакт и газет читать не позволяли, но как бы в уступку разгоравшейся империалистической войне—нам подносили по воскресеньям искаженный отчет о событиях недели. Докладывал священник. Сообщения его обычно состояли из хвалебных отзывов об Англии и ее союзниках, героизме британцев, французов и русских и рассказов о трусости и предательстве их врагов. Но когда в России произошла Октябрьская революция и большевики захватили власть—какие ужасные истории подносились нам о «скандалистах», не допускающих русский народ воевать!

Священник до тех пор осквернял имя Ленина и большевиков в каждой из своих проповедей, пока, наконец, не выдержав дольше, я не поднялся и не назвал этого слугу божьего, к его ужасу и изумлению грязным, презренным лжецом.

Это был действительно счастливейший миг в моей тюремной жизни—и я невольно замечтался о том дне, когда исполнится моя мечта: уехать в Москву, жить и работать в рядах Коммунистического Интернационала, основанного и руководимого до самой смерти, тов. Лениным.

Впервые я увидел Ленина на смертном ложе в его комнате в Горках. Я никогда не слышал, как он говорил, но, как и миллионы людей во всем свете, я вдохновлялся его творением и всем тем, что окружало его.

В Горках я пережил исключительные моменты, когда люди, имевшие право назвать себя его ближайшими друзьями, в невыразимом горе, стояли глубоко потрясенные у гроба.

Время, прошедшее с 1870 до 1924 г., для истории время короткое, но для пролетариата эти годы—годы выдающегося значения.

Никто не понял лучше, или не постиг более ясно этого значения, кроме Ленина, жившего для того, чтобы начать великое дело освобождения трудящихся всего мира.

Ленин ушел от нас. Но, уходя, он завещал пролетариату «ленинизм». «Ленинизм», который поможет рабочему классу победить всех его врагов и создать строй, достойный нашего товарища, день рождения которого мы чтим сегодня.

Пусть же вечно живет память о Владимире Ильиче Ленине, любимом вожде миллионов пролетариев и крестьян, соединенных им, как товарищи по оружию, в борьбе против мировой буржуазии.

Р. СТЮАРТ,
член И. К. Коминтерна и член Компартии Англии.

От редакции. Помещенная выше статья В. И. Ленина была ранее в выдержках напечатана на страницах нашей газеты. Ныне мы помещаем ее полностью.

ЛЕНИНДЕНЬ.

Любовней, чем заводам нашим,
И ласковее, чем станкам,
Проникновеннее, чем павшим,
И бережнее, чем рукам,
Нежнее, чем шумящим чащам,
Цветам, ручьям или морям,
Мы отдадим любовь—зачавшим
И нашу нежность матерям.

Жизнь не вставала на колени.
Был просто день. Один из дней.
И в этот день рожден был Ленин,
Рожден, как каждый из людей.
Не знал отец и мать не знала,
Не знал никто—и знать по мог,
Что именинницею стала
Земля,
А больше всех станок;
Что в безконечность поколений,
Что в безконечность новых дней
Войдет он—
День,
Когда был Ленин
Рожден, как каждый из людей.

Несутся дни. Их было много
И будет много впереди.
Есть жизни длинная дорога,
В которой камни—дни родин.
Средь них камней, простых иль ветхих,
Кладутся те (они редки),
Что подымаются, как вехи,
Иль высятся, как маяки.
Не знает мир и мы не знаем,
Что, может быть, одним из дней
Земле маяк мы поднимаем
Рожденьем наших сыновей.
Но пусть не так—и только камень
В дорогу жизни мы дадим.
Мы все ж прославим пред веками
И жизнь, и эти дни родин.
Мы знаем, что чужие ноги
По нашим детям не пройдут,
Они войдут лишь в те дороги,
Которыми пройдет лишь труд.
Они придут с рукою жесткой
И волей, жадною к борьбе,
Они нам принесут в себе
Частицы Ленинского мозга
Они придут и скажут: можем!
Их кровь должна быть горяча.
А мы им в ум и в сердце вложим
Живое сердце Ильича.

Так
С Лениным не умиравшим
Мы в день, подобный маяку,
Дадим любовь свою—
Зачавшим,
Несущим Лениных
Станку.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

Москва, 1924, апрель.

РЕКВИЕМ.

Если день смерк,
Если звук смолк,—
Все же бегут вверх
Соки сосновых смол

С горем на перевес
Горло белой сжав,
Фабрик и деревень
Заговори шаг:

— Тяжек и глух гроб,
— Скован и смят смех,
— Низко пригнуть смогли
— Горе к земле всех.

— Если умолк один,
— Даже и самый живой,
— Тысячами родин,
— Жизнь, отмсти за него.

С горем на перевес
Зубы бедой сжав,
Фабрик и деревень
Ширься, гуди шаг.

Стой, спекулянт-смерть.
Хрипнуть твой вой—лжив,
Нашего дня не сметь
Трогать: он весь жив.

Ближе плечом к плечу!..
Нашей ли широте
Пасынком ли лачуг
Жаться, осиротев?

С горем на перевес,
Зубы тоской сжав,
Фабрик и деревень
Ширься, тугой шаг..

— Станем на караул.
— Чтоб не взошли враги
— На самую
— Дорогую
— Из наших могил!

Если день смерк,
Если смех смолк,
Слушайте ход вверх
Жизнью гонимых смол.

С горем на перевес,
Зубы тоской сжав,
Фабрик и деревень
Ширься, сплошной шаг!

Н. АСЕЕВ.

Ленин и З.С.Ф.С.Р.

(Материалы).

Тов. Ленин принимал близкое участие в предопределении политических и экономических судеб Закавказских республик. Участие это было решающим и всегда благотворным, благодаря дивной способности отошедшего вождя даже на далеком расстоянии, без знакомства с деталями и подробностями, быстро разбираться в обстановке, из множества важных политических, военных, хозяйственных и других задач выбирать и фиксировать пристальным взглядом лишь важнейшую в данный момент и находить для ее выражения самую элементарную, лапидарную, прозрачную формулировку.

Непосредственно от Ленина политические указания-директивы мы, коммунисты Закавказья, получили в связи с советизацией Грузии.

25-го февраля 1921 года Революционный Комитет Советской Грузии вступил в обворованный меньшевиками Тифлис. Меньшевистское правительство во главе с Н. Жорданиа, в густом окружении всех своих «аппаратчиков», спекулянтов всех племен и наций, верхов черно-белого духовенства и прочих «живых сил», отходило на запад—к Кутаису, Батуму.

Мы, первые работники советизированной Грузии, учитывали довольно сложную политическую обстановку страны с ее своеобразной социальной структурой, с гипертрофированной мелкой буржуазией и чванливой интеллигенцией, в значительной части отравленной ядом националистического бешенства. Не упускали из виду отсталости экономики сей «азиатской Швейцарии», к тому же в продолжении последних лет переходившей из рук в руки империалистических хищников под клятвенные вопли грузменьшевиков о самостоятельности, независимости и нейтральности демократического оазиса. Но мы—нечего греха таить—твердо не знали, какое отражение этот учет должен найти в системе политических и экономических мероприятий новорожденной Советской власти Грузии: десятый с'езд партии был еще впереди, о новой экономической политике тогда еще не было слышно, а опыт советско-партийной работы большинства грузин-коммунистов, мобилизованных и переброшенных в Грузию из Азербайджана и Северн. Кавказа, был перегружен «шаблоном» военного коммунизма.

Мы чувствовали, что этого шаблона здесь, по условиям времени и пространства, повторять не нужно, что тут надо как-то по иному повернуть советский руль. Мы и стали шагать «иначе», но неуверенно, скорее инстинктивно, и постоянно выслушивая укоризненные замечания видавших советские виды товарищей..

Но вот через неделю, 3 марта, я (возглавлявший тогда Ревком, так как тов. Махарадзе еще не приезжал, он был в пути из Москвы в Тифлис) и тов. Элиава (другой член Ревкома и член Реввоенсовета армии) были вызваны к прямому проводу из Москвы. Через тов. Сталина тов. Ленин обратился к нам со следующими знаменательными словами:

«Передайте грузинским коммунистам и специально членам Грузинского Ревкома мой горячий привет Советской Грузии. Особенно прошу их сообщить мне—есть ли у нас с ними полное согласие по трем вопросам.

Первое: Надо немедленно вооружить рабочих и беднейших крестьян в целях создания грузинской Красной армии.

Второе: Необходима особая политика уступок по отношению грузинской интеллигенции и мелких торговцев. Надо понять, что последних не только нерасчетливо национализировать, а надо пойти на известные даже жертвы, лишь бы улучшить их положение и оставить им возможность вести мелкую торговлю.

Третье: Чрезвычайно важно искать приемлемого компромисса для блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, которые еще до восстания не были абсолютно враждебны мысли о советском строе в Грузии на известных условиях.

Прошу помнить, что и внутренние, и международные условия Грузии требуют от грузинских коммунистов не применения русского шаблона, а уменья создания гибкой, своеобразной тактики, основанной на большей уступчивости всяческим мелкобуржуазным элементам.

Прошу ответа

Ленин».

Как будто лучи сильного прожектора осветили круг особенных политических задач, стоявших перед компартией и Совбластью Грузии. Тов. Орджоникидзе (из Баку) и мы из Тифлиса обещали тов. Ленину в меру наших сил и уменья и в надежде на регулярное внимание его к нам провести в жизнь его указания, с которыми целиком была согласна вся организация, за исключением нескольких лево-левейших, вскоре, однако, круто качнувшихся вправо.

***

Тов. Ленин стал проявлять активное внимание к нашим вопросам. Основную силу, прогнавшую буржуазную власть, он подчинил правительству советской Грузии. Вот его телеграфное распоряжение Революцион. Военному Совету XI армии от 15 марта 1921 г.:

«Реввоенсовет XI. Копия Ревкому Грузии и т. Орджоникидзе.

Ввиду того, что части войск N армии находятся на территории Грузии, вам предлагается установить полный контакт с Ревкомом Грузии и строго сообразоваться с директивами Ревкома, не предпринимать никаких мер, могущих затронуть интересы населения, без согласования с грузинским Ревкомом, относиться с особенным уважением к суверенным органам Грузии, особое внимание и осторожность проявлять в отношении грузинского населения. Дайте немедленно соответствующие директивы всем учреждениям армии, в том числе и Особому Отделу. Привлекать к ответственности всех, нарушающих эти директивы. Сообщайте о каждом случае нарушения или, хотя бы, малейшего трения и недоразумения с местным населением.

Председатель Совобороны **Ленин**.

Зампредсед. Реввоенсовета **Склянский**».

Как все, исходящие от Ленина, и это распоряжение не было просто парадным приказом, для внешнего мира. Когда Ленин узнал, что в Тифлисе из склада одного из банков для армейской газеты было взято около 100 пудов газетной бумаги, принадлежавшей иностранной фирме, он распорядился непосредственных виновников из'ятия бумаги (военных) предать суду, а т-щу Махарадзе, председателю Груз. Ревкома, прислал телеграмму с угрозой от ЦК предания партийному суду, если он допустит повторение вмешательства военных не в свои дела.

***

Мы получили Тифлис, - да и всю Грузию, разоренным и обворованным. В складах Тифлиса не оказалось ни одного пуда муки или зерна—меньшевики забрали с собой даже пустые мешки.

В первые же дни после советизации мы получили с Сев. Кавказа свыше 150 тысяч пудов хлеба (кроме хлеба, потребного для армии) и стали снабжать бесплатно не только рабочих и служащих, но и бедное население города, причем в очереди «бедных» стояло не мало вчерашних торговцев и спекулянтов. Конечно, при таких условиях, никакие подкрепления с Советской России не могли бы удовлетворить Грузию, равно и Азербайджан и Армению. Но и в самой России, особенно в столице, остро давал себя чувствовать недостаток хлеба. Армия не раз выручала наш Наркомпрод из безвыходного положения, «одалживая» по несколько вагонов хлеба и другого продовольствия, но продолжать такую жизнь с сегодня на завтра, конечно, было невозможно. Надо было подумать о более существенном обеспечении потребностей и оздоровлении экономической жизни смертельно-бедных закавказских республик, разобщенных, разоренных, обнищавших. Особенно в тяжелом положении была Армения, голодная, тифозная, беженская, превращенная волей внутренних и внешних дашнаков в сиротский дом отчаяния. Тов. Орджоникидзе в качестве руководителя высшего партийного органа на Кавказе (Кав. Бюро ЦК РКП) информирует Центральный Комитет Партии о положении в Закавказьи. Ленин сразу ставит правильный диагноз «болезни Закавказья» в ответной телеграмме тов. Орджоникидзе:

«Получил вашу шифровку об отчаянном положении Закавказья. Мы приняли ряд мер, дали немного золота Армении, подтвердили всяческие поручения Компроду. Но я должен предупредить, что мы здесь сильно нуждаемся и помогать не сможем. Настоятельно требую создать областной хозяйственный орган для всего Закавказья; налечь из всех сил на концессии, особенно в Грузии; постараться купить хоть заграницей семян и двинуть орошение в Азербайджане при помощи рессурсов Баку, чтобы развить земледелие и скотоводство, а также постараться развить товарообмен с Сев. Кавказом. Усвоили ли вы и грузинские товарищи значение нашей новой политики в связи с продналогом? Прочтите это им и извещайте меня чаще; прочтите мое письмо Серебровскому в Баку.

Ленин».

9 апреля НР 78/Ш.

Тут дана не только общая линия ориентировки на хозяйственное об'единение Закавказья, а прямая директива практического осуществления этого об'единения немедленно, без проволочек. К стыду своему, мы не смогли выполнить своевременно и во всей полноте ленинскую программу экономического об'единения.

Благодаря сопротивлению одной группы товарищей, создание «Областного хозяйственного органа для всего Закавказья» повисло в воздухе. Нам втечение 21 г. удалось провести лишь об'единение железных дорог и создание так-наз. об'единенного внешторга, не получившего ничего от наших республик ни в основной, ни в оборотный фонд, но получившего от РСФСР разновременно свыше 7 миллионов руб. золотом, что не только спасло закавказские республики от голода, но и сдвинуло с мертвой точки дело их хозяйственного возрождения...

Ленин не успокоился на вышеприведенной телеграмме. Через несколько дней, пользуясь случаем отправления тов. **А. Ф. Мясникова** в Армению (председателем Ревкома Армении), он посылает письмо коммунистам Кавказа, письмо—образец широты, простоты и ясности ленинского охвата сложнейших политических и тактических проблем. В разговоре с т. Мясниковым Ленин указал, что в письме не подчеркнута вновь необходимость об'единения Закреспублик, ввиду того, что им уже посланы по телеграфу кавказским товарищам соответственные советы и указания.

Вот письмо Ленина:

«ТОВАРИЩАМ КОММУНИСТАМ АЗЕРБАЙДЖАНА, ГРУЗИИ, АРМЕНИИ, ДАГЕСТАНА, ГОРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Горячо приветствуя Советские республики Кавказа, я позволяю себе выразить надежду, что их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе.

Но как ни важен национальный мир между рабочими и крестьянами национальностей Кавказа, а еще несравненно важнее удержать и развить Советскую власть, как переход к социализму. Задача трудная, но вполне исполнимая. Всего более важно для успешного ее решения, чтобы коммунисты Закавказья поняли своеобразие их положения, положения их республик, в отличие от положения и условий РСФСР, поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий.

Советская республика в России не имела политической и военной поддержки нигде. Напротив, она годы и годы боролась против военных нашествий Антанты и ее блокады.

Советские республики Кавказа имели политическую и в небольшой мере военную поддержку от РСФСР. Это коренное отличие.

Второе: от Антанты не приходится сейчас бояться нашествия и военной поддержки белогвардейцев грузинских, азербайджанских, армянских, дагестанских, горских. Антанта «обожглась» на России, и это застанет ее некоторое время, вероятно, быть поосторожнее.

Третье: кавказские республики—страны еще более крестьянские, чем Россия.

Четвертое: экономически Россия была и в значительной степени остается (отрезанной от передовых капиталистических стран, Кавказ может наладить «сожительство» и товарообмен с капиталистическим Западом быстрее и легче.

Это не все различия. Но и указанных различий достаточно, чтобы понять необходимость иной тактики.

Больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству. Использовать экономически всячески, усиленно, спешно капиталистический Запад в политике концессий и товарообмен с ним. Нефть, марганец, уголь (Ткварчельские копи), медь—таков далеко не полный перечень громадных горных богатств. Есть полная возможность политику концессий и товарообмен с заграницей развернуть широко.

Надо это сделать широко, твердо, умело, осмотрительно, используя это всячески для улучшения положения рабочих и крестьян, для привлечения к строительству хозяйства интеллигенции. Всеми силами развить, используя товарообмен с Италией, Америкой и др. странами, производительные силы богатого края, белый уголь, орошение. Орошение особенно важно, чтобы поднять земледелие и скотоводство во что бы то ни стало.

Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР. Вот что надо понять и уметь осуществить в отличие от нашей тактики.

Мы пробивали первую брешь в мировом капитализме. Брешь пробита. Мы отстояли себя в бешеной, сверхестественной, тяжелой и трудной, мучительно-крутой войне против белых, эсеров, меньшевиков, поддержанных всей Антантой, ее блокадой, ее военной помощью.

Вам, товарищи-коммунисты Кавказа, не надо пробивать брешь, надо уметь с большей осторожностью и систематичностью создавать новое, используя выгодную для вас международную обстановку 1921 года. И Европа, и весь мир в 1921 году уже не то, что в 1917 и в 1918 годах.

Не копировать нашей тактики, а самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917—1921 г.г. Экономически сразу опереться на товарообмен с капиталистической заграницей, не скупиться: пусть десятки миллионов ценнейших горных продуктов достанутся ей.

Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения. Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму.

Извиняюсь за небрежность этого письма, которое я должен был набросать наскоро, чтобы отправить с тов. Мясниковым, и шлю еще раз наилучшие приветы и пожелания рабочим и крестьянам Советских республик Кавказа.

Н. ЛЕНИН.

Москва, 14 апреля 1921 года».

Об'единение жел. дор. и создание общего Внешторга дало положительный результат. Но вместе с тем выяснилось, что требуется более тесное хозяйственное об'единение, равно как об'единение политическое, государственного характера. Каждая республика продолжала жить своей обособленной замкнутой хозяйственной жизнью, имея свою собственную денежную систему, таможенные рогатки и т. п. В результате—страдала экономика всех республик. Об'единенные жел. дороги и Внешторг не имели прямого политического хозяина,—это было ненормально и вредило делу. Пограничные вопросы требовали постоянно-действующего органа, решения которого были бы авторитетны и общеобязательны,—без этого дело национального мира и братского сожительства народов всех республик Закавказья было не прочно. Все это повелительно указывало на необходимость усиления хозяйственного союза: единая денежная система, снесение таможенных рогаток и т. п., и необходимость государственного единения республик Закавказья между собою и с остальными Советскими республиками. Идея о федерации Закреспублик стала в порядок дня закавказских партийных и советских органов осенью 1921 г. Известное решение по этому вопросу пленума кавк. бюро РКП в Баку стало исходным моментом борьбы за государственную связь Закреспублик. Каково было отношение Ленина к идее политического об'единения этих республик? На этот вопрос лучше всего ответить выдержкой из отчетного доклада секретаря ЦК РКП тов. Сталина на 12 с'езде (см. «Протоколы», стр. 184):

«... Основной вопрос в Закавказьи—это вопрос о федерации Закавказья. Позвольте мне прочесть маленький документ, говорящий об истории директивы ЦК РКП о Закавказской федерации.

28 декабря 1921 г. тов. Ленин присылает мне проект своего предложения об образовании федерации Закавказских Республик. Там сказано: **1) Признать федерацию Закавказских Республик принципиально абсолютно правильной и безусловно подлежащей осуществлению, но в смысле немедленного практического осуществления преждевременной, т. е. требующей нескольких недель для обсуждения, пропаганды и проведения снизу; 2) предложить Центральным Комитетам Грузии, Армении, Азербайджана провести это решение в жизнь».** Я списываюсь с тов. Лениным и предлагаю не торопиться с этим, подождать, дать некоторый период времени местным работникам для проведения федерации. Я пишу ему: «Тов. Ленин, против вашей резолюции я не возражаю, если согласитесь принять следующую поправку: вместо слов «требующей нескольких недель обсуждения» в пункте 1 сказать: «требующей известного периода времени для обсуждения» и т. д., согласно вашей резолюции. Дело в том, что «провести» федерацию в Грузии «снизу», в «Советском порядке» в несколько недель нельзя, так как в Грузии Советы только начинают строиться.

Они еще не достроены. Месяц назад их не было вовсе, а созвать там С'езд Советов в «несколько недель» немыслимо,—ну, а федерация без Грузии будет бумажной федерацией. Думаю, что нужно положить два-три месяца на то, чтобы идея федерации одержала победу в широких массах Грузии. Сталин». Тов. Ленин отвечает: **«Я принимаю эту поправку».** Через день **это предложение принимается голосами т.т. Ленина, Троцкого, Каменева, Молотова, Сталина.** Зиновьев отсутствовал, его заменял Молотов. Это решение было принято полит. бюро в конце 21 г., как видите, единогласно. С этого же времени ведет свое начало борьба группы грузинских коммунистов, во главе с тов. Мдивани, против директивы ЦК о федерации»...

Вот уж поистине комментарии излишни. Ленин не только признавал необходимым проведение Закавк. федерации, но обнаруживал нетерпение, стоял за немедленную реализацию этого «абсолютно правильного и безусловно, подлежащего осуществлению» решения. Но не так расценивали это решение некоторые товарищи, не желавшие подчиниться постановлениям местных и центральных парторганов, равно как выяснившейся воле самых широких масс всего Закавказья. Эта группа товарищей начала и продолжала свою борьбу с энергией и изворотливостью, достойных иного применения в советской стране. Центральный комитет партии во главе с Лениным впоследствии не раз высказывался по этому «спорному» вопросу.

***

Ленин не ограничивался одними этими директивами. Он время от времени проверял, что делается, что сделано, что нужно изменить. Теребил тех, от кого зависел успех дела. Подбадривал, при случае угрожал суровой партийной расправой. Перечитывать его письма по самым, казалось бы, пустяковым для него, для вождя мирового пролетариата, вопросам—это значит пройти целую школу искусства предвидения и управления. Эти письма, как правило, не длинны, но написаны так, что после прочтения не успокоишься до тех пор, пока не выполнишь предлагаемых автором письма советов. «Краткие фразы какбы стреляют мыслями» (выражение, кажется, тов. Сталина), некоторые слова подчеркнуты иной раз два, три и больше раз.

Вот, например, письмо на имя тов. Орджоникидзе относительно формирования грузинской Красной армии:

«Тов. Серго! Абсолютно необходимо, чтобы на С'езде Советов Грузии было принято решение об обязательном усилении Красной армии **Грузинской** (подчеркнуто здесь и ниже в подлиннике. М. О.) и чтобы это решение было выполнено **на деле**.

В крайнем случае, если крестьяне против, надо провести решение хотя бы в самой общей форме: признать необходимость «обязательно усилить Грузинскую Красную армию, призвать все органы власти и все труд. массы к работе над этим» и т. п.

Но **на деле** во что бы то ни стало и **немедленно** развить и усилить Грузинскую Красную армию. Пусть 1 бригада для начала, пусть даже меньше 2-3 тысяч курсантов красных, из них полторы тысячи коммунистов, чтобы эти курсанты могли (будучи кадрами) развернуться в армию, когда **понадобится**,—это абсолютно необходимо.

Сталин добавит, может быть, подробнее о военно-технических способах выполнения.

Я ограничиваюсь политической стороной дела: за невыполнение этого выгоним из партии **безо всяких**. Тут шутить нельзя. Это политически абсолютно необходимо — и Вы лично и весь Грузинский ЦК ответит перед всей партией за это. Жду ответа. Ваш Ленин.

13 февраля 1922 года. Это и для тов. Серго, и для всех членов ЦК Груз. Ком.».

«Безо всяких» и тов. Орджоникидзе, и все остальные принялись за дело и двинули его вперед, и если сейчас груз. армия существует, вскоре развернется в корпус и занимает не последнее место в общей рабоче-крестьянской армии, то это, главным образом, благодаря тов. Ленину, который лучше нас знал, где у нас болело тогда здесь и комбинированным методом убеждения—принуждения заставил, кого следовало, двинуть заторможившееся дело создания действительной вооруженной силы рабочих и крестьян Грузии.

Или возьмем другое письмо Ленина по поводу Земо-Авчальской гидроэлектрической станции. Письмо это до некоторой степени отраженный продукт той уродливой склоки, которая возникла вокруг вопроса о Закфедерации. Москва согласилась отпустить один миллион рублей на Земо-Авчальскую станцию. Но вот один из группы не приемлющих никакого единения Закреспублик, попав на работу в наркомфин РСФСР, подал протест и в НКФ, и в ЦК РКП по поводу предполагаемого отпуска субсидии тифлисскому исполкому на постройку гидро-электрической станции, доказывая, что у тифлисского исполкома денег недостаточно для таких начинаний. Естественно, что такое официальное заявление ответственного работника из Грузии ввело в сомнение тех московских товарищей, которые согласны были на субсидию. И вот Ленин 16-го октября 22 г. пишет наспех письмо тов. Орджоникидзе:

«Т. Серго! И Сталин, и Сокольников оказались против ассигновки на электрическую станцию под Тифлисом. Компромисс: поездка Туманова. Отнеситесь **с сугубым** (подчеркнуто дважды. М. О.) вниманием. Весь материал сообщите (для управдела), мне пришлите и весь материал и **краткую** (подчеркнуто три раза. М. О.) сводку (для меня лично). Ваш Ленин».

По судьба станции выправилась. Тифлисский исполком уже получил из центра около трех миллионов рублей на Земо-Авчальскую станцию. Гордость сооружения этого мощного очага развития тифлисский пролетариат, нет сомнения, разделит с Лениным, добрым гением электрификации по всему СССР.

М. ОРАХЕЛАШВИЛИ.

Мои встречи с тов. Лениным.

Впервые тов. Ленина я увидел в январе 1918 года на первом и последнем заседании Учредительного Собрания. Наша фракция довольно-таки нескладно обсуждала вопрос о судьбе Учредительного Собрания в перерыве после декларативной речи председателя Чернова. Вдруг появляется во фракции Ленин. Коротко и энергично он доказывает необходимость покончить с контр-революционным Учредительным Собранием. Технический способ разгона он предлагает такой: «после сегодняшнего заседания всех членов Учредительного Собрания выпустить из Таврического дворца, на следующий день в него впустить только коммунистов и левых эсеров». Предложение было принято, осуществлено—и Учредительное Собрание было распущено именно таким образом.

Потом помнится встреча на 3-м С'езде Советов, еще другие многочисленные встречи, разговоры и собеседования втечение 18, 19, 20 и 21 г.г. Но их всех не перечислишь. Остановлюсь на самых главных встречах, которые особенно ярко запечатлелись в памяти.

Вот март месяц 1919 года. Партия приступила к организации Красной армии. Старый фронт разрушен. Опасность германского империализма, подобно смерти, охватила всю нашу советскую страну. Идут в рядах партии споры относительно метода организации Красной армии. Боевой вопрос—привлечение военных специалистов и кадровых офицеров. Большая часть тогдашних военных работников были против этого привлечения. Эти работники апеллируют к товарищу Ленину, который только что вместе со всем правительством и центральным комитетом партии переехал из Питера в Москву. Собираемся в Кремле, тогда еще неуютном, пустом и неохранявшемся. В одной из комнатушек самого верхнего этажа около 40-50 военных работников, под председательством тов. Ленина, открывают свое совещание. Втечение нескольких часов идет спор вокруг вопросов о военных специалистах, общей организации армии, мобилизаций, роли коммунистов в армии и т. д. Главнейшая тема—с военными специалистами или без них. Подавляющее большинство собравшихся высказывается против привлечения военных специалистов. Тов. Ленин только слушает. В конце собрания он лишь вкратце резюмирует все сказанное. Как будто бы он хочет на этом закончить собрание. Мы предлагаем вынести резолюцию соответственно с духом речей большинства ораторов. Тогда Ленин бросает нам: «Но, ведь, это только совещание. Вы попросили нас выслушать вас, мы вас выслушали, весьма благодарны вам за вашу информацию, а теперь разрешите нам, центральному комитету партии, вынести решение по данному вопросу, использовав, разумеется, и ваш опыт и ваши советы». Собрание ничего не могло возразить, хотя оно разошлось недовольное тем, что не закрепило своего мнения определенной и твердой резолюцией, направленной против военных специалистов, против неприемлемых для большинства военных работников методов организации Красной армии. Следует отметить, что это время было эпохой, если можно так выразиться, военного романтизма многих тогдашних военных работников-коммунистов. Центральный комитет не пошел навстречу этому военному романтизму, он вынес свое твердое решение о том, что мы без военных специалистов и старых кадровых офицеров, не имея своего командного состава, не имея за душой ничего в военном отношении, не обойдемся в деле организации Красной армии. Была дана после этого ясная линия, по этой линии было поступлено к организации Красной армии. И то, что заявил нам тов. Ленин на этом военном совещании, впоследствии, как известно, оправдало себя.

Ноябрь 1918 года. Происходит 6-й чрезвычайный С'езд Советов. В Германии надвигаются новые события. Германские войска на нашей узкой границе, под Смоленском, шевелятся. Они дезорганизованы и собираются к себе домой. Но все же положение неопределенное. Помню, как в Большом театре (Москва), в нижней ложе около сцены, где обычно собирается президиум наших Советских С'ездов, после открытия 6-го С'езда поздно вечером встречаемся тов. Ленин, Свердлов и я. Беседуем насчет положения на нашем Западном фронте (тогда я работал в Западной области), Тов. Ленин и Свердлов решают, что я должен «сегодня же вечером выехать обратно в Смоленск», оттуда информировать Москву о положении дел и вместе с местными работниками принять меры на случай каких-нибудь осложнений на западной границе. Тов. Ленин дает самые подробные, мельчайшие советы. Предлагает быть начеку, настороже, не раздражать немецкие войска, принять меры, чтобы наше имущество не было разграблено; даже такие подробности: чтобы телеграфные аппараты и звонки—колокола на станциях остались в наших руках. Это были советы настоящего хозяина, великолепно понимавшего, что малейшая неосторожность и малейшая потеря нашего имущества отразятся на организме бедной и разоренной Советской России.

Весна и лето 1919 года. Это—полное тревоги, печали и трагизма время для нашей страны. Наступление сильнейшего врага. Полнейшая разруха хозяйства. Распыление пролетариата. Голод, нужда и недовольство. И тогда московский Совет пришел к идее о полуторапудовом запасе для голодных московских рабочих. В Москве не было хлеба. Голодные рабочие выезжали в сравнительно хлебородные губернии, Самару и далее, приобретали на душу не более полутора пуда хлеба и ввозили в Москву. В июле месяце затруднения достигли наивысшей точки. На нескольких предприятиях были выброшены белые флаги, это—знак ропота и недовольства. Надо было успокоить эти массы, надо было итти к ним. А сделать это было трудно. Мы, московские работники, обратились тогда за советом к тов. Ленину. Всегда в те моменты, когда нам не удавалось решать даже самые простые вопросы, в минуты невзгод и трудностей, каждый из нас неизменно обращался к нему за помощью письменно, по телефону, лично—путем свидания. На этот раз разговор был по телефону. Мы в нескольких словах информировали его о положении дел в районах, в частности в Сокольническом районе. Он нашел, что положение серьезное, но что единственный выход—итти к рабочим и терпеливо растолковать им, об'яснить, в каком положении находится Советская власть, рассказать, что Красная армия истекает кровью, что мы со всех сторон окружены, что остается еще несколько недель и месяцев и что нужно лишь терпение, напряжение всех сил, еще один прыжок через голод и нужду—и мы победим. И он добавил: «если вы по товарищески, по дружески все расскажете рабочим, откроете перед ними всю душу Советской власти,-рабочие нас поймут, они придадут нам еще новые силы, и мы выйдем из затруднения». Тогда он формулировал так: «Теперь на наших глазах совершается чудо. Это чудо заключается в том, что голодные русские рабочие против всего мира всех хищников, конечно, спасут Советскую Россию. Это будет чудо для нас, но это чудо будет». Мы с этими мыслями тов. Ленина и вышли к рабочим, которые живо поддержали Советскую власть и пошли навстречу нашей партии.

К этому же времени относятся происходившие тогда по всей Москве широкие рабочие и красноармейские конференции, на которых московская организация нашей партии ставила, главным образом, вопросы о красных фронтах, об организации армии, о международном положении, о связи Красной армии с деревней и т. д. В Ходынских лагерях была созвана такая очень большая красноармейская конференция, беспартийная, многотысячная, состоявшая из голодных, раздетых и серых красноармейцев, настроение которых, конечно, не было розовым. Этой массе нужно было растолковать по революционному, интимно, раз'яснить положение вещей. Товарищи из московского комитета решили основным докладчиком на этой конференции выпустить тов. Ленина. Мы получили его согласие. Необходимо отметить, что он обычно никогда не отказывался от выступлений в рабочих районах, в партийных кругах, среди красноармейцев, я в списке агитаторов и пропагандистов Московского Комитета тов. Ленин считался самым исправным, продуктивным и, разумеется, наиболее ценным оратором. С погибшим в сентябрьские дни 1919 года секретарем Московского Комитета тов. Загорским мы поехали за тов. Лениным. После 10-15-минутного разговора о настроении рабочих и Красной армии, о московской организации, мы вышли вместе с ним и отправились на Ходынское поле. Дорогою, конечно, разговоры только о положении Советской власти, о продовольствии, о затруднениях, и в конце о том, что все-таки мы победим. Аудитория знала, что в этот день должен выступить тов. Ленин. Она встретила его очень тепло. Многие из красноармейцев слышали его впервые. В этот вечер Ленин был в особенном ударе. Повидимому, масса вся захватила его, события целиком заполнили весь его ум, всю его душу. Он сделал большой доклад о международном и внутреннем положении Советской России. Речь продолжалась более часу. Она сразу же наметила определенный перелом в настроении многотысячной аудитории. Речь была понята, усвоена, в конце ее беспартийная конференция устроила тов. Ленину большую овацию. Помню, как сегодня, что эта речь имела большое значение для тогдашнего гарнизона Москвы. Летом 1919 года весь гарнизон, кажется, впервые после революции, был собран в Ходынских лагерях. Положение гарнизона было незавидное, тем самым настроение красноармейцев—колеблющееся, не вполне определившееся. Конференция должна была бросить в эту—в несколько десятков—тысячную красноармейскую массу революционную идею, идею укрепления и поддержания Советской власти, на которую (власть) со всех сторон напирали сильнейшие контр-революционные враги. И эту роль конференция сыграла, благодаря выступлению тов. Ленина, яркому, размашистому и так освежившему всю атмосферу.

В эти же дни была такая же многочисленная беспартийная конференция в Баумановском районе, на этот раз рабочая конференция. Настроение такое же подавленное на почве голода, на почве общей хозяйственной разрухи. Тов. Ленина мы повезли и на эту конференцию. Выступление его там сыграло для рабочих масс такую же роль, как и на Ходынке. Для определения революционного мужества и оптимизма тов. Ленина важно здесь отметить то обстоятельство, что в эти труднейшие моменты, когда все вокруг распылялось, разрушалось, когда все давило со всех сторон, напирало, когда внутренняя контр-революция беспрерывно чинила свои козни, когда и среди иных наших работников блуждало уныние, временами апатия, а иногда и отчаяние, тов. Ленин неизменно твердил и говорил на собраниях и в частной беседе, что победивший в Питере и Москве пролетариат, который в своем большинстве поддерживает Советскую власть, поддержит ее до конца. Советская власть, несмотря ни на что, сохранится, останется и выйдет из, как казалось тогда, безнадежного положения. В те времена таким оптимизмом мог дышать такой человек, который всеми фибрами своей души, всеми своими мыслями, всем своим существом был органически связан с рабочим классом, в мощь и силу которого он верил безгранично, человек, который, основываясь на этом, видел далеко вперед и, тем самым, мог смело предсказывать судьбу Советской власти.

Далее, я здесь не останавливаюсь на встречах и разговорах с тов. Лениным втечение осени и зимы 1919 года, самых страшных месяцев Советской власти, когда в рядах нашей партии шла лихорадочная работа по обороне страны, по напряжению последних усилий пролетариата и по сломлению воли наших врагов.

В начале 1920 года страна вздохнула облегченно. Главнейшие силы врагов были парализованы под ударами Красной армии и всей страны. В сегодняшний день апреля месяца 1920 года московская организация решила отметить 50-тилетие со дня рождения тов. Ленина. Разумеется, мы об этом не сообщили ему, назначили на вечер большое собрание членов московской организации, пригласили для изложения своих воспоминаний ряд т.т.—Каменева, Сталина, Горького и др., устроили музыкальное отделение с лучшими номерами (тов. Ленин очень ценил игру Страдиварифусов и исполнение на рояли), и когда провели первое отделение, т. е. воспоминания о Ленине, я позвонил т. Ленину по телефону и попросил его приехать на собрание. Разумеется, он отказывался и говорил, что он никаких речей о себе слушать не хочет, но когда я ему заявил, что мы его приглашаем на концертное отделение, на котором будут присутствовать его любимые артисты—Шар, [illegible] согласился [illegible] у здания Московского Комитета. Мы глубоко [illegible] к нему [illegible] дрожки, — [illegible] обращавшихся, несомненно увидав его, неожиданно, ибо она знала, что тов. Ленин скрывается и не хочет итти на свое «чествование», устроила ему самую теплую, дружескую бурную овацию и заставила его сказать несколько слов, которые он посвятил нашей партии. Концертное отделение прошло в очень уютной, чисто товарищеской обстановке, где тов. Ленин делился своими воспоминаниями о подпольной, зарубежной жизни нашей партии и старых большевиков. Я помню, что он в этот вечер был особенно весел. Повидимому, в его памяти воскресли самые радостные дни его жизни, самые лучшие страницы героической истории нашей партии.

Первое мая 1920 года было об'явлено нашей партией всероссийским субботником. На этом субботнике, в Кремле, совместно с рабочими и красноармейцами, принял участие и тов. Ленин. После субботника он позвонил ко мне по телефону (общение телефонным способом по многим вопросам партийной и московской жизни у наших работников с тов. Лениным было постоянное) и попросил проехаться вместе с ним в районы. Вечером этого дня были назначены митинги. Должен отметить, что великий революционер, который никогда, ни на одну секунду не терял своей связи с массами, пролетарские праздники и торжественные дни почти всегда любил праздить вместе с рабочими в районах. Нередко бывало, когда в вечер годовщины Октябрьской революции, 1 мая и т. д. он без предупреждения являлся в какой-нибудь район, рабочий клуб, общался с товарищами, беседовал с ними, расспрашивал их, произносил несколько слов, воодушевлял и поднимал настроение. Так он поступил и в вечер 1-го мая 1920 года. Вместе с тов. Цвицивадзе в назначенный час я поехал за ним. Тов. Ленин, его сестра Мария Ильинична, тов. Цвицивадзе и я выехали в районы. Поехали прямо в Бауманский район, где в Рабочем доме, в ожидании митинга, сидели и стояли в проходах тысячные рабочие массы. Конечно, никто не ожидал прихода тов. Ленина, в том числе и районные работники. Через толпу массы мы пробиваемся к сцене, а на сцене еще нет никого, ни районного комитета, ни артистов, которые в этот вечер после митинга должны были выступить перед рабочими. Что делать? Ждать нельзя, ибо нужно поспеть и в другие районы. Аудитория вся налицо. Мы распределяем роли, я беру на себя председательствование, об'являю митинг открытым, предоставляю слово «оратору сегодняшнего дня тов. Ленину». Аудитория от неожиданности бурлит, аплодирует, восклицает. Тов. Ленин втечение 15-20 минут бросает в рабочую массу, как искры, свою живую и ясную речь о значении Советской власти, Красной армии, о контр-революции, о сплоченности и борьбе рабочего класса в связи с 1 мая. Подбадривает, воодушевляет аудиторию. Председательствующий закрывает собрание под бурные аплодисменты, об'являет, что больше ораторов нет, и что через 15 минут откроется концертное отделение.

Мы перекочевываем в клуб имени тов. Загорского. Его т. Ленин довольно-таки хорошо знал лично. В этот день как раз открывался этот клуб. И тут неожиданная речь тов. Ленина, посвященная памяти погибшего товарища. Далее, едем в Пресненский район. Здесь несколько тысяч рабочих в стенах Прохоровской мануфактуры ожидают открытия митинга. Такая же встреча. Речь живая, мужественная и оптимистическая. Она продолжается около ¾ часа. Оставляем Прохоровку и едем в Замоскворецкий район, в Институт им. Карла Маркса (бывший Коммерческий Институт). Останавливаемся у под'езда здания. Быстро узнают тов. Ленина, окружают автомобиль. Вот подходят двое мальчишек, один из них в упор говорит ему: «А я вас узнаю по карточке—вы будете тов. Ленин». Последний улыбается. Входим в аудиторию, где сидит огромная масса рабочего Замоскворечья. Появление тов. Ленина вызывает овацию, прерывающую речь очередного оратора. Слово предоставляется Ленину. Оратора слушают с напряженным вниманием.

Об'езд окончен, возвращаемся домой. Разумеется, всю дорогу расспросы, вопросы, разговоры о Москве, о положении московских рабочих, о партии, о том, как была совершена Октябрьская революция в Москве, о старых вывесках на магазинах, которые следовало бы заменить советскими, что имело бы огромное агитационное значение, о ремонте домов, об улучшении санитарии города и т. д., и т. п. При этом должен добавить, что у меня в этот день была сильная ангина, и мое горло было повязано. Тов. Ленин все время уговаривал меня вернуться домой, чтобы не простудиться, спрашивал, сильно ли болит горло, по дороге домой, несмотря на все мои протесты, он все-таки предложил свернуть машину в сторону моей квартиры, подвез меня, не успокоился и не поехал к себе до тех пор, пока не высадил меня. Впрочем, эта черта тов. Ленина отмечена многими другими товарищами—удивительное внимание к товарищам, даже к мало знакомым (ну, что я был для него!), попечение о тех товарищах, рабочих, трудящихся, артистах, писателях и др., о нуждах которых доходили вести до тов. Ленина. Я знаю примеры, когда он, зная, что такой-то товарищ заболел, иногда без всякого предупреждения выходил из Кремля, направлялся к нему, внезапно являлся, расспрашивал: получает ли он медицинскую помощь, есть ли у него средства на лекарства, каково его питание, а потом, возвращаясь домой, делал соответствующие распоряжения. Нередко были случаи, когда Московский Совет получал от тов. Ленина записки или просто резолюции на заявлениях, не говоря уже о рабочих, даже артистов и писателей о помощи с просьбой оказать содействие вплоть до того, чтобы выдать тому или другому обувь, белье и т. д. Таково было бившееся в его груди сердце этого крупнейшего вождя пролетариата.

В середине апреля 1921 года я должен

время которого мы вели с ним обстоятельную беседу о том, как нужно работать на Кавказе, для этой работы каким образом необходимо учесть опыт русской революции, какой политики нужно придерживаться по отношению к Турции и—самое главное—он советовал быть осторожным и щепетильным по отношению к народам Востока, которые уже просыпаются, которые нуждаются в просвещении и которые, просветившись, совершат у себя еще более грандиозный, чем в России, переворот. Отнним словом, он тогда излагал ту нашу линию, которую мы, начиная с 1921 года, проводим в Закавказьи и на Ближнем Востоке. Сразу стало ясно, что работа на Востоке—это весьма сложная и ответственная вещь, и потому я попросил тов. Ленина вкратце изложить свои мысли на бумаге, в виде письма, дабы я это письмо мог доставить кавказским товарищам, а они могли руководствоваться им в своей повседневной работе. Ленин охотно согласился на это. На следующий же день курьер от него доставил мне его письмо, которое он потом в моем присутствии попросил тов. Сталина «исправить где нужно, ибо сам автор не так уж свелуш в кавказских делах и легко мог допустить ошибки». Такова была скромность тов. Ленина лишенного авторского самолюбия, которым болеют многие из нас, так называемых, литераторов. Письмо это известно закавказским товарищам, оно своевременно было опубликовано в наших газетах.

Последняя моя встреча с живым тов. Лениным состоялась в декабре 1922 года Тогда он жил в Горках, ныне в историческом доме, где оборвалась его жизнь. Оттогда только что окончательно оправился от первого удара и собирался уже вернуться в Москву, чтобы приступить к обычным своим работам. Был весел, смеялся Жаловался только на то, что доктора его мучили, пичкали его лекарствами, испортили ему желудок; говорил, что «теперь чувствует себя хорошо» и надеется, что будет по старому работать. И, действительно, он мало изменился тогда. Много расспрашивал по обыкновению живо интересовался всем Говорил о закавказских делах. Спрашивал поднялась ли опустошенная Армения, как обстоят там дела с хлопком, с орошением, с продовольствием, достаточно ли крепка национальная Красная армия, не обижаем ли мы «мелкий люд», нет ли агитации со стороны буржуазной интеллигенции, не вопят ли последние о «русских штыках» и т. д. и т. п. Я ушел от него под тем впечатлением, что Закавказская федерация и намечавшийся тогда Союз Советских Республик по мысли тов. Ленина еще более укрепят межнациональную дружбу и усилят Советскую власть.

В январе 1924 года я пошел к тов. Ленину в последний раз. Но я видел тогда мертвого Ленина.

Таковы мои воспоминания о встречах с ним. Разумеется, я далеко не исчерпал всего того, что можно было бы написать об этих встречах. О, если бы возможно было сохранить в памяти все его мысли, слова, советы, рассуждения, одним словом, ту голову с ослепительным светом, лучи от которой не раз оказывали на меня, живого человека, свое поразительное воздействие!

Я бесконечно счастлив и по проб жити буду гордиться и вместе с тем поражаться (как будто бы это не сон!) тому, что был современником, был знаком лично, разговаривал с ним, пожимал ему руку, ходил я сидил вместе с ним, был последователем я маленьким учеником этого гиганта, гения и величайшей горы нашего времени.

А. МЯСНИКОВ.

Ленин среди мусульман.

Не было еще имени ни христианского, ни мусульманского мира, пользовавшегося среди мусульман такой решительной известностью, авторитетом и обаянием, как имя Владимира Ильича Ленина, вождя могучей коммунистической партии и мирового пролетариата.

Правда, пророк Магомет не менее известен среди исламского мира, начиная от младенца, кончая стариками, но с именем его связано обещание награды—безразлично, бедным и богатым—по заслугам на том свете, в раю, с оставлением, таким образом, на произвол судьбы униженных и оскорбленных, обиженных и обездоленных. Магомет не мог приблизиться к суровой действительности и неприглядности жизни, не мог внести свет в нее и указать путь к избавлению, отвлекся от живой жизни, окунался в туман. Он не чувствуется, не ощущается, он только мыслится.

Ленин же чувствуется и ощущается в каждом вопросе и факте повседневной жизни.

«Разве Ленин так учил?», «разве Ленин так говорил?», «да, ведь это против Ленина!» —можно услышать у самого простого крестьянина и отживающей свой век старушенки.

Как говорил и чему учил Ленин—они, конечно, по умному, по образованному, не знают, но зато глубже, честнее, образованного своим чувством, сердцем, горем поняли Владимира Ильича, близко подошли к нему, сделали его своим. Он всегда с ними, всегда на страже их интересов.

Вся масса мусульманской бедноты, весь трудящийся в поте лица люд считает Ильича своим человеком.

— Ленин совсем не русский, он всех, он единственный,—слышал я характеристику его от одного мусульманского мальчика в далекой деревне.

— Я у вас ничего не прошу, только умоляю рассмотри мое дело, как т. Ленин говорит, которого многие бессовестные спрятали, — жаловалась мне мусульманка, изгнанная мужем...

Так живет Владимир Ильич среди мусульманской бедноты и—думаю—бедноты всего мира, живет в их сердцах, и он же их спасет.

Вечная слава тебе, наш Великий Вождь!

АГАМАЛИ-ОГЛЫ.

Ленин и Турция.

Смерть Ленина произвела в Турции, как и в других странах Востока, огромное впечатление и встречена была многими с неподдельной печалью.

Большое Национальное Собрание Турции устами одного из его видных депутатов—Джелал-Нури—в таких словах выразило свое отношение к смерти Владимира Ильича:

«Сегодня мы узнаем о величайшем горе, постигшем дружественную нам Россию. Смерть председателя правительства, Ленина, явившаяся ударом не только для России, но и для всего мира, опечалила нас всех.

Пять лет тому назад, когда мы были отовсюду окружены врагами и когда наше положение казалось безвыходным, правительство Ленина, боровшееся с мировым империализмом, поняло правоту нашего дела и оказало нам моральную и материальную помощь.

Ленин—этот высокоуважаемый человек—проявлял по отношению к нам свое расположение в самые черные для нас дни. То были дни, когда у нации были самые тяжелые думы... На всех границах нашей страны были враги.

И тогда Ленин протянул нам руку помощи. В самые трудные минуты он всегда нас ободрял своими письмами и телеграммами.

Помимо того, Ленин явился одним из самых великих деятелей российской и мировой революции. Под руководством Ленина российская революция уничтожила с корнями нашего векового врага—царизм—и отразила наступление мирового империализма.

В лице Ленина человечество лишилось гениальнотг деятеля в мировом масштабе.

Совершенно ясно, что наш меджлис сочувствует русскому народу в постигшем его горе».

Втечение последних дней января месяца и в первую половину февраля все турецкие газеты—анторские, константинопольские и провинциальные—помещали многочисленные сообщения, связанные со смертью Ленина, печатали его подробную биографию и ряд статей, характеризующих Владимира Ильича, как величайшего гения и революционера.

Газ. «Хакимиет Милие» говорит, что «сообщение о смерти главы СССР Ленина вызывает наше искреннее соболезнование не только потому, что мы связаны дружбой с соседним государством, но также и в силу того, что Россия в лице Ленина потеряла великого идейного человека в мировом масштабе».

«Вся жизнь Ленина доказывает, что он был честным и великим человеком. Все помыслы Ленина были направлены на освобождение рабочих и крестьян. Для достижения этих целей Ленин потратил всю свою жизнь».

Другая влиятельнейшая из турецких газет «Ени Гюнь» в статье редактора ее Юнус-Нади говорит о существовании в настоящее время и о необходимости в дальнейшем тесной дружбы между СССР и Турцией. Она говорит далее, что этот союз, эта дружба созданы были Лениным.

«Сейчас его нет уже в живых, навсегда закрыты его глаза, и, думая об этой глубоко печальной для нас утрате, мы не можем удержаться от дорогих нам воспоминаний...

Для нас, турок, очень интересно отметить, что упорная оборона нами проливов явилась одною из важных причин великой русской революции. Если бы Турция не принимала участия в мировой войне или если бы она не сумела так долго защищать проливы, то мировая война не могла бы продолжаться так долго. Союзники быстро победили бы, и тогда в России не было бы места революции. Таким образом, мы, турки, оказали русской революции значительную услугу...

Революционная Россия явилась первым государством, с которым мы заключили дружественный договор. В то время, когда Турция была почти задушена и когда враг вторгся в сердце Анатолии, турки, ведя с ним борьбу, возложили большую надежду на дружественных русских соседей.

Россия явилась первым государством, признавшим наше национальное и революционное правительство. В то время во главе русского правительства стоял Ленин».

Оппозиционная современному турецкому правительству константинопольская газета «Танин» также весьма сочувственно говорит о работе Ленина.

«Мы искренне сочувствуем нашему соседу в том горе, которое постигло его по случаю смерти Ленина, ибо Ленин был одним из самых великих руководителей большевизма... Высокие достоинства Ленина были оценены даже его врагами, которые всегда относились к нему с уважением.

После того, когда большевиками, во главе с Лениным были отвергнуты захватнические стремления русского царизма и об'явлены основы мира между народами, Россия стала очень любимой нашей соседкой.

Той любви, которая была проявлена большевистской Россией по отношени к нам во время национальной борьбы, мы не забудем.

Турция и Россия находились в одинаковой опасности перед лицом захватнических стремлений европейцев. Они имели перед собою одинаковых врагов. Вот почему между этими странами установилась дружба.

Нет ни одной державы, нет ни одной соседней нации, которая также искренне, как мы, желала бы установления и укрепления большевистского строя в России и занятия им прочного положения,—такого прочного, чтобы в дальнейшем он не мог бы быть свергнутым. Ибо мы знаем, что покуда будет существовать большевистская Россия, до тех пор применяемая ее правительством внешняя политика будет самой желательной и приемлемой для нас. С этой точки зрения мы являемся друзьями большевизма в России.

Смерть Ленина не может расшатать фундамента большевистской власти».

В многочисленных турецких газетах печатались, в связи со смертью Владимира Ильича, обширные статьи, касающиеся международного политического и экономического положения СССР.

Во многих статьях, под влиянием ложных и враждебных Советскому Союзу сообщений англо-французской прессы, помещались отрицательные отзывы по поводу деятельности Коммунистической партии, говорилось о неприменимости к Турции коммунизма и т. д., и т. д., но в отношении тов. Ленина общим тоном было: «Ленин был честным, деятельным и убежденным революционером. Даже русские небольшевики любили Ленина за его честность и борьбу за идею... Ленин умер после победы».

«Ленин является одним из самых сильных умов, одним из самых искренних и решительных людей... Ленин является Гималаем революции».

Можно было бы привести еще много выдержек из турецких газет, принадлежащих к самым различным политическим оттенкам, но отзывающихся о тов. Ленине в таких же сочувственных и полных уважения тонах, как и предшествующие вышеприведенные выдержки, за исключением, сравнительно, немногих статей, проникнутых неприкрытой ненавистью к Советской власти и, видимо, продиктованных какими то другими лицами, далекими от турецких интересов.

Несомненно, что известие о смерти Ленина проникло со страниц газет до самых глухих и захолустных уголков Турции. Оно передавалось из уст в уста и стало известным самым широким кругам населения.

С грустью встретили эту печальную новость турецкие крестьяне и рабочие, потому, что они хорошо знали имя Ленина.

Еще несколько лет тому назад они слышали, что «Ленин кончил войну на Кавказе».

Позднее поняли они, что

— «Ленин—друг Турции и Востока».

Вместе с тем, хотя смутно и неясно, слышали они также, что Ленин зовет трудящиеся и порабощенные народы к борьбе со всеми угнетателями и эксплоататорами, что он призывает все человечество к новой радостной и счастливой жизни.

И эти призывы, эти лозунги тов. Ленина рано или поздно, но неизбежно сделаются достоянием трудящихся как Турции, так и всего пробуждающегося Востока.

НАЗИМ-СУБХИ.

За слабых и угнетенных.

Если верно, что гигантская фигура Ленина стоит и вечно будет стоять на рубеже двух эпох развития человеческого общества, то вдвойне верна эта истина по отношению к истории Востока. Один из основных принципов, формулированных и завещанных трудящимся массам всего мира великим вождем международного пролетариата тов. Лениным, заключается в том, что пролетариат каждой страны,—и это относится прежде всего к трудящимся массам европейских государств, Америки и Японии,—должен не на словах, а на деле солидаризоваться с революционно-освободительным движением всего Востока, понимая под последним и черный и желтый континенты. Приняв за основу своей программы по национальному и колониальному вопросам тезисы, вычеканенные тов. Лениным в знаменитых пунктах, которые отныне в глазах всего угнетенного Востока являются своего рода заповедями, III Интернационал вменил в обязанность коммунистическим партиям всех стран, особенно же стран угнетающих, оказывать самую активную помощь национально - революционному движению в государствах и нациях более отсталых.

Глава грузинских меньшевиков Жордания противопоставлял большевистской восточной политике так называемую европейскую линию меньшевиков, линию II Интернационала; меньшевики, дескать, европейские социалисты, а большевики азиатские социалисты; мы,—говорит Жордания,—носители культуры и цивилизации, а Москва—косности и фанатизма Азии.

Мы можем теперь указать Жордания на то, что весь III Интернационал стал на точку зрения большевиков, что все коммунисты — русские, французские, английские, итальянские и другие сделались теперь «азиатами», т. е. попросту союзниками всего борющегося колониального и полу-колониального мира, и решили всеми силами содействовать всякому революционному движению на Востоке. Сознательные рабочие, об'единенные вокруг Коминтерна, теперь знают, что когда в Англии решается вопрос о Персии, Индии или Афганистане, или хотя бы об одной провинции Китая, или когда во Франции идет речь о Марокко, Алжире, Транс-Сахарийском пути, то все это непосредственно отражается на судьбе французского, итальянского, английского, американского и всего мирового рабочего движения и требует непосредственного вмешательства и активных действий международного пролетариата. Рабочие Запада, идущие под знаменем коммунизма, не должны допускать отправки европейских войск в Анатолию, Сирию и Месопотамию, в Константинополь, в Египет, Афганистан, Марокко и т. д., и можно надеяться, не за горами тот день, когда международный пролетариат будет так же энергично бороться против удушения Востока, как он боролся с начала Октябрьской революции против удушения и блокады Советской России.

III Интернационал поставил своей основной задачей раз'яснение той простой истины, что пока черный и желтый континенты угнетены, пока европейские наемники угнетают турок, персов, арабов, египтян и др. европейский рабочий не сможет сбросить своих собственных цепей и будет оставаться рабом капиталиста. Поэтому III Интернационал и призывает европейских рабочих к борьбе за освобождение Востока.

Не так относился к колониальному вопросу II интернационал, не так действует теперь желтый, предательский интернационал, возглавляемый Каутским, Реноделем, Вандервельде и другими агентами империализма.

II интернационал по самой природе своей не был способен поддерживать революционное движение среди угнетенных народов; тем менее способен он взять на себя инициативу в деле революционизирования, или даже, попросту в деле пропаганды освободительных идей среди многострадальных народных масс Азии и Африки.

Наоборот, желтые социалисты молчали, когда французское правительство год за годом посылало новые и новые войска в Марокко и вырезывало мусульманские племена, когда англичане неистовствовали в Индии, душили Персию, порабощали Египет, устраивали в Африке кровавые оргии.

Более того, находились социалисты вроде Лагрозьера и др. члены партии, делегаты всяких социалистических, национальных и интернациональных конгрессов, открыто защищавшие колониальную политику, оправдывавшие порабощение туземцев благами цивилизации и прогресса.

И совершенно неосновательно накануне образования в Англии рабочего правительства желтая «Дейли Мейль» пугала в передовой статье (от 3 января 1924 г.) английского обывателя гибельными последствиями для английского господства в Индии перехода власти в метрополии в руки Макдональда, одного из виднейших представителей II интернационала.

Как только Макдональд стал во главе правительства Англии, он счел своим долгом открыто выступить с прямыми угрозами по адресу индусских революционеров.

Заметим, что другой член «рабочего правительства», видный представитель и теоретик «Независимой партии», ныне канцлер казначейства (министр финансов) в кабинете Макдональда, Сноуден, еще до образования первого рабочего правительства в Англии, пытался обосновать право господства Англии над Индией, африканскими колониями и т. д. В своей книжке «Если рабочие будут править» Сноуден доказывал, что «Британская империя—это факт», а потому «о расчленении империи могут говорить только экстремисты. Рабочее правительство должно обеспечить всем народностям, подвластным Великобритании, гуманное правление под руководством Англии до приведения их в культурное состояние, когда они смогут сами собой управляться».

Долго же придется угнетенным народам ждать освобождения, если они будут возлагать какие-либо надежды на II интернационал!

Лозунги, провозглашенные Лениным на 1 конгрессе Коминтерна, сыграли роль поворотного пункта в истории Востока.

К моменту Октябрьской революции положение главнейших стран Востока было глубоко трагическим. Турция после империалистической войны была уже накануне своей гибели. Персия, фактически разделенная на две части по сферам влияния между царской Россией и Англией, влачила жалкое существование, Афганистан стонал под гнетом английского капитала.

В это время прозвучало обращение Советского правительства к угнетенным народам Востока с призывом к освобождению от цепей европейского капитализма. Впечатление от обращения было огромное. Призыв Ленина звал на борьбу с угнетателями. Какие же иные лозунги, иные слова могли воодушевить народы Востока?

Народы Востока начали борьбу за национальное освобождение. Восток XX столетия уже не тот, каким он был в XIX столетии. XX век—пробуждение революционного духа в азиатских странах.

В Турции, Персии, Китае, Афганистане нет промышленного пролетариата, нет обширных фабричных зданий, под сводами которых десятки и сотни тысяч людей об'единяются в одном классовом чувстве ненависти к своим эксплоататорам. Но душа угнетаемого, униженного восточного человека, крестьянина и рабочего, порой даже мелкого и среднего лавочника, разбуженная громом революционных событий в России, воспламененная геройской борьбой русского народа со всем капиталистическим миром, проникнулась самоотверженным настроением, действенной революционной энергией.

В лице Ильича трудящиеся Востока потеряли своего горячо любимого и общепризнанного вождя. Передаром «Чен Пао», китайская газета, писала: «Ленин умер, но душа его живет в советском строе, и будет жить вечно. Весь мир поражен известием о его кончине, но никто его так не оплакивает, как слабые угнетенные народы. Единственная наша надежда и утешение в том, что угнетенные народы, следуя заветам Ленина, будут продолжать борьбу за свое освобождение».

Другая китайская газета писала: «Народы многих называют славными героями, но в сущности только малое количество людей заслуживает этого названия. Таким был Ленин, пользовавшийся всеобщей любовью. Ленин—яркая звезда человечества. Он ушел из нашего мира, но идеи его будут жить вечно».

Китайская партия Гоминдан, собравшаяся на свою всекитайскую конференцию, при известии о смерти Ленина об'явила трехдневный траур, прервала свои заседания на три дня и эти три дня использовала для заслушания специальных сообщений и докладов о Ленине.

Поистине начинается невиданная эпоха в истории трудового человечества, стонавшего по бременем правящих классов во тьме мракобесия, религиозного фанатизма, национальной обособленности и ненависти к другим народам и расам. В измученной международным империализмом стране, где сравнительно недавно было мыслимо боксерское восстание, призывавшее к истреблению всех «белых дьяволов» без различия пола, возраста и социального положения, на наших глазах складывается новый строй идей и чувствований. И тот же процесс развивается во всех странах колониального и полуколониального мира.

Во время грандиозного восстания мусульманских племен в Марокко против испанского владычества испанская и французская пресса отмечали небывалый в истории восстаний отсталых народов факт, «экстроординарный» факт, как писал «Тан», а именно: повстанцы не убивали ни женщин, ни детей, ни даже военно-пленных, а, наоборот, позволяли мирным испанским жителям покидать места военных действий. Но буржуазная пресса не поняла или просто умолчала, что этот факт свидетельствует о том, что великое революционное пролетарское движение послевоенной эпохи, что учение Ленина о братстве угнетенных народов всех стран не прошло бесследно даже для отсталых и темных горцев, населяющих неприступные твердыни испанского Рифа.

Китайские революционеры на три дня прервали свою конференцию, на которую с'ехались делегаты из самых отдаленных уголков многомиллионной страны. Мы тоже прервали заседания происходившего в тот момент с'езда Советов Союза Республик. Но Ленин, ведь, не только наш. Ленин це чужой для народов Востока. Он свой, он родной человек, брат, вождь и пророк для угнетенных народов Китая, Персии, Индии, Афганистана..

Пройдут века, забудутся имена Сакия-Муни, Будды, Магомета, Христа, но память о титанической фигуре Ленина будет жить вечно в сердцах народов Востока, как память о великом человеке, легендарном герое, который первый поднял знамя борьбы, горящий факел свободы.

Ленин умер. Но память о нем будет жить вечно и будет звать народы Востока к борьбе за окончательное освобождение, рука об руку с международным пролетариатом.

МИХ. ПАВЛОВИЧ.

СЕГОДНЯ в НОМЕРЕ

НЕИЗДАННАЯ СТАТЬЯ В. И. ЛЕНИНА С ПРЕДИСЛОВИЕМ Г. ЗИНОВЬЕВА.
Р. СТЮАРТ—«Исторический день».
М. ОРАХЕЛАШВИЛИ—«Ленин и З. С. Ф. С. Р.».
А. МЯСНИКОВ—«Мои встречи с тов. Лениным».
АГАМАЛИ-ОГЛЫ—«Ленин среди мусульман».
НАЗИМ-СУБХА—«Ленин и Турция».
МИХ. ПАВЛОВИЧ—«За слабых и угнетенных».
А. ХОДОРОВ—«Ленин и народы Востока».
Н. БУХАРИН—«Ленин как марксист».
Ф. СВЕТЛОВ—«На пути к Октябрю».
ИЛ. ВАРДИН—«Борьба с ликвидаторством».
Я. ЯКОВЛЕВ—«Об основном в ленинизме».
А. РУХАДЗЕ—«Сегодня».
С. ТАЛАКВАДЗЕ—«Ленин».
МИХА ЦХАКАЯ—«Заметки о ВладимиреИльиче».
ЕЛИЗАРОВА—«Владимир Ильич в Казани».
ДАНИЛОВ—«Владимир Ильич».
К. НОВИЦКИЙ (К. ПЕТРОВИН)—«Ленин и «Искра».
Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ—«Работа в кружках 90-х годов».
З. КРЖИЖАНОВСКАЯ—«Несколько штрихов из жизни В. И. Ленина».
Б. ДАНСКИЙ—«Работа в «Правде».
В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА.
И. ИВАНОВ—«Мои воспоминания».
В. ХУТУЛАШВИЛИ—«В дни гражданской войны».
Ф. РАСКОЛЬНИКОВ—«Во время войны 1914—18 г.г.»
Я. СКЕПНЕР—«В Швейцарии».
БЕН-ГАЛИ—«Борсевик» Сакура».
Стихотворения—В. МАЯКОВСКОГО. Н. АСЕЕВА, БЕЗЫМЯННОГО.

Ленин и народы Востока.

К 1917 году заканчивается, так сказать, предпримирная дискуссия по вопросам национальной и колониальной политики.

1917 год—начало тех революционных битв, которые предсказывал и к которым призывал тов. Ленин. Как только грянул первый бой и пало гнилое здание царского самодержавия, тов. Ленин неустанно приковывает внимание широких масс освобождающейся России к национальному вопросу, ведя борьбу против политики Керенского по финляндскому и украинскому вопросам. Ни на ноту не отступая от тех взглядов, какие выковывались в рабочей партии втечение долгих лет революционной борьбы, тов. Ленин все время твердил о том, что все нации имеют право на самоопределение, и отказ от лозунгов борьбы за самоопределение наций во всем об'еме знаменует собой поворот назад.

Об этом он говорил и тогда, когда в рядах самой рабочей партии, на другой день после победы Октябрьской революции, возникли споры о том, надлежит-ли бороться за самоопределение наций в целом или лишь за признание прав на самоопределение только трудящихся классов.

Поскольку речь шла о тех народностях, которые составляли население самой России, постольку тов. Ленин считал необходимым не затушевывать ни одной черты в программных требованиях по национальному вопросу. И башкиры, и киргизы, и сарты, и целый ряд других народов должны расчитывать на свое самоопределение. Мы не в праве отказывать в этом никому из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи. Тов. Ленин исходил из того убеждения, что самоопределение наций создает наиболее благоприятные условия для будущей классовой борьбы, для того, что он называл «самоопределением трудящихся».

Завоевание власти пролетариатом России и его революционной партией сделало борьбу за освобождение угнетенных народов очередной и реальной задачей. Приход пролетариата к власти должен был заострить борьбу пролетарского мира против мира капиталистического. Отношения трудового государства с империалистическими государствами в первую эпоху по завоевании власти были отношениями наиболее обостренной борьбы, вскоре перешедшей в войну. «Гнев» империалистических государств был не только гневом против самой Советской России, как рабоче-крестьянского государства. Этот гнев в значительной степени подкреплялся боязнью той роли, какую Советская Россия начала играть в качестве освободительницы всех угнетенных народов. Советская Россия была тем живым примером, который воодушевлял угнетенные народы Востока на борьбу за освобождение от рабства. Народы Азии и Африки и самых далеких уголков земного шара впервые почувствовали реальную возможность сбросить с себя иго мирового капитала.

Имя тов. Ленина стало дорогим и близким сердцам миллионов угнетенных народов Востока. Имя тов. Ленина стало ненавистным империалистическим правительствам. «Ленинская пропаганда,—кричал в страхе «Тан»,—подвигается к Персидскому заливу таким уверенным и быстрым шагом, каким никогда не подвигалась армия царя».

Иначе и не могло быть—Ленин шел навстречу самым сокровенным желаниям мусульманского мира; царя же лишь пытались унизить и подчинить себе мусульманский мир.

Когда после окончания империалистической войны страны-победительницы приступили к дележу германских колоний, то все угнетенные государства оказались только в передней Версальской конференции, не будучи на нее допущены. Англия не допустила Персии. Ллойд-Джордж говорил о Турции, как о стране, переставшей существовать, и заботился лишь о том, кто явится воспреемником территории бывшего государства турецкого и его народа. Китай, хотя и допущенный на конференцию, был жестоко наказан за то доверие, какое он питал к добрым чувствам капиталистических государств.

Несмотря на то, что Китай к моменту созыва Версальской конференции не представлял собою единого целого, несмотря на то, что отношения между югом и севером Китая приняли к этому времени характер открытой борьбы, мнение китайских делегаций в вопросах сопротивления мировому империализму было единодушным. Китай требовал отмены «сфер влияния» и «сфер интересов» иностранного капитала на китайской территории, ухода иностранных войск и иностранной полиции, возвращения захваченных иностранцами территорий, пересмотра тарифной политики, разорительной для Китая, и т. д.

Версальская конференция осталась глухо ко всем аргументам китайской делегации; холодно и равнодушно встретила она ходатайства и петиции и других угнетенных народов, например, корейского. Мировой империализм не испытывал склонности к отказу от всех прав и территориальных захватов, какими он уже располагал в Китае. Те территории Китая, которые до войны захватила Германия, были, вопреки протесту делегаций китайских правительств, северного—Пекинского и южного—Кантонского, отданы в безраздельную собственность Японии. Даже архипастырь лицемерного лозунга буржуазных правительств о правах на самоопределение обманутых наций—Вудро Вильсон скрепил своей подписью акт передачи Японии целой провинции Китая Шань-Дун с ее двадцатимилионным китайским населением и ее несметными богатствами. Мировой империализм торжествовал.

Вся сумма этих обстоятельств поставила весь рост задачи совместной борьбы российского пролетариата с угнетенными народностями Востока.

На 2-м конгрессе Коминтерна тов. Ленин выступил со своими тезисами по национальному и колониальному вопросам. Эти тезисы составляют эпоху в революционной борьбе всех народов за свое освобождение. Они до основания вскрывают все противоречия, находящиеся внутри капиталистического мира и устраняющие какую-либо возможность существования гражданского мира. В тезисе 3-м тов. Ленин писал: «Империалистическая война 1914—1918 г.г. с особенной ясностью вскрыла перед всеми нациями и перед угнетенными классами всего мира лживость буржуазно-демократических фраз, показав на деле, что Версальский договор пресловутых «западных демократий» есть еще более зверское и подлое насилие над слабыми нациями, чем Брест-Литовский договор германских юнкеров и кайзера».

«Во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросам должно быть положено, учил тов. Ленин, сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия». (Тезис 4-й).

Лозунги совместной борьбы пролетариата и угнетенных народов Востока становились лозунгами боевого характера, поставленными историей «в порядок дня». Тов. Ленин полагал, что то обострение борьбы с империалистическим миром, которое было создано победой Октябрьской революции, должно повести, с одной стороны, к об'единению всемирной буржуазии против Советской России, а, с другой стороны, к об'единению с Советской Россией рабочего движения всего мира и национально-освободительного движения всех угнетенных народностей.

Исходя из этого, тов. Ленин говорил: «Нельзя ограничиться в настоящее время голым признанием или провозглашением сближения трудящихся разных наций, а необходимо вести политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией, определив формы этого союза сообразно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны или буржуазно-демократического освободительного движения рабочих и крестьян в отсталых странах или среди отсталых национальностей». (Тезис 6-й).

Далее тов. Ленин говорил об «обязательности для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом—обязательности итти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков». (Тезис 12-й).

Таковы были задачи, формулированные тов. Лениным, как задания боевые, стоящие перед пролетариатом России и всего мира в отношении к народам угнетенного Востока.

Тов. Ленин подчеркивает, что устойчивость мирового капитализма в огромной степени зависит от колоний—этих источников сырья и рынков сбыта фабрично-заводских изделий. Буржуазия всех стран, отчетливо сознающая шаткость и неустойчивость своего положения в Европе и в Америке, пытается спасти свои капиталы путем перенесения их на еще нетронутую или мало тронутую почву колониальных государств.

Идея Ленина была ясна, что колонии составляют оплот империализма, что империалистические государства давно лишились бы всех элементов, поддерживающих строй, основанный на принципах частной собственности.

Борьба европейского пролетариата за победу над буржуазией, за свержение власти враждебного класса, за уничтожение капиталистического производства становится одновременно борьбой за разрыв связей, установленных мировым капитализмом с колониальными государствами. Европейскому рабочему, говорит тов. Ленин, удастся только тогда свергнуть капиталистический строй, когда источники, питающие капитализм сверх-прибылью, иссякнут.

Мировой империализм не только поставил колонии в полную зависимость от потребностей своих фабрик и заводов. Он тормозит дальнейшее развитие производительных сил колониальных и полуколониальных стран. Капитализм Европы, Японии и Америки не заинтересован в развитии промышленности Турции, Персии, Индии, Китая и других стран Востока. Ведь промышленное развитие в этих странах неизбежно должно будет привести к разрыву связи с капиталистическими метрополиями! А этот разрыв, по железной логике истории, ускорит процесс уничтожения капиталистического строя.

Отсюда и все усилия мирового капитала, направленные к тому, чтобы держать страны Востока в условиях отсталого хозяйства, кустарной промышленности, не допускать ее централизации и, вообще, приспособлять экономику этих стран к своим нуждам и потребностям.

Такова в общих чертах та картина отношений, которую создал мировой империализм в последние десятилетия своего господства.

Страны Востока переживают процесс борьбы со всеми сетями, которыми опутывают их капиталистические государства. И уже сейчас можно констатировать, что победа в этой борьбе будет на стороне производительных сил восточных стран. Тов. Ленин, глубоко исследуя природу экономических отношений и процессы исторического развития, утверждал, что народно-революционные движения в странах Востока имеют этот экономический элемент в своей основе. Так, например, революция в Китае в числе других своих задач поставила задачу обеспечения максимума условий, благоприятных для капиталистического развития Китая. Эта идея в жизни Китая, в обстановке его взаимоотношений с мировыми капиталистами—идея освободительная. Ее торжество знаменовало бы собой крах империалистической политики на Дальнем Востоке; капитал лишился бы возможности использования китайского сырья на своих фабриках и Китай перестал бы быть об'ектом эксплоатации. Надо здесь же отметить, что, несмотря на короткий срок, прошедший со времени китайской революции, завершившейся более чем скромными достижениями, в Китае все же вывились крупнейшие этапы развития. Так, старого Китая с застывшими хозяйственными формами больше не существует. Китай революционизирует свое производство и разлагает свое общество на классы. Капитализм в Китае создает и противопоставление классу буржуазии—пролетариат.

В других колониальных и полуколониальных государствах тенденция развития, несомненно, также идет в сторону индустриализации. Но эти процессы замедляются там «старым и испытанным» орудием капиталистических государств: использованием местной реакционной силы.

В своих дополнительных тезисах к тезисам, представленным 2-му конгрессу Коминтерна, тов. Ленин намечал те этапы, по которым пойдет дальнейшее развитие национально-освободительных движений на Востоке. Во главу угла тов. Ленин поставил основное условие—«первым шагом революции в колониях должно быть свержение иностранного капитализма». Тов. Ленина не смущало то обстоятельство, что на первых порах революционное движение народов Востока не будет коммунистическим. Он предвидел, что в начале своего развития это движение будет итти под лозунгами мелкобуржуазных требований

Связь со странами Востока может и должна быть не только связью с политическими народно-революционными движениями, но и со всеми процессами развития производительных сил этих стран. Связь российского пролетариата и крестьянства с народами Востока должна быть цементирована экономическими интересами, обеспечивающими развитие обоих сторон. Во всех перипетиях наших отношений—и политических, и экономических—принципы Владимира Ильича должны быть руководящими. Эти отношения ни в коей мере не должны базироваться на обслуживании интересов одной страны, равно как не должны в самой малой степени выражать господства более сильной страны. Эти отношения должны быть проникнуты сознанием торжества интересов рабоче-крестьянских классов Союза Республик и угнетенных масс Востока, одинаково страдавших и страдающих от гнета мирового капитала.

Для закрепления экономических связей между Союзом Республик и странами Востока необходимо было, очевидно, создать предварительно благоприятные условия для хозяйственного строительства внутри Союза. Необходимо было пустить советские предприятия в ход, заставить трубы на фабриках и заводах задымиться.

Не верилось, что молодая Советская Россия, только-что приступившая к восстановлению своего хозяйства, была бы в состоянии вплотную осуществить задачи экономической связи со странами Востока.

Но тем не менее национализированная советская промышленность, выравнив свой фронт, уже в минувшем 1923 году встала на путь установления самых тесных экономических связей со странами Востока. Как и в других областях советского строительства, успехи Советской власти обязаны той сумме обстоятельств, тому историческому процессу, который предопределил собой переход власти в руки рабочего класса. История заранее обеспечила за Советским Союзом симпатии борющихся за свое освобождение народов. Вот именно это обстоятельство и является основной причиной тех достижений, которых добился СССР в отношении установления все увеличивающейся теперь своей политической и экономической связи с восточными странами. Великий учитель и создатель идеи сближения российского пролетариата с угнетенными массами Востока мог бы черпать из этого элементы живого удовлетворения; принципы и лозунги его претворяются в реальную жизнь.

Смерть прервала прекрасную жизнь борца-революционера и руководителя сотен миллионов угнетенных народов и отозвалась болью не только в сердцах российского пролетариата, но наложила неизгладимые следы в памяти трудящихся всего Востока. Тов. Ленина понимали во всех тех странах, в которых мировой капитал торжествовал свою победу над угнетенными народами. Тов. Ленин обладал исключительным даром выражать настроения, охватывающие человеческие массы, и придавать им характер гранитных лозунгов, воодушевлявших эти массы к борьбе. Тов. Ленин был тем историческим фокусом, который собирал в себе лучи, исходившие от пролетарских и крестьянских масс, выявляя при этом не только свою волю к борьбе и победе, но и волю миллионов, рассеянных по всему земному шару.

История еще при жизни Владимира Ильича отметила его исключительную роль в мировом движении за освобождение всего человечества. Тов. Ленин был и останется близким сердцам миллионов рабочих и крестьян и народов Востока именно потому, что он звал эти народы и трудовые массы к освобождению от рабства.

Во всем развитии борьбы пролетариата и народно-революционных движений стран Востока не должно угасать учение тов. Ленина, говорившего нам о том, что взаимоотношения рабоче-крестьянских масс всего мира с угнетенными народами Востока должны быть построены на принципах общности задач, солидарности с интересами угнетенных народностей и воодушевления одной идеей—идеей революционной борьбы с капиталистическим миром за торжество и полную победу социализма.

А. Е. ХОДОРОВ.

Ленин как марксист.

(Статья тов. Бухарина).

В довольно широких кругах и нашей партии, да и за ее пределами обычно считается бесспорным, что Владимир Ильич представлял из себя несравненного и гениальнейшего практика рабочего движения; что же касается его теоретических построений, то оценка здесь обычно делается гораздо более низкая. Мне кажется, что теперь уже пора произвести в этом пункте некоторую небольшую, а, может быть, и даже очень большую ревизию. Мне кажется, что эта недостаточная оценка тов. Ленина, как теоретика, обусловливается известной психологической аберрацией, которая создается у нас всех. То теоретическое, что сделал тов. Ленин, у него не сконденсировано, не спрессовано, не преподнесено в нескольких закругленных томах. Теоретические положения, формулировки, обобщения, которые давал тов. Ленин, делались в значительной мере, на девять-десятых, от случая к случаю. Они разбросаны по всем многочисленным томам его сочинений, и само собою разумеется, что именно потому, что они разбросаны, именно потому, что они не преподнесены нашей читательской публике в сжатом, закругленном, утонченном виде,—именно поэтому очень многие считают, что тов. Ленин, как теоретик, в значительной мере уступал Ленину—практику. Но эта мысль, я думаю, будет разбита втечение ближайшего будущего, а втечение более отдаленного будущего тов. Ленин встанет перед нами во весь свой рост не только, как гениальнейший практик рабочего движения, но и, как гениальнейший его теоретик.

Ленин еще ждет, как теоретик, своего систематизатора, и впереди, когда эта работа будет проделана и когда все то новое, что дал тов. Ленин, в бесконечном количестве разбросанного и рассеянного по его сочинениям, примет систематизированную форму,—Ленин станет перед нами во весь свой гигантский рост и как гениальный теоретик рабочего коммунистического движения. Задача моего доклада и заключается в том, чтобы наметить некоторые вехи, которые могли бы служить толчком для дальнейшей работы по изучению Владимира Ильича, как теоретика-марксиста.

МАРКСИЗМ ЭПОХИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА.

Главный материал для теоретических обобщений и то, что с социальной стороны дало заряд революционным формулировкам, именно и коренились в условиях катастрофического характера европейского развития; и эпоха, в которую возник марксизм, дала совершенно своеобразную физиономию этому великому пролетарскому учению, наложив печать и на логическую конструкцию марксизма этой эпохи. Мы совершенно ясно можем проследить те основные линии, которые, как я выразился здесь, дали революционный заряд марксизму Маркса и Энгельса: в первую очередь, соединение громаднейшей силы абстракции теоретических обобщений с революционной практикой. Вы знаете, что на наиболее высокой ступени теоретической абстракции, в своих тезисах о Фейербахе, Маркс выставил положение, которое нам всем известно, что фисософы до сих пор об'ясняли мир, а речь идет о том, чтобы этот мир изменить. Само собой понятно, что эта практическая, актуальная струя в марксизме Маркса и Энгельса имела свою социальную подкладку. Затем вся теория Маркса имела резко выраженный ниспровергательный характер, она была глубоко революционна по самому существу своему, начиная от верхних этажей идеологического построения и кончая практически—политическими своими выводами. И в области чисто теоретической, и в области прикладной теории все содержание этого марксизма было глубоко революционным. Вы все знаете, что на вопрос о том, что составляет душу марксистского учения, Маркс отвечал вопреки очень многим,—когда я говорю «очень многим», я подразумеваю даже и тех, которые сейчас считаются марксистами,—Маркс отвечал вопреки очень многим, что его учение состоит не в учении о классовой борьбе, потому что это было известно и до него, а его учение состоит в том, что общественное развитие неизбежно приводит к **диктатуре пролетариата.** Можно сказать, что та формулировка, которая обычно дается марксизму, именно, что марксизм это есть алгебра революции, эта формулировка была для марксизма эпохи Маркса и Энгельса совершенно правильна. Это была чудесная машина, которая служила великолепнейшим орудием для ниспровержения капиталистического режима во всех своих, повторяю, теоретических звеньях и во всех звеньях своих практических и политических выводов.

МАРКСИЗМ ЛЕНИНА.

Я подхожу теперь к вопросу относительно ленинизма. Ясное дело, что ленинский марксизм представляет из себя своеобразное идеологическое образование по той простой причине, что он сам есть дитя несколько иной эпохи. Он **не может быть простым повторением марксизма Маркса,** потому что эпоха, в которую мы живем, не есть простое повторение той эпохи, в которую жил Маркс. Между той эпохой и этой есть нечто общее: и та эпоха не была органической эпохой, и эта эпоха еще в меньшей степени является органической эпохой. Марксизм Маркса был продуктом революционной эпохи. И ленинский марксизм, если можно так выразиться, является продуктом необычайно бурной и необычайно революционной эпохи. Но само собой понятно, что здесь так **много нового** в самом ходе общественного развития, в самом эмпирическом **материале,** который дается, как материал для теоретических обобщений, в тех **задачах,** которые ставятся перед революционным пролетариатом и, следовательно, требуют соответствующего ответа и соответствующей реакции, так много нового, что наш теперешний марксизм не есть простое повторение той суммы идей, которая была выдвинута Марксом.

Я этот вопрос разовью более подробно потом, чтобы здесь не было недоразумений в смысле **противопоставления,** потому что я отнюдь не хочу противопоставлять одно учение другому. **Одно есть логическое и историческое завершение и развитие другого.** Но я хотел бы раньше остановиться на тех новых фактах социально-экономической политики, которые являются базой для ленинского марксизма. В самом деле, что нового в этой области мы имеем перед собой, нового в том смысле, что эти явления были недоступны Марксу, потому что их просто не было в то время, в какое жил Маркс? Мы имеем, прежде всего, некоторую новую фазу в развитии капиталистических отношений. Маркс знал эпоху торгового капитала, который лежал за ним. Маркс знал промышленный капитал. Эпоха промышленного капитала считалась, можно сказать, классическим типом капитализма вообще.

Сущность марксова учения—это есть неизбежная диктатура пролетариата и только и здесь остановка *). Иначе не могло быть в ту историческую эпоху, потому что пролетарская диктатаура не была дана, как реальный факт, и сопутствующие ей явления не были даны, как материал чисто опытных явлений и наблюдений, которые могли бы быть теоретически обобщены и которые могли бы служить об'ектом теоретического анализа или практической реакции. Этого не было. Теперь мы имеем род явлений, стоящих за этой гранью. Чем более эти явления принципиально новые, тем более они должны являться принципиально новыми и теоретически; тем, следовательно, оригинальнее должна быть та концепция, которая включает в себя общее рассмотрение и этих явлений, принципиально новых для всех предыдущих эпох. Вот это есть 4-й разрез тех явлений социально-экономических, политических и всякого иного порядка, которые должны служить и об'ектом теоретического рассмотрения, и теоретически-систематизированных норм поведения со стороны рабочего класса. Я привел здесь 4 разреза. Само-собою разумеется, что все они представляют из себя ничто иное, как некоторую колоссальную эпоху в развитии не только европейского капитализма, но и вообще всего человеческого общества. Вся эта эпоха во всей ее сложности и конкретности представляет из себя такое колоссальнейшее богатство всевозможных проблем и теоретических и практических, такое богатство, такую огромную махину этих проблем, что совершенно естественно, что тот ученый диалектик и практик, который соединяет разработку теоретических вопросов с практикой на этом эмпирическом материале,—он уже выходит за пределы того, чем был марксизм в его старой формулировке.

Здесь я должен остановиться на одном, чтобы не было недоразумения. Что мы можем подразумевать под марксизмом? Под ним можно подразумевать две вещи: или перед нами методология—система методов исследования общественных явлений, или это определенная сумма идей—скажем, мы сюда включаем теорию исторического материализма, учение о развитии капиталистических отношений и проч. и, кроме того, включаем целый ряд конкретных положений, т. е. берем марксизм не только как метод или теоретически-сформулированную методологию, но берем целый ряд конкретных приложений этого метода, всю сумму идей, которые получились в результате этого приложения.

Самое большое и самое великое, что внес в теоретическую и практическую сокровищницу марксизма тов. Ленин, можно формулировать таким образом, что у Маркса была, главным образом, **алгебра** капиталистического развития и революционной практики, а у Ленина есть и эта алгебра, и алгебра **новых** явлений и разрушительного, и положительного порядка **и их арифметика,** т. е. расшифровка алгебраической формулы под более конкретным и под еще более практическим углом зрения.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА У ЛЕНИНА.

После этих общих замечаний я хотел бы остановить ваше внимание на целом ряде некоторых черт и черточек и теоретического, и практического порядка, которые будут иллюстрировать вышеизложенные положения. Мне кажется, что то обстоятельство, что Ленину приходилось свои теоретические положения формулировать разбросанно,—это обстоятельство связано, конечно, с ярко выраженным преобладанием практики во всей деятельности Владимира Ильича, что, в свою очередь, связано с нашей эпохой, которая по существу есть эпоха действия. Действовать можно хорошо тогда, когда теория представляет в ваших руках некоторый инструмент, некоторое орудие, которым вы в совершенстве владеете, и когда теоретическая система и теоретическая доктрина не представляют из себя того, что тяготеет над вами и что вами владеет. В одной из речей, не помню в какой, я выразил это таким образом, что Владимир Ильич владел марксизмом, а не марксизм владел Владимиром Ильичем. Этим я хотел сказать, что одна из самых характерных черт у Владимира Ильича, одна из самых любопытных черт—заключалась **в осознании практического смысла каждого теоретического построения и любого теоретического положения.** Очень часто мы между собой иногда даже подтрунивали над слишком практическим отношением Владимира Ильича к целому ряду теоретических вопросов, но, товарищи, теперь, когда мы уже много лет варились в революционном котле и когда мы очень многое успели увидеть и испытать, мне кажется, что это наше подтрунивание целиком должно быть обращено против нас самих, потому что в этом сказалось ничто иное, как опять таки та же самая наша привычка, привычка интеллигентов, определенных узких специалистов: журналистов, литераторов или людей более или менее занимающихся теорией, как своей собственной профессией. Точно также же как Владимир Ильич не любил всяких словесных выкрутасов и ученостей специфических,—что иногда нам тоже не совсем нравилось, а он над нами надевался,—точно так же он терпеть не мог ничего лишнего и чисто практически относился к теоретическим концепциям и доктринам. Имеют ли они какой-нибудь иной смысл, кроме практического? С точки зрения марксизма ясно, что никакого другого смысла они не имеют. Но в силу того, что мы были до известной степени специалистами, это претило нашей душе, и в этом отношении Владимир Ильич уходил в будущее в гораздо большей степени, чем все мы грешные, потому что для него было органически противно то, что для нас имело известную притягательную силу. И вот, мне кажется, что это осознание, совершенно продуманное, это осознание служебной роли всяческих теоретических построений, как бы высоки они ни были, это есть необычайно ценная и положительная черта ленинского марксизма.

С этим связана другая любопытная черта, которую без первой никогда нельзя было бы понять, это—черта, которую можно было бы назвать **дефетишизированием,** срыванием всяческой фетишистской оболочки с какого угодно положения, догмата и т. д. Мы очень часто поражались вначале, с какой необычайной смелостью Владимир Ильич ставит некоторые теоретические или практические проблемы. Вспомните вы такие этапы, как Брестский мир, когда Владимир Ильич ставил вопрос о том, что можно у любой иностранной державы брать оружие против другой; это вомущало нашу интернациональную совесть до глубины души, причем наш «интернационализм» покоился на теоретическом непонимании того, что, когда мы взяли власть, вся конфигурация изменилась. Вспомните лозунг—учитесь торговать, который мозолил глаза очень многим и хорошим революционерам и который тоже имел теоретическую подкладку и был связан с целым рядом теоретических положений. На такую теоретическую смелость, связанную с этой практикой, мог быть способен только такой человек, идеолог, теоретик и практик, который сам владел необычайно острым оружием марксизма, но в то же время никогда не понимал марксизма, как некоторую застывшую догму, а как инструмент ориентации в определенной среде, человек, который отлично понимал, что всякое новое внешнее соотношение обязательно должно иметь за собой иную реакцию поведения со стороны рабочей партии и со стороны рабочего класса. В самом деле, посмотрите, как формулировал Владимир Ильич это положение в общей форме. Я абсолютно не хотел бы утруждать вас цитатами и не принес с собой никаких выписок и не работал даже над ними; но я вспоминаю целый ряд моментов и формулировок, которые давал Владимир Ильич. Одна из его самых общих тактических формулировок на счет опыта гласит: **«Очень большое количество ошибок заключается в том, что лозунги, мероприятия, которые были совершенно правильными в определенную историческую полосу и при определенном положении вещей, механически переносятся на иную историческую обстановку, на иное соотношение сил, на другое положение вещей.** Это одна из общих тактических формулировок. Рассмотрим идеологию наших противников,—мы берем такой вопрос, как вопрос о демократии. И мы все были в определенный период демократами, все мы требовали демократической республики и учредительного собрания за несколько месяцев до того, как мы его разогнали. Естественно. Но тем не менее, только то те могли перейти к другой ориентации, кто понимал **относительную** общественную роль этих лозунгов, кто понимал что при капиталистическом режиме мы не можем выставить по отношению к капиталистам требования—закройте ваши капиталистические организации и дайте свободу нашим рабочим организациям в пределах капиталистического режима,—и поэтому свобода для **наших** рабочих организаций неизбежно должна была принимать формулировку: «свобода для всех». И когда мы переходим в другую историч. полосу и ситуацию, то мы должны отказаться от этой формулировки. Кто остановился на этом, кто это **фетишизировал,** тот не поспел за ходом вещей и был по другую сторону баррикады. Это один из маленьких примеров, но их число велико до бесконечности. Владимир Ильич в этом отличался совершенно изумительной смелостью.

Возьмем другой вопрос в общей формулировке. Возьмите такие лозунги Владимира Ильича, как: учитесь торговать» или «один спец лучше стольких-то и стольких-то коммунистов». Теперь нам ясен практический смысл этих лозунгов. Они были совершенно правильны, но для того, чтобы эти вещи говорить, для этого, совершенно ясно, нужно было теоретическое продумывание. Поскольку обстановка изменилась, нужно действовать совершенно по другому. Сейчас такое соотношение между идеологией наших коммунистов и, с другой стороны, необходимостью привлекать не-коммунистов, что тут нужно было вести совершенно новую и своеобразную линию **строительного** характера. Если раньше для всякого революционера слово «торгаш», «торговля», «банк» и пр. звучали как самые оскорбительные слова, то для того, чтобы перейти к лозунгу «учитесь торговать», нужно было глубочайшее продумывание целого ряда теоретических основ, целого ряда теоретических вопросов крупнейшего принципиального значения. То, что **только сейчас** для нас представляется само собой разумеющейся вещью, то, ведь, у Ленина было теоретически продумано до самых мелочей. Ведь, это только вульгарному поверхностному сознанию наших противников кажется, что Владимир Ильич был человеком, вырубленным топором, чем-то в роде статуэтки эпохи каменного века. На самом деле это абсолютная неправда. Если тов. Ленин бросал какие-нибудь упрощенные лозунги вроде «грабь награбленное», что звучало необычайно ужасно и варварски для всех наших «цивилизованных» противников, то, ведь, это было на самом деле результатом глубокого теоретического продумывания того, какой сейчас нужно лозунг бросить, какова массовая психология сейчас, что масса поймет и чего не поймет. Ленин всегда ставил вопрос, **как** можно получить смычку с максимумом народа, с максимумом людей, которые могут сыграть роль известных энергетических величин, брошенных против старого режима. Это требовало очень сложного теоретического «обмозговывания». И когда Ленин говорил—нужно учиться торговать—это звучало очень парадоксально. А теперь это кажется нам само собой разумеющимся. Каждый серьезный шаг Владимира Ильича в области теоретической и в области практической был своего рода постановкой колумбового яйца. Когда яйцо было Колумбом поставлено, тогда ясно стало, что оно могло быть поставлено только так. Вот этот лозунг—учитесь торговать—опирается на целый ряд теоретических обработок и решений теоретических вопросов, вопроса о соотношении города и деревни, вопроса о роли процесса обращения,—вообще, вопроса о роли торгового аппарата в этом процессе обращения. Это был не взятый с потолка лозунг, это была просто лозунговая практическая формулировка целого ряда теоретических положений, которые были продуманы звено за звеном. Только тогда, когда начнете читать один том за другим и подбирать по определенным разрезам мысли Владимира Ильича, только тогда перед вами вырисовывается вся картина того идеологического пути, по которому шел Владимир Ильич, разрабатывая эти вопросы. Все эти большие повороты, которые так удачно Ленин делал, как стратег, он мог делать только потому, что он был крупнейшим теоретиком, который совершенно ясно мог анализировать данное сочетание классовых сил, учитывать их, делать теоретические обобщения, из этих теоретических обобщений делать соответствующие практически-политические выводы. В основе здесь лежало мастерское владение марксистским оружием, которое никогда не застывало, как нечто неподвижное, а которое было, действительно, могучим инструментом, поворачивающимся в руках тов. Ленина то в ту, то в другую сторону, как этого требовала **практическая действительность.** Это был такой марксизм, для которого, вульгарно выражаясь, ничего святого, ничего, кроме интересов социальной революции. Это есть такой идеологический инструмент, который не знает никаких фетишей и который отлично понимает значение любой теоретической доктрины, любого выступления, любого отдельного теоретического положения, который не знает абсолютно ничего застывшего. Как подходил Владимир Ильич к целому ряду вопросов? Когда у нас в партии, или за пределами партии, возникали какие-нибудь теоретические уклоны от марксизма? Он сразу подходил к ним с определенной практической меркой, потому что отлично увязывал теорию и практику и отлично расшифровывал всякую словесную оболочку. Я сказал выше, что если у Маркса была алгебра капиталистического развития и алгебра революции, то у Ленина была и алгебра нового периода и, повторяю, арифметика. Но я вам приведу один пример, на котором мне придется потом еще остановиться в другом логическом звене. Анализ марксова «Капитала» ведется таким образом, что из этого анализа в значительной мере удаляется **крестьянство,** потому что это не есть специфический класс капиталистического общества. Это есть самая высокая алгебра. Ясное дело, что для арифметического действия тут нужны другие вещи. И, вот, то, что отличает Ленина, это есть соединение алгебры на более высокой ступени обобщений, которая в математике соответствует общей теории чисел или теории многообразия, и, с другой стороны, арифметики, то есть арифметического расшифрования алгебраических формул, соединение большого и малого, какой-нибудь заботы (в области практической), заботы об электрификации и заботы о сбережении какого-нибудь маленького поросенка, и, с другой стороны, в области теоретической—занятие крупнейшими проблемами теоретическими, начиная от философских проблем, и в то же время выслеживание, выуживание каждой неправильно теоретически сформулированной мелочи, которая может быть опасна при дальнейшем развитии. Вот это **умение видеть эпоху и видеть каждую малейшую деталь,** анализировать, рассматривать такие вопросы, как вопрос о «вещи в себе», и в то же время понимать теоретическое значение какой-нибудь формулировки в какой-нибудь резолюции,—вы помните все, что Ленин писал целый ряд страниц о том, как не надо писать резолюций, в своей брошюре о двух тактиках,—вот, эта громаднейшая способность видеть все в таких разрезах, когда самое большое и великое, и самое мелкое, малейшие детали, когда все это устанавливается на шахматной доске политической стратегии и теории в тех местах, где они должны быть установлены с точки зрения интересов рабочего класса и с точки зрения практического политического действия,—вот эта способность нашла свое выражение в замечательном синтезе, об'единяющем теорию и практику.

ВОПРОС ОБ ИМПЕРИАЛИЗМЕ.

Теперь, товарищи, я перехожу к тому, чтобы более конкретно остановиться на некоторых вещах, которые имеют значение с точки зрения, главным образом, **того нового,** что В. И. сюда внес. Основной из основных вопросов—это вопрос **об империализме.** Вопрос об империализме сформулирован у В. И. в его известной работе, пересказом которой и изложением краткого содержания которой здесь заниматься совершенно не надо. Но, товарищи, я обращаю ваше внимание вот на что. Вы не можете назвать из области теоретических работ, касающихся империализма, ни одной такой работы, которая была бы так актуальна, как работа В. И., потому что там всякое любое теоретическое положение и цифровые иллюстрации этих теоретических положений связаны с теми практическими политическими выводами, которые из них В. И. делает.

Это есть не простой анализ, теоретический анализ определенной эпохи, но этот анализ взят под таким углом зрения, что совершенно ясно, сразу, намечается те пути, по которым рабочий класс должен итти в связи с развитием класса господствующего, в связи с анализом империализма. Мы имеем еще один важнейший для нашей эпохи вопрос, который не получил своего разрешения в какой-нибудь теоретической книжке. Это **вопрос национальный и вопрос колоний,** колониальный вопрос. Нужно заметить, что здесь, мне кажется, Владимир Ильич произвел теоретически громаднейшую работу. Повторяю, у нас нет такой книжки, где все было бы сведено и систематизировано. Но мы имеем в целом ряде его сочинений совершенно правильную постановку вопроса и национального и колониального, постановку, которая подтверждена целиком нашей практикой. Здесь действительно Владимир Ильич создал целую школу. Суть дела заключается в том, что степень абстракции у Маркса была в очень многих вопросах настолько велика, что нужно было установление целого ряда промежуточных логических звеньев, чтобы сделать непосредственные практические выводы. Я уже упоминал: в «Капитале» ведется анализ трех классов. Там не крестьянин наш, там берется абстрактное капиталистическое общество, проблемы его не связываются с такими вещами, как мировое хозяйство, столкновение различных капиталистических тел, проблема государства, поскольку оно находится в руках нашего врага, вопрос о роли государства в экономической жизни страны; т. е. ряд вопросов, более конкретного порядка, в «Капитале» не анализируется. Для того, чтобы привести эту теоретическую систему к практическому действию, в особенности в нашу эпоху, нужно было образование целого ряда промежуточных логических звеньев, которые **сами собой представляют очень крупные теоретические вопросы.** Те, кто занимался вопросами колониальной политики в эпоху оппортунизма, они, за очень немногими исключениями, принадлежали к наиболее ярым ревизионистам, больше всего занимались апологией капиталистического культуртрегерства в колониях. У Маркса был целый ряд замечаний об Ирландии, целый ряд общих соображений, но поставить вопрос во всей его широте Маркс не мог тогда, потому что тогда проблема не была дана с той остротой, которая была ей придана потом, а эпигоны не могли по самой сути дела этого сделать, потому что это было святая святых буржуазной политики того времени и прикоснуться какому-нибудь неосторожному пальцу к этой проблеме было нельзя. На авансцену выступали господа Гильдебрандты, люди этакого типа, которые развивали всякие «марксистские» теории по отношению к колониям, для того, чтобы оправдать политику капиталистического государства. И в этом отношении школа Ленина, которая, действительно создавалась, произвела полный переворот. Практическое ее значение теперь совершенно ясно. Может быть, оно в начальной стадии своего развития, это ленинское учение о национальном и колониальном вопросе, не всегда и не всеми было осознано, но теперь его смысл ясен. Мы имеем перед собою конкретно мировую войну и государства, находящиеся в периоде распада, которые нужно, по нищшеанскому правилу, подтолкнуть. Для того, чтобы их подтолкнуть, нужно поддержать все элементы распада этих тел, сепаратизм колониального, национального движения, т. е. все те разрушительные силы, которые об'ективно ослабляют мощь того железного государственного величия, государства, которое представляет из себя наиболее могущественную потенцированную силу буржуазии. Отсюда такие вещи, которые многие из нас не понимали, в области как чистой теории, так и практического лозунга: право наций на самоопределение. В области чистой теории—прогноз, что в ближайшую эпоху мы будем иметь целый ряд промежуточных революций, колониальных восстаний, национальных войн, борьбы за свободу какой-нибудь нации против великодержавия и проч. теоретические прогнозы, которые соответствуют ряду промежуточных ступеней в общем процессе распада капиталистических отношений,—все это прогнозы, которые опираются на очень продуманные теоретические положения. Они были даны Владимиром Ильичем. Я советую прочесть интересующимся этой стороною дела полемическую статью Владимира Ильича против Розы Люксембург, которая была написана во время войны. И можно удивляться, каким образом тончайшие переходные моменты, которые громаднейшее большинство из нас, если не все мы, увидели позже, когда это стало фактом, были теоретически преподнесены Владимиром Ильичем. Почему? Потому, что он был ловким тактиком и стратегом. Откуда это? Потому что он опирался на огромное теоретическое предвидение, которое, в свою очередь, было результатом необычайно продуманного анализа существующих капиталистических отношений во всей их сложности и конкретности. Это теперь совершенно ясно. И точно также для другого периода развития, когда рабочий класс уже берет власть и ведет борьбу с великодержавием, необходимо было сделать все возможное для понимания всех тех остатков, которые выражают собой продукт распада старых великодержавных империалистических отношений, исторической силы их инерции, всего того, что должно быть теоретически учитываемо, для того, чтобы быть уничтожено впоследствии,—все это суть вопросы, которые были совершенно неразработаны. Решения этих вопросов разбросаны в целом ряде статей Владимира Ильича так, что мы теперь имеем полную возможность до конца понять его идеи, и делать из этих идей тараи против буржуазно-капиталистического общества—с одной стороны; а с другой стороны, строить, пользуясь рычагом пролетарской власти, на других принципах новые политические образования, из которых самым крупным является наш Советский Союз. Итак, мы имеем здесь соединение теории с практикой на основе новых явлений, которые являются как продуктом распада, с одной стороны, так и продуктом нового строительства, с другой стороны. И все это подытожено в определенную теоретическую систему. Это вещь абсолютно не маленькая, и она послужит нам в дальнейшем, втечение ряда ближайших десятилетий, одним из важнейших теоретических и практических орудий. Если мы вспомним, какую роль еще в общем процессе распада теперешних капиталистических отношений будут играть и колониальные восстания, и национальные войны, если мы мысленно продолжим процесс революции на другие континенты, перенеся его из Западной Европы, то мы представим себе, какое могущественное орудие даст теоретическая система Владимира Ильича в этом вопросе и какую огромную силу и методы организации масс и введения их в бой представляет собой то учение, которое разработано Владимиром Ильичем в области национального и колониального вопросов.

ЛЕНИН О ГОСУДАРСТВЕ.

Я думаю, следующим теретическим вопросом, на котором мы должны остановить наше внимание, является вопрос относительно **государства в период социалистической революции.** Здесь, само собой разумеется, принципиально нового в концепции тов. Ленина не было, но его громаднейшая заслуга заключается в том, что он, с одной стороны, восстановил подлинное учение Маркса относительно государства и его роли в период социалистической революции,—я имею в виду теорию разрушения государственной власти и об'ективно исторической необходимости распада государственных связок,—а, с другой стороны, дал конкретизацию вопроса, или, можно сказать, арифметическое расшифрование вопроса о пролетарской диктатуре, то есть учение о Советской власти, как о **форме** рабочей диктатуры. Сейчас уже для нас эта сторона дела представляется настолько ясной, что как будто бы об этом не нужно говорить ни одного лишнего слова. Она для нас представляется трижды ясной, потому что мы сами, своими собственными руками государство построили на новой классовой основе и по другим принципам строительства, но нам нужно вспомнить прошлое, взять само собой разумеющееся, что сейчас так ясно для нас, в некотором историческом контексте, в некотором историческом развитии. Если мы возьмем старую «марксистскую» литературу по этим вопросам, мы здесь увидим совершенно беспросветное искажение Марксова учения. Не только ни одной новой мысли, которая могла бы быть названа дальнейшим развитием марксистской теории государственной власти, или марксистской теории права, или вопроса относительно изменений этих категорий в переходный период, но о самом процессе социалистической революции, о положении вещей после социалистической революции, здесь ни одного слова мы не нашли бы. Восстановить точное подлинное учение Маркса, конкретизировать это самое учение, то есть дать конкретную оболочку учению о рабочей диктатуре, эта была **узловая** задача рабочей идеологии, потому что, само собой понятно, вопрос об отношении к государственной власти являлся и является сейчас центральным вопросом, является вопросом всех вопросов. Отношение к враждебному нам классу, революционное отношение к враждебному нам классу есть, в первую очередь, и в первую голову, отношение к самой могущественной, наиболее централизованной и наиболее рационально построенной организации этого господствующего класса, каковой является его государственная власть. С другой стороны, всякому совершенно ясно, что основным рычагом для переустройства общества на некоторых новых началах, динамической силой, переустраивающей существующие производственные отношения, является новая государственная власть, выдвинутая и организованная победоносным рабочим классом. Тут имеется целый ряд вопросов подобного характера—и теоретических, и практических. Сумма их в общем и целом дана в известной книжке В. И.: «Государство и революция». Но это развитое Вл. Ильичем учение не есть просто возврат к той точке зрения, которую развивал сам Маркс. Это есть синтез старой марксовой, ортодоксальной точки зрения с теоретическим обобщением целого ряда новых фактов и с предвидением того, чего еще не мог предвидеть Маркс, когда он жил и писал свои работы. Этот вопрос, как я уже говорил, является узловым вопросом революционного рабочего движения, является центральным вопросом современности, и недооценивать этой теоретической работы В. И. ни в коем случае нельзя. Само собой разумеется, что был решен и вопрос о демократии, который эпигонами марксизма, марксистами социал-демократического пошиба и II Интернационала, был совершенно фетишизирован, превращен в слепую догму, совершенно оторван от своей исторической базы, и поэтому приводил к абсолютно неправильным, исторически реакционным, практическим политическим выводам. Советская власть сейчас есть вещь, которая признается de-iure нашими наиболее крупными ожесточенными противниками из буржуазного лагеря. Теоретическое и практическое значение этой идеи, этого учения о Советской власти, оно поистине громадно. Если мы возьмем лозунги, бесчисленное количество лозунгов, которые циркулируют сейчас во всех частях света, то, несомненно, одним из самых популярных лозунгов, то есть таких, которые охватывают, влекут за собой и организуют наибольшее количество народа, рабочего класса, является **лозунг Сзветской власти.** Вы вспомните то время, когда В. И. впервые к нам приехал в Россию после долгих лет эмиграции, вспомните, какая встреча была оказана известным апрельским тезисам В. И., когда часть нашей собственной партии, и притом не малая часть нашей собственной партии, увидела в этом чуть ли не измену обычной марксистской идеологии. Ясное дело, что здесь ничего противоречащего марксизму не было. Наоборот, совершенно для нас теперь ясно, что это было развитие марксистского учения, ортодоксального марксистского учения о диктатуре пролетариата, Совершенно теперь ясно, что советская власть есть наиболее жизненная форма существования рабочей диктатуры, которая имеет целый ряд громаднейших практических преимуществ для победоносного рабочего класса. Но в то же время, если мы сравним это всеобщее признание с той встречей, которая была оказана первоначально формулировке В. И. даже в наших собственных партийных рядах, не говоря о рядах наших противников, то мы поймем, какое громаднейшее практическое и теоретическое слово было сказано здесь тов. Лениным. Часто так бывает при бешеном темпе жизни, что очень многое новое становится само-собой разумеющимся. Но когда мы производим историческую оценку этого нового, нам нужно позабыть, что мы к этому привыкли; надо вспомнить, что было до сегодняшнего дня, как была встречена эта теоретическая концепция, и как были встречены ее практические выводы, которые из нее проистекали. Повторяю, они были не только не встречены всеобщим признанием, наоборот, они вызвали ожесточенные нападки. Теперь они пользуются всеобщ. признанием и это является показателем того, что и с точки зрения теоретического продумывания вопросов пролетарской диктатуры, теории государственной власти, норм этой государственной власти, и с точки зрения практической, здесь, действительно, было сделано нечто грандиозное. Имейте в виду, что это же есть только практический вопрос, хотя я и говорю, что единственно решающим для нас, в конце концов, является практика. Это есть и огромный теоретический вопрос, потому что учение о формах господства классов и для буржуазии вопрос и теоретический, и практическ.; вопрос о формах ее господства представляет выдающийся интерес, точно так же, как и для рабочего класса, только для рабочего класса во много и много раз больший интерес и большие трудности, потому что различные вариации государственной власти буржуазии имеют некоторую историческую преемственность, пролетариат же этой власти никогда еще не имел. Буржуазные государства сложились давным давно. Различные изменения в их структуре, переорганизация государственных аппаратов—опираются на громаднейшую, длиннейшую традицию. Устанавливались формы, государственный режим, приобретался громаднейший опыт и т. д., и т. д. Рабочему же классу приходится строить на ново, без предварительной проверки. Он не имеет своего непрерывного государственного бытия, и, следовательно, не имеет непрерывных форм этого государственного бытия. Ему приходится здесь строить совершенно наново. И то обстоятельство, что была найдена конкретная форма диктатуры пролетариата, которая оказалась жизненной, оказалась неколеблемой по своей устойчивости и обнаружила способность к сопротивлению всем враждебным влияниям и наскокам, все это говорит за громадность той теоретической заслуги, тех практических выводов из этих теоретических предпосылок, которую мы должны выдвинуть Ленину, поскольку он является теоретиком рабочего государства.

СТОЯЩИЕ ПЕРЕД НАМИ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ.

[illegible] Если бы мы [illegible] найдем, например, [illegible] в [illegible] нам [illegible] разработать. Что, во-первых, учение, или намечающееся учение, о **врастании в социализм после победоносной рабочей революции.**

Если брать совершенно конкретные вопросы о НЭП'е в нашей теперешней российской обстановке, то совершенно ясно, что из этих теоретических посылок нужно сделать целый ряд выводов. Мы преодолеем НЭП по путем разгрома лавок в Москве и в провинции, а путем преодоления его конкуренцией и растущей мощью нашей государственной промышленности и государственных организаций. Я беру очень маленький пример, но вы увидите, что тут есть сумма теоретических и практических вопросов совершенно нового порядка, которых мы раньше не ставили, потому что раньше наша социальная позиция была позицией разрушителей. Мы были самыми решительными, смелыми и последовательными разрушителями данной системы, а теперь мы являемся самыми последовательными строителями другой системы. Аспект другой, сумма практических и теоретических вопросов другая. Ясно, что тут никакого разрыва со старой марксистской традицией нет, потому, что речь идет о продолжении и применении марксистского метода в совершенно новых условиях, которые в своих конкретностях не были известны ни Марксу, ни Энгельсу, по той причине, что не было эмпирических данных, которые позволили бы делать то или иные обобщения.

В связи с этим, мне кажется, приобретает очень крупное значение вопрос, подлежащий разработке, который должен быть разработан с теоретической точки зрения,—вопрос **о культурной проблеме** в переходный период.

Затем третий вопрос, который бы я назвал вопросом **о различных типах социализма.** У нас социализм спустился с облаков на землю или, по крайней мере, приблизился. Это актуальнейший вопрос. Как мы ставили вопрос о социализме раньше и как он стался у Маркса? В одном из писем Маркса сказано таким образ.: «Мы знаем отправной пункт и тенденцию развития». Это была совершенно безошибочная и правильная формулировка. Теперь возьмите последнюю статью Владимира Ильича относительно кооперации и разберите выставляемые им положения. Анализируя прежние взгляды на кооперацию, В. И. говорит, что теперь, с переходом власти к рабочему классу, постановка вопроса принципиально изменилась, что если бы мы кооперировали крестьян под гегемонией рабочего класса, то это было бы осуществлением социализма.

Это есть вопрос о **теоретическом анализе двухклассового общества при рабочей диктатуре.** Это—рабочий класс и крестьянство. Если капиталистический режим занимался, главным образом, вопросом об анализе трехклассового общества, рабочего класса, буржуазии и землевладельцев, если там так велся абстрактный анализ, то сейчас для России чрезвычайно интересна постановка вопроса о двух классах, о рабочем классе и крестьянстве, при уничтожении помещичьего землевладения, при экспроприировании буржуазии. Само-собой разумеется, что тут по мере приближения к конкретному пути будет напрашиваться целый ряд очень значительных коррективов, которые страшно могут видоизменить картину и теоретически, и практически. Но этот вопрос идет по той же линии, как и вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства, потому что эти классы суть ничто иное, как классовые носители определенных хозяйственных форм. Это не есть просто некоторые социальные силы и больше ничего. Каждый класс есть носитель свойственных ему хозяйственных форм. Если мы говорим о крестьянстве и берем его, как социально-классовую категорию, то не нужно забывать, что это крестьянство есть носитель определенной формы производственных единиц, которая может одолеть нас, развиваться по нежелательному для нас пути, и которая может пойти по пути, по которому мы **хотим** ее вести. Следовательно, здесь социально-классовая точка зрения имеет свое чисто экономическое значение, подоснову, и вопрос о соотношении классов есть в то же время и вопрос о соотношении хозяйственных форм. Вопрос о гегемонии пролетариата над крестьянством, это есть в то же время и вопрос о соотношении между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством. Само-собой понятна вся важность этого вопроса, и мне кажется, что та постановка вопроса, о которой я здесь говорил, заслуживает очень большого внимания.

Наконец, есть еще ряд вопросов, которыми также занимался В. И., которые имеют громаднейшее значение для всех нас, для нашей партии и для рабочего класса. Напр., вопрос о всяческих, вырабатываемых в ходе нашего теперешнего общественного развития после пролетарской диктатуры, **противоречиях и вырабатываемых этими противоречиями тенденциях, враждебных нам.** Из того, что после рабочей диктатуры будет итти дело таким образом, что в общем и целом это будет эволюционный ряд, из этого не следует отнюдь, что мы не будем иметь, особенно в **первую** фазу рабочей диктатуры, чрезвычайно больших противоречий, которые в некоторые периоды развития могут даже **нарастать.** Если я говорю об общей линии возможного отмирания этих противоречий вплоть до коммунизма, то я беру масштаб очень длинного пути, весь этот путь в общем; но из этого нельзя делать вывод, что в определенные конкретные исторические периоды, в особенности в начале этого пути, мы не будем иметь нарастания противоречий.

Очень часто обычно приравнивают Маркса к Ленину и ставят вопрос—кто больше, Маркс или Ленин. И отвечают, что Ленин больше в практике, а Маркс в теории. Мне кажется, что нет таких весов, которые могли бы взвесить такие крупные фигуры, по той причине, что нельзя ни складывать, ни измерять величин разнородного типа, вырослих в разных условиях, игравших разную роль. Нельзя этого делать. Постановка вопроса в корне

Ленин.

Ленин был самым смелым и проницательным, смертельным врагом буржуазного строя, его изобличителем и победителем. Беспощаднейшим непримиримым критиком половинчатости других. С хладнокровностью анатома. он вскрыл их трупы. И все живые трупы ополчились из-за этого против Ленина. Ленин—величайший врач, которого до сих пор не имело человечество; он удалил от уже гниющего тела мировой буржуазии бандажи и пластыри, которые наложили на него благонамеренные, благонадежные социал-демократы реформисты.

Вильгельм Герцог.

Ленин!

Уже одно только это имя говорит достаточно много... Имя — Ленин неизменно повторял, ученьем Ленина руководствовался, железным словам Ленина внимал, живые, необычайно гениальные дела Ленина созерцал на протяжении 30-ти лет втянувшийся в неравную борьбу со старым миром революционный пролетариат великой России в тяжелые дни мучительных родов нового мира.

Одно короткое имя... и оно проливает яркий свет на всю ту богатую, многогранную и многообразную жизнь, которую прошел Ильич в процессе своей безпримерной революционной работы.

Ленин!

На длинном протяжении целого исторического периода человечество, после Маркса, знает только это одно великое имя.

Ленин превзошел всех своих гениальных предшественников.

Ни один из великих умов, какой бы то ни было эпохи, с такой, как он, математической точностью не достигал полного соответствия между теорией и практикой, между ученьем и живым делом; ни один из великих гениев прошлых веков не проводил в жизнь теоретически намеченной цели так гениально, как Ленин.

От великих людей всех эпох Ленин больше всего отличался необычайною для всякого политика смелостью, необычайную для ученого энергией, редкой для революционера стойкостью, прямотой, гибкостью ума.

Ленин бесстрашный, смелый, единственный и непоотъемлемый вождь творческого класса—пролетариата в его великих битвах. Толедская сталь, крепкая, упругая; революционер, обладающий стальной волей и характером. Первый и несравненный разгадчик сложнейших социальных вопросов. Беспримерный борец, революционер, полный сильной и непоколебимой веры в свое дело...

***

В 90-х годах, когда в промышленных городах России зарождались социал-демократические группы, из капиталистической Европы проникали к нам и насаждались марксистские идеи, когда научный социализм, материалистическое мировоззрение противопоставлялось мелкобуржуазному утопическому социализму «народников»,—перо Ленина первое наносит «народникам» чувствительный удар и предает их идеи губительному, пожирающему огню. Ленин пишет брошюру—«Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов».

Ни одно из писем, написанных против «народников» Плехановым и другими, не оказывало такого сильного влияния на пропитанную «народническими» иллюзиями революционную интеллигенцию и рабочий класс, какое произвела эта брошюра тов. Ленина. Ни одно из писем и статей, написанных против идеалистической теории Плехановым, Аксельродом и др., не произвели такого ошеломляющего впечатления на «народников», как эта гениально-написанная книга.

Ленину за это неожиданное нападение, за этот смертельный удар, пришлось перенести много всяких оскорблений со стороны т.т. «социалистов», которые считали эту брошюру дерзкою, грубым, чуждым литературной этики трудом.

Ленина это не тронуло. Он не изменил своему стилю и манере писать.

Первое выступление Ленина на идейном фронте против «народников» кончилось победой.

Ленин отошел от колеблющихся товарищей, которые, как оказалось, по недоразумению очутились на командных высотах партии, но которые, благодаря своему слабоволию и отсутствию революционной проницательности, приносили много вреда делу революции.

Для усиления и укрепления социал-демократической партии Ленин предполагал отмежеваться от тех лиц, которые господствовали в руководящих организациях партии; освободить от их влияния авангард революционного пролетариата, организационно еще не окрепшую революционную соц.-демократию, стоящую на почве марксизма.

Ленин не побоялся итти по намеченному им пути...

Он шел вперед и знал, что революционный пролетариат был с ним.

В 1905 году III с'езд партии был Ленинским.

Ленин оказался полным выразителем интересов и чаяний российского борющегося пролетариата.

***

Во время революции 1905 года гений Ленина залогом победы революции впервые выставил смычку городского пролетариата с крестьянством на аграрной почве. Лидеры меньшевиков: Мартов, Плеханов, Аксельрод, Маслов и др. об'явили Ленину в партии «священную» войну за эти «не марксистские», а «эсеровские», по их словам, идеи.

Лидеры меньшевиков считали крестьянство реакционным элементом, силой для революции совершенно не пригодной. Движущей силой революции вместе с пролетариатом они считали либеральную буржуазию и призывали пролетариат во имя торжества революции заключить блок с этой буржуазией.

Теперь мы знаем насколько ошибочна была позиция меньшевиков и насколько правильна и неопровержима была позиция Ленина.

В 1917 году в основу победы Октябрьской революции и упрочения диктатуры пролетариата. был заложен тот же великий лозунг—союза пролетариата с крестьянством.

***

В 1908, 9, 10 и 11 годах, после ослабления революционного движения, под влиянием тяжелого режима самодержавия и реакции, в соц.-демократической партии, особенно в правом ее крыле в лице меньшевистской фракции, создалось течение, так-называемых, «ликвидаторов». «Ликвидаторы» проповедывали легализацию партии, приспособление к царскому режиму, упразднение и роспуск подпольных организаций боевого авангарда пролетариата.

И это тогда, когда свирепствовал жестокий режим Столыпина, когда в зародыше-же уничтожалось начало всякой новой жизни, когда реакция подчиняла себе многие революционно - настроенные интеллигентскиэ умы, когда отчаяние и апатия охватывали многих даже испытанных в 1905 году революционеров.

В это время в деле сохранения боевой партии пролетариата и ведения его вперед, к будущим битвам, решительную роль сыграло полное железной воли и стального характера выступление Ленина против антипартийцев, против развращающих партию ликвидаторов. Это выступление повлекло за собой новое оживление партийно-революционной работы, ее углубление; во многих промышленных городах России пролетариат начал готовиться к решительной борьбе. Забастовки широкой волной, в особенности после ленского расстрела, понеслись по городам России.

***

Вспыхнула февральская революция. Вернувшийся в Россию Ленин первый заявил, что оскверненное, загрязненное наименование революционной партии пролетариата—«Социал-демократия»—должно быть изменено и отныне партия должна принять наименование «Коммунистическая». Это тем более находил он уместным и справедливым, что таково было желание и основоположников научного социализма Маркса и Энгельса. Ныне уже воплотившееся в дело заявление не так то легко обошлось Ленину. Лидеры социал-демократии начали распространять вокруг его имени самые нелепые инсинуации, поносили его самыми пошлыми словами. На Ленина нападали не только кадеты и эсеро-меньшевики, его порицали и называли анархистом даже самые его близкие друзья и товарищи—большевики. Но Ленина и это не сломило; он и тогда не изменял своим взглядам; он знал, что делал; его гений предвидел накопившиеся в боевом пролетариате неизсякаемые силы-борьбы. Он ясно видел напряженные нервы и ключем бьющую кровь исстрадавшегося трудового народа.

***

Разгоревшееся в 1917 году пламя революции постепенно развивалось, углублялось и сжигало все старое, несмотря на то, что потушить этот разбушевавшийся огонь, уничтожить его, старалась вся либеральная буржуазия, а также тогдашние «друзья революции»—меньшевики и эсеры, провозгласившие, что революция уже окончена.

Этому взгляду Ленин дал решительный отпор. Только его гений мог уяснить процесс непрерывного развития революции, великие задачи, вызванные этим развитием, намеченные революцией перспективы и их значение для всего мира.

Ленин оказался той неприступной скалой, о которую разбивались все яростные атаки врагов революции. И здесь рядом с Лениным, как всегда, стоял авангард пролетариата,—его поддерживала группа большевиков.

Июльское выступление повлекло за собой арест многих революционеров; ленинградские тюрьмы переполнились арестованными революционными рабочими... Разгромили большевистские организации, их типографии... Спровоцированная правительством толпа устраивала на улицах самосуды над большевиками. Черная реакция торжествовала. Буржуазное правительство «социалиста» Керенского повело наступление на Ленина, как на руководителя и вдохновителя революционного пролетариата. Решили арестовать Ленина. Но авангард боевого пролетариата, большевистская группа, зорко охранял своего великого вождя и руководителя революции.

Упорным революционным творчеством подошел Ленин к границам назревшей пролетарской революции.

Враг был побежден...

Только единственно под руководством и предводительством Ленина пролетариат захватил власть в свои руки.

Ленин сделался гениальным вождем и руководителем не только российской коммунистической партии и пролетариата, он сделался вождем мировой революции и путеводителем всемирного пролетариата, создав боевой штаб—Коммунистический Интернационал.

***

21-го января 1924 года Ленин ушел от жизни.

Пролетариату остался ленинизм.

Об'единив марксизм с ленинизмом, мы сумеем освободить марксизм из плена оппортунизма и ревизионизма. Марксизм плюс ленинизм означает — сорвать с мирового меньшевизма марксистский «ярлык».

С. ТАЛАКВАДЗЕ.

На пути к Октябрю.

Для того, чтобы не плестись в хвосте революции, а руководить ею, нужно уметь правильно оценивать участвующие в ней общественные классы, их подлинные нужды и, отсюда, общность или противоположность их интересов.

Опыт всех предыдущих революций показал, что способность давать такого рода оценку—качество, довольно редкое у политических вождей и партий.

В. И. Ленин обладал исключительной способностью оценивать движущие силы революции. Он видел все классы и все главные партии России в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей.

Еще будучи за-границей, в марте 1917 г., по получении первых вестей о февральской революции, В. И. Ленин указал, что эта буржуазная революция, свергнувшая царизм, есть лишь **первый этап пролетарской революции.** Помещичье-капиталистическое правительство, пришедшее к власти, не может дать трудящимся ни мира, ни хлеба, ни свободы. Пролетариат должен взять руководство революцией в свои руки. У него два союзника. Первый—многомиллионная масса полупролетарского и мелко-крестьянского населения России; второй—пролетариат всех стран.

Для В. И. Ленина **оценить** движущие силы революции означало **дать программу социалистической революции** и сосредоточить всю энергию партии большевиков на выполнении этой программы.

Программа В. И. Ленина отличалась безупречной революционной краткостью, точностью и простотой.

Не буржуазная парламентская республика, а диктатура пролетариата.

Вся власть Советам.

Конфискация помещичьей собственности.

Национализация капиталистической собственности—всех средств и орудий производства.

Создание революционного Интернационала.

В. И. Ленин, с присущей ему острой политического анализа, глубже кого-бы то ни-было понял, что вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции. Делить власть с другими классами—значит задерживать развитие революции и не осуществить ни одной серьезной социально-экономической задачи.

Вот почему в то время, как меньшевики и эс-эры шли на соглашение с буржуазией и помещиками, составляли общее правительство, топтались на месте и разлагали основную силу революции—пролетариат и трудящееся крестьянство,—партия большевиков, под твердым руководством В. И. Ленина, стояла на том, что революционный пролетариат должен **самостоятельно** взять в свои руки государственную власть. Власть в руках пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством,—без этого победы революции быть не может.

Необыкновенная прозорливость, огромная сила воли, изумительная наступательная энергия, полное отсутствие колебаний,—вот черты, которые были проявлены В. И. Лениным во весь период февральской революции—с марта вплоть до октября.

Эти черты, соединенные с всесокрушающей, творческой верой в силы и разум трудящихся масс—пролетариата и беднейшего крестьянства, сыграли огромную роль в успехе пролетарской революции, в огромной степени умножили количественно, небольшие тогда, силы большевиков в России.

После 4 июля, когда рабочие и солдаты вышли на улицы, чтобы дать революционное предостережение временному правительству, В. И. Ленин с поразительной ясностью устанавливает, что советы уже не в состоянии мирно взять власть в свои руки. Власть можно получить только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти—буржуазию.

В начале июня 1917 г.—перед Всероссийским с'ездом советов—В. И. Ленин говорил: либо разгон советов и бесславная смерть их, либо вся власть советам. Помочь советам взять целиком власть может только партия пролетариата—большевистская партия. На этой мысли В. И. Ленин сосредоточил после июльских дней всю огромную энергию своего ума, всю свою несокрушимую волю.

Накануне Октябрьской революции В. И. Ленин со свойственной его речи силой и решительностью писал: «Мы должны призывать массы **решать,** а не говорить, **действовать,** а не писать резолюции; мы должны ставить вопрос так: либо полное принятие советами власти, а следовательно, вооруженное восстание, либо смерть революции. Середины нет. Ждать нельзя».

Победа большевизма в октябрьскую революцию была обеспечена тем, что в период февральской революции, при неслыханных колебаниях и всего империализма, и всего блока меньшевиков с эс-эрами, наша партия имела вождя, твердо знающего свой путь, дававшего трудящимся верный выход из тяжелого положения и, как никто, умевшего вдохновлять массы на самые трудные, героические подвиги.

Роль В. И. Ленина в этот период—от февральской к октябрьской революции была всеоглащающе огромна. Без преувеличения можно сказать, что он один со своей несравненно-великой партией взял на свои плечи революцию и через все трудности провел ее к Октябрю

Ф. СВЕТЛОВ.

Борьба с ликвидаторством.

Что такое ликвидаторство? Декабрьская 1908 года конференция на этот вопрос отвечала так: ликвидаторство это—

«попытки некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию партии и заменить ее бесформенным об'единением в рамках легальности, во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии».

В чем заключалась сущность программы социал-демократической партии? Своей ближайшей целью эта партия об'явила свержение царизма, провозглашение демократической республики, конфискацию помещичьих земель, законодательное введение 8-часового рабочего дня.

Какова была сущность тактики революционной социал-демократии? Партия рабочего класса руководит революционной борьбой всех трудящихся, она осуществляет **гегемонию** пролетариата в стране, она оспаривает у **либералов**—партии буржуазии—влияние на промежуточные слои, она организует революционное свержение буржуазии посредством **вооруженного восстания.**

Какова была традиция революционной социал-демократии? Беззаветная, смелая революционная борьба, руководство грандиозными массовыми выступлениями, руководство советами рабочих депутатов, руководство вооруженной борьбой с царизмом.

В эпоху революции 1905 года меньшевизм кое-как плетется в хвосте движения. В разгар борьбы (осень 1905 г.) меньшевики отзываются в плену у революции,—большая часть их действует почти по большевистски, меньшая часть находится в нетях.

Побеждает контр-революция, рабочему классу приходится отступать. Но меньшевизму отступления мало,—он предлагает пролетариату сдать врагу все свои основные позиции, ликвидировать все то, что из него делало страшилище для царизма и буржуазии.

Меньшевизм выставляет лозунг **ликвидации** старой подпольной партии, с ее революционной программой и тактикой, с ее славными боевыми традициями. Меньшевизм предлагает отказаться от лозунгов республики, конфискации земель, 8-часового рабочего дня. Вместо этих «неурезанных лозунгов» меньшевизм выдвигает «частичные требования»: свобода собраний, стачек, печати. Иными словами—вместо **революции** меньшевизм ставит в порядок дня **реформы.**

Революция, заявляют меньшевики, это «героическая мечта». Для рабочего класса руководство революцией—неподходящее дело. Для пролетариата гегемония, это—ненужная роскошь. Руководство страной—не его дело, а дело буржуазии. Пролетарская партия должна не бороться, а сотрудничать с либералами. Борьба с царизмом это, прежде всего, дело либерализма. А раз так—долой старую партию, с ее революционной программой, непримиримой тактикой, боевой традицией! Вместо нее необходимо организовать новую легальную рабочую партию, которая будет терпима царизмом, ибо не станет задаваться «утопическими» революционными целями...

Нужно ли говорить о том, что главная тяжесть борьбы с этим отречеством и ренегатством выпала на долю тов. Ленина? Втечение 1908, 1909, 1910, 1911 г.г. Ленин ведет бешеную борьбу внутри социал-демократии против подлой попытки превратить неизбежное отступление рабочего класса в его полную капитуляцию. Ленин руководит отступлением пролетарской партии, таким образом, что это отступление проводится в относительном порядке, что от своих основных задач пролетариат не отказывается, что в новых условиях он подготовляется к новой борьбе за старые революционные цели.

Одновременно Ленин ведет упорную борьбу и с теми слишком «левыми» большевиками, которые не понимают необходимости отступления, не могут в новых условиях по новому работать, которые в 1908 году способны были говорить о боевых «тройках» и «пятерках» и не понимали значения работы в профсоюзах. Если бы партия пошла за этими «левыми» («отзовистами-ультиматистами»), она бы превратилась в секту; как массовая революционная партия, она была бы ликвидирована. Поэтому Ленин с неменьшей энергией, чем против меньшевистского ликвидаторства справа, боролся против ликвидаторства «слева», разоблачал отзовистскую «каррикатуру на большевизм».

В беспощадной борьбе с уклонами справа и «слева» Ленин укрепил партию, подготовил ее к огромной исторической роли. В 1909 году в статье «Ликвидация ликвидаторства» Ленин писал:

«Партийные задачи большевиков... теперь состоят в терпеливом **воспитании партийных элементов, в сплочении их, в создании действительно единой и прочной пролетарской партии.** Большевики отнятали почву для партийности своей непримиримой борьбой против антипартийных элементов в 1903—1905 и в 1906—1907 годах. Большевики должны теперь **построить партию, построить из фракции партию, построить партию при помощи тех позиций, которые завоеваны фракционной борьбой».**

Три года понадобилось для разрешения этой задачи. В начале 1912 года—при наметившемся новом подъеме рабочего движения—большевистская фракция превратилась в большевистскую партию. На январьской Всероссийской конференции 1912 года **меньшевики-ликвидаторы были об'явлены стоящими вне партии.**

Накануне войны большевизм уже стоял во главе вновь поднявшегося к революционной борьбе пролетариата.

ИЛ. ВАРДИН.

Сегодня.

Если бы пятьдесят четыре года тому назад капиталистический мир узнал, что кто-то в Симбирске [illegible] ему капитализму, то поборников бы нашлось немало детей, [illegible] будущего врага капиталистического мира.

Враги заметили его лишь в юношеские годы, когда он весь головой ушел в рабочее движение.

В нем видели руководителя международной революционной борьбы рабочего класса, вождя, большого теоретика-марксиста, гениального революционного практика, организатора грандиозных похорон капиталистического мира.

И вокруг великого вождя стали собираться угнетенные массы, организуясь в боевые ряды против капитализма и его верных охранителей.

Враги встрепенулись и начали преследовать его...

Шагая по тюрьмам и тайгам суровой Сибири, с развернутым знаменем социализма, он везде и всюду был заклятым, непримиримым врагом проклятого строя.

И к заветной цели шел гордо, бодро, увлекая за собой угнетенные массы.

***

Бурные дни... Схватились два мира в смертельной борьбе... И стал на колени старый мир...

26 Октября 1917 года...

Волны Октябрьской революции уже сверглись капитализм в России.

И в Ленинградском Совете вождь-победитель возвещает международному пролетариату:

— Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась...

И ликование рабочего города в боевой обстановке эхом передается международному рабочему классу...

***

Кто был Ленин?

Лучший теоретик марксизма, лучший практик революции, гениальный организатор рабочего класса, великий вождь пролетарской революции.

Ленин—эпохальная фигура....

Он создал новую эпоху, эпоху господства пролетариата...

Пройдут годы, столетия...

А эпоха, созданная Лениным, будет гореть в истории человечества святым огнем.

***

Я видел похороны любимого вождя...

Миллионы лиц, море голов окружало его безмольное тело...

Неописуемо было охватившее всех горе...

В трауре был весь рабочий класс...

Из далеких деревень приходили крестьяне, чтобы проститься с дорогим Ильичем...

Во всех концах земли раздался тяжелый стон...

Велика была утрата...

Но всех утешала в эти тяжелые траурные дни одна мысль:

— Ильич ушел от нас телесно, но духовно он с нами, по старому руководит нами, он жив и никогда не умрет.

***

Сегодня день рождения Ильича....

Мертвым никогда не справляют дня рождения...

Но день рождения Ильича мы вспоминаем...

Ибо Ильич не умер и никогда не умрет...

Он на посту... Он на рубеже двух миров...

Один из них он зовет на новую борьбу, к светлому будущему, и сам прокладывает для него дорогу.

А другой мир он хоронит окончательно...

Мертвые безмолвствуют...

Ильич не молчит... Мы его слышим каждую минуту... Он нас все время направляет на борьбу и экзаменует в наших действиях...

И потому международный пролетариат сегодня поздравляет друг друга:

— С днем рождения дорогого Ильича!

И желает ему:

— Вечно жить в наших сердцах, в нашей борьбе за коммунизм.

А. РУХАДЗЕ.

Об основном в ленинизме.

Ленин превратил борьбу за социализм из неясно «конечной цели» и мечты тысяч в практическое дело миллионов. Он дал рабочим всего мира форму диктатуры пролетариата и наметил на опыте пути ее осуществления. Весь его жизненный путь—путь служения одной задаче—свергнуть власть буржуазии и помещиков в царской России и тем открыть пути международной рабочей революции. Не было поэтому жизни более цельной, борьбы более насыщенной **единством** мысли, теории, более пронизанной **одной** идеей, практики, в любой момент, в любых условиях решавшей **одну основную** задачу, чем теория и практика борьбы Ленина за власть рабочего класса.

Десятки лет сравнительно мирного развития капитализма после поражения Парижской Коммуны создали крупные европейские рабоч. партии. Эти партии всю свою работу строили фактически на соглашении с капиталистами на основе получения рабочими подачек от бешеных барышей капиталистов. Эпоха II-го Интернационала (1889—1914 годы), создавшая широкие социалистические партии в пределах национальных государств, ознаменовалась фактическим полным отказом от борьбы за конечную цель—социализм и тем самым от марксизма, как метода борьбы рабочего класса за свержение власти капитала и установления социализма. Идея Маркса—диктатура пролетариата, которой у Маркса было подчинено все, которой определялась вся суть марксизма исчезла из тысячепунктовых социал-демократических программ борьбы за мелкие уступочки, мелкие соглашения, исправления, поправки и переделочки в рамках капиталистического строя.

В арсенале социал-демократа соглашателя с капиталистами идея диктатуры пролетариата осталась чем-то вроде одной из тех благочестивых молитв, которые в дни праздничные до и после ежедневного греха произносит верующий христианин, чтобы смыть грехи вчерашнего дня и со свежими силами начать грешить завтра.

Эти черты социал-демократических партий особенно четко выявляются с началом двадцатого века. Капитализм развивается в империализм с его гигантской концентрацией производства и капитала, с его сращением промышленного капитала с банковым, с его неслыханной подлинно всемирной борьбой за дележ и передел земли, за право эксплоатации угнетенных народов.

Социал-демократия входит в этот период, как партия демократических реформ. У нее есть правое крыло, которое пытается практику оправдать теорией, соответственно подтасовав Маркса. Французский социалист Мильеран, 25 лет назад вступивший в буржуазное правительство Франции, расстреливавшее рабочих,—это символ II Интернационала, давшего позже в 1921 году германской революции «кровавую собаку» Носке, расстрелявшего Либкнехта и Розу Люксембург.

Официально-формальное правое крыло в меньшинстве,—оно не имеет большинства во II Интернационале. Левое большинство неспособно, однако, дать ничего, кроме революционной фразы. Его специальностью становится такая защита Маркса, при которой оппортунистическое крыло победоносно громится в резолюциях, а **на деле** в условиях гигантского нарастания противоречий империалистического периода продолжается, усовершенствуется, все более откровенно ведется та политика союза с капиталистами, которая дала позорный крах II Интернационала в 1914 году. До конца 19-го столетия органическое мирное развитие капитализма, сопровождавшееся значительным улучшением материального положения рабочего класса, открывало значительные возможности частичных успехов реформаторской работе социал-демократических партий. Начиная с XX века, в эпоху империализма—и эти оправдания реформаторской деятельности II Интернационала пастали. А между тем, именно в этот период заканчивается и оформляется **теория** соглашения с капитализмом, **теория** отказа от **основного** в марксизме, политика, развернутая Каутским в его борьбе против Ленина, уже после окончания империалистической войны. Нынешний Каутский подвел теоретические итоги эпохе, закончившейся 25 лет назад, он добросовестный ученик того самого правого Бернштейна, который уже 25 лет назад предвосхитил отказ Каутского от Маркса, и которого на словах так жестоко бил когда-то Каутский.

Каутский—символ закончившегося 25 лет назад периода в развитии капитализма.

Ленин—символ новой эпохи, эпохи жесточайших классовых боев, которыми выбивается к социализму рабочий класс из эпохи империализма—эпохи умирания капитализма. Он начал свою политическую работу на грани XIX и XX века, когда, с одной стороны, уже выявились черты новейшей последней стадии капитализма—империализма—с другой выявились вполне черты связанной с ним практической сделки социалистов с капиталом, освященной именем Маркса.

На грани XIX и XX века он появился, как символ завтрашнего дня. Как Каутский воплотил в себе весь теоретический смысл эпохи прошедшей, а Носке—ее практику, ее концентрированное действие, так Ленин воплотил в себе теоретический и практический смысл новой эпохи.

В российском капитализме, за признание самого факта, за существование которого ему пришлось бороться в 90-х годах, он обнаружил элементы его гибели. В русских условиях 90-х и 900-х годов, когда только начиналось политическое собрание рабочего класса, он рассмотрел черты новой эпохи, **начало** конца капитализма, связав еще в 1894 году русскую революцию с революцией мировой.

Маркс 48 года, углубленный Марксом «Капитала» и I-го Интернационала, Парижской Коммуной, помноженный на опыт создания массовых рабочих партий в эпоху II-го Интернационала, **обогащенный опытом предательства вождей этих партий в последнее 25-летие**—это Ленин.

С этим сочетается тот опыт организации революционной борьбы с царизмом, который дали лучшие русские революционеры, писавшие в 1882 году («Народная воля» № 8—9): «строго централистический тип организации на весь период борьбы до первой прочной победы революции. мы считаем за наилучший, единственно ведущий к цели»... А разбирая значение революционной теории, Ленин писал в «Что делать?» в 1902 году: «роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов»...

Ленин на переломе 2-х эпох проламывающий пути к будущему, корнями прежде всего в **действительности** периода, в порядок дня которого история уже поставила рабочую революцию,—к **ней** Ленин сумел применить метод Маркса, героизм, самоотверженность, организационный принцип «Народной Воли», сочетаемые с величайшей независимостью к оппортунизму, соглашательству с капитализмом, превращению социал-демократии в придаток к либеральному буржуа.

На опыте борьбы с оппортунизмом, меньшевизмом всех видов вырастал Ленин, **первый** марксист, первый русский революционер, сумевший не только погибнуть в борьбе, но и победить врага.

Все противоречия начала этой эпохи нашли поэтому такое яркое выражение в той беспощадной, непрерывной борьбе с оппортунизмом, которую вел Ленин всегда. Только освобождение рабочего класса от иллюзии навыков, приемов прошлого периода, только возвращение к революционному марксизму может открыть рабочему классу дорогу к победе. Для Ленина оппортунизм был всегда тем основным врагом, без победы над которым немыслима победа над капиталом.

В том же «Что делать», в котором имеются в зародыше все основные элементы ленинизма, писал Ленин в 1902 году:

«Одинаковое социально-политическое содержание современного интернационального оппортунизма проявляется в тех или иных разновидностях, сообразно национальным особенностям. В одной стране группа оппортунистов выступала издавна под особым флагом, в другой оппортунисты пренебрегли теорией, ведя практически политику радикал-социалистов, в третьей—несколько членов революционной партии перебежали в лагерь оппортунизма и стараются добиться своих целей не открытой борьбой за принципы и за новую тактику, а постепенным, незаметным и, если можно так выразиться, ненаказуемым развращением своей партии, в четвертой—такие же перебежчики употребляли те же приемы в потемках политического рабства».

В этом определении интернационального характера оппортунизма в 1902 году, когда оппортунисты не собирали большинства на социалистических конгрессах—весь Ленин, через победу над оппортунизмом прокладывавший пути марксистским методом борьбы за диктатуру пролетариата. В этой характеристике оппортунизма почти ничего изменить не приходится через четверть века после ее написания.

Только уменьшились национальные различия с дальнейшим развитием империализма, империалистической войной, русской революцией, сорвавшими блестящие социалистические мундиры не с одной кровавой собаки.

Ленин теоретически обобщил, окончательно определил не только политическую, но и классовую суть международного оппортунизма во время войны:

«Получение монопольной высокой прибыли капиталистами одной из многих отраслей промышленности, одной из многих стран и т. д. дает им экономическую возможность подкупать отдельные прослойки рабочих, а временно и довольно значительное меньшинство их, привлекая их на сторону буржуазии данной отрасли или данной нации против всех остальных. И усиленный антагонизм империалистических наций из-за раздела мира усиливает это стремление. Так создается связь империализма с оппортунизмом»... («Империализм, как новейший этап капитализма»).

Но Ленин в борьбе с оппортунизмом, стремившимся превратить Маркса в домашнего божка на предмет благословения соглашательской политики, не только очистил Маркса от меньшевистских извращений и искажений, не только восстановил марксову теорию классовой борьбы, но и его. экономическое учение и философский материализм.

Ленин,—и в этом то основное, что делает Ленина гигантом, указывающим путь поколениям, применяя теорию и тактику марксизма-«коммунизма» и к условиям новой эпохи—**последней** стадии капитализма, связав русскую революцию против помещика и капиталиста с мировой рабочей революцией.

Под руководством Ленина всемирно-историческая роль пролетариата, созидателя нового общества, проверялась опытом русской и германской революций. На опыте этих революций Ленин определил ту форму диктатуры пролетариата, которая наилучше обеспечивала победу над буржуазией и движение к социализму. Также опыт дал Ленину возможность разработать на основе марксовой теории и тактику классовой борьбы (гражданские войны).

Такой формой диктатуры являются Советы.

В Советах Ленин провидел ту форму диктатуры пролетариата, которая делает борьбу за нее понятной и близкой миллионам трудящихся. Еще в революции 1905 года он понял, что Советы «зачаточные органы революционной власти». В апреле 17 года, он записал в сознании миллионов рабочих и крестьян лозунг диктатуры пролетариата словами, которые рядом с коммунистическим манифестом Маркса и Энгельса будут сеять века: **«не парламентарная республика,—возвращение к ней от СРД было бы шагом назад,—а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране снизу доверху».**

Борьбу пролетариата за рабоче-советскую власть Ленин сочетал с крестьянской войной против помещика. В этом основное углубление и применение Лениным марксовой теории и тактики классовой борьбы к условиям данной эпохи.

К сочетанию пролетарской борьбы с крестьянской войной Ленин пришел путем изучения экономики крестьянской России—через борьбу с эсеровским пониманием роли рабочего класса и меньшевистским непониманием значения крестьянства в экономической и политической борьбе классов в России. Опыт крестьянских восстаний в первой русской революции 5—7 г.г. помог ему на деле проверить характер, направление, силу крестьянского восстания. На опыте поражения первой революции—в годы реакции он теоретически осмыслил выводы 5-го года. Он в жизни осуществил в самых неограниченных пределах своей «формулы», построив в 17-м году союз крестьян с рабочими на основе клича к крестьянам: «бери землю», превратив в октябре написанный эсерами с крестьянских слов наказ о земле в основной земельный закон, а в 1921 году—взяв душу капиталистического строя—торговлю, через торговлю открыв пути движения рабочих и крестьян к социализму.

В этой идее—главный урок русской революции, имеющий международную значимость. Ему учатся пролетарии всех стран.

Идею сочетания рабочей революции с крестьянским движением Ленин расширяет и обобщает до масштаба всего мира, выдвинув задачу такого же сочетания рабочей революции с восстанием колониальных народов. Опыт союза путиловского рабочего с курским крестьянином обобщен до размеров всемирно-исторических. В нашей стране, лежащей на стыке Европы и Азии, как бы символизировалось лицо пролетарской революции, обращенное одновременно к рабочей Англии и одновременно к колониальной крестьянской Индии, к Франции и Алжиру, к гордому своей квалификацией и мещанским укладом своей жизни американскому рабочему и одновременно китайскому кули и американскому негру.

Ленин во главе нашей партии в той части Азии, которая составляла огромную часть царской России, дал пример такого отношения к угнетенным, отсталым народам, которое десятилетия будет звать на восстание народы Востока, так что удар индуса и негра по английскому и американскому капиталу, совпадая с ударом английского и американского рабочего, а, может быть, и русского рабочего, по тому же капиталу, приблизит день окончательной победы революции. Эту идею Ленин развил особенно ясно на II-м Конгрессе Коммунистического Интернационала. О том же он напомнил в том своем политическом завещании, которое он писал в конце 22 и в начале 23 г.г., и в этом-то основное в ленинизме, без чего не будет победы пролетариата над капиталом. И, наконец, — коммунистическая партия, как рычаг, которым угнетенные классы всего мира подымут капиталистический мир, чтобы разломать его государственную машину и начать строить свое государство и через пролетарское государство и дальше к отмиранию всякой государственной власти и организации.

То, что было организационного и политически верного для целого исторического периода борьбы за диктатуру рабочего класса в I-м Интернационале Маркса,—Ленин применил к строительству коммунистической партии в России и всемирного Коммунистического Интернационала. Этим решается действительная возможность осуществления ленинского плана. Построением, организацией партии завершается основное в ленинизме, т.-е. дальнейшее развитие революционного марксизма, Маркса, данного первым опытом пролетарской революции на $1/6$ всего мира,—в стране, охватывающей огромную часть Европы и Азии.

Власть Советов, создание рабочей революции с крестьянским восстанием против помещика и восстанием колониальных народов против народов-угнетателей, коммунистическая партия—как основное условие осуществления этого—в этом суть ленинизма. В этом основное содержание всей Ленинской жизни.

Если просмотреть теперь то, что писал и говорил Ленин за 30 лет, то больше всего поражает сосредоточение его на главном, основном, на том, чем можно бить капитализм и итти к социализму. От года к году на основе опыта борьбы миллионов людей уточняются формулировки, улучшается и заостряется то оружие, которое вкладывал Ильич в руки рабочего класса. Но самое оружие в основе остается неизменным с самого начала службы Ленина рабочему классу.

Часто принуждаемый условиями своей политической деятельности разбрасываться на массы мелких вопросов, Ленин умел всегда все основное, главное выхватить, выявить, а частное и мелкое связать с главным. Мы не найдем во всех его работах почти ни одной, какой бы теме ни были они посвящены, где все в конечном счете не сводилось бы к Ильичевскому основному. Поэтому каким-нибудь любителям громкой фразы могут показаться однообразными десятки томов им написанного и сказанного, но тем более они учат каждого революционера-коммуниста, тем как дают пример того, как нужно, не выпуская из поля зрения ни на одну минуту цели основной, в то же время выделить главное для каждого момента звено, а извлекши за это звено, сосредоточить всю силу, всю волю, все организационное уменье на том, чтобы вытащить цепь.

Все искусство величайшего в мире вождя и стратега заключалось именно в том, что, отсчитав миллионы, учтя в соотношениях классов, в соотношениях миллионов людей очень часто многое такое, что не поддается никакому формальному учету и статистике, он сумел выделить для целой исторической эпохи основные простые задачи и соответственно им для каждого частного периода выделял задачи отдельные, частичные, мелкие, составляющие лишь часть задачи главной.

А то основное, что составило содержание его жизни, определило направление жизни, работы и борьбы поколений. Дав идею Советской власти, осуществив в борьбе за нее союз передового рабочего с отсталым крестьянином своей страны и колонии, Ленин поднял весь рабочий мир к восстанию и победе.

Архимед древнего мира, изобретя рычаг, заявил: «дайте точку опоры, и я подыму весь мир». Ленин дал рабочему миру не только такой рычаг, которым рабочий подымет буржуазный мир, чтобы разбить государственную машину буржуазии, но и ту точку опоры, которой не было у Архимеда всех времен.

Этой точкой опоры является союз всех угнетенных классов под предводительством пролетариата. А рычаг—коммунистическая партия, сплачивающая рабочие авангарды и ведущая к социализму миллионы пролетариев, которым терять нечего, кроме цепей, а завоевать которые могут целый мир.

Я. ЯКОВЛЕВ.

Заметки о Владимире Ильиче

(Ко дню его рождения 23 апреля 1870 г.).

Мне спешно заказывают писать о Ленине... И не спешно мудрено так легко писать о человеке, товарище и друге, являющемся душой всего рабочего движения одной шестой части земного шара, главным организатором РКП втечение 25-30 лет, организатором великой Октябрьской революции и героической защиты ее завоеваний в СССР и организатором и душой Коминтерна, этого авангарда международной пролетарской революции.

Где нет его руки, где не чувствуется его присутствие?.. Везде и повсюду отпечаток гения, героизма великого вождя мирового рабочего движения, мировой пролетарской революции и мирового коммунизма—революционного марксизма, что смело можно сегодня называть ленинизмом.

После Маркса у человечества не было более великой личности, железной воле которой человечество обязано рождением рабоче-крестьянской Советской власти, кладущей начало ликвидации гнусной эксплоатации человека человеком, ликвидации хищнического капитализма—империализма.

***

Вот кому я должен посвятить свои спешно написанные строки...

Ну, что-ж, по партдисциплине... Ей не раз «подчинялся» и сам Ильич, не говоря уж про меня и подобных мне товарищей-друзей.

***

Личной жизни Ильича я не касаюсь... Да и большой вопрос—была ли она у него, в обыкновенном смысле буржуазной цивилизации?

Его жизнь всегда была, начиная с выступления на великую общественно-революционную политическую борьбу, слита с коллективом, независимо от того, состоял ли этот последний из 2-3 членов подпольного революционного кружка начала 90-х г.г. прошлого века или из миллионов трудящихся и угнетенных последних 5-7 лет, после Великого Октября.

***

Я его знаю на много больше, чем 25 лет...

Скажу сначала о непосредственном знакомстве.

Это было в середине 90-х годов—когда начинал расцветать в российской прессе легальный марксизм. Я занимался подпольной работой в Тифлисе, Батуме и Кутаисе. В этом последнем познакомился со мной сосланный из внутренней России сюда, тогда еще народник - революционер (после сделавшийся марксистом) тов. Козеренко... Он мне сообщил о сожженном царскими палачами «легальном» сборнике, где помещена была интересная статья некоего Тулина (это т. Ильич)...

***

В этот же период в легальных марксистских журналах под псевдонимом Ильича начали попадаться статьи, особенно привлекшие мое внимание, несмотря на подчас «сухой» статистический материал, по основным вопросам политики и экономики марксизма.

С ноября 1897 г. распоряжением царского наместничества Кавказа и требованием царского министра внутренних дел из Петербурга, известного Горемыкина, меня выселили из пределов Кавказа на 5 лет во внутренние губернии России. После многих скитаний через Новороссийск, Ростов и Харьков я попадаю, наконец, в феврале месяце 1898 г. в Екатеринослав. После первого с'езда партии (тогда РСДРП) здесь на место бывшего до того «Союза борьбы за освобождение труда» организовался комитет партии вместе с газетой «Южный Рабочий». Этот комитет РСДРП с газетой обслуживал весь юг России. Из ссылки к нам пришли на помощь (для организации нелегальной типографии при комитете) деньгами, кажется, больше 200-300 руб. В числе этих ссыльных был В. Ульянов.

***

С 3 июля 1900 г. я получаю, наконец, отдых—я в тюрьме. Сначала в Екатеринославе, после в секретках Харьковского замка и, наконец, в секретках московских тюрем... В зиму 1901-1902 г.г. я в больнице: в номере первом секретного коридора московской центральной тюремной больницы, лишенный, конечно, всяких сношений со внешним миром...

Здесь в числе палатных врачей, приставленных ко мне, оказался один, которого другие врачи, зарабатывавшие порядочно в городе, нанимали за 5 рублей дежурить ночью за них. Это был некто доктор Данаев... Я вызывал его в ночное время (бессонница) и заводил с ним, когда стража удалялась в коридор, разговоры... Во время одного из таких разговоров он сообщил мне втихомолку:

— Михаил Григорьевич (так звали меня официально), вы должны быть довольны,—недаром работали.

Я встрепенулся, насторожился и, «подозрительно» посмотрев на него, спросил: «в чем дело?».

— Революция в Москве, в России. Я ее жду, но не так скоро, и не без моего участия...

— Вы думаете — студенты и курсистки (тогда все чаще и чаще происходили по всей России, в особенности в Москве и Петербурге, демонстрации и «забастовки» в высших учебных заведениях) произведут революцию?—добавил я, иронически смеясь.—Ее произведет, милый доктор, только всероссийский пролетариат, и только он. Конечно, с помощью беднейших крестьян, каковых у нас так много...

Он мне ответил:

— Нет, не революция, а заграницей начала выходить очень интересная газета «Искра», где, говорят, участвует наряду с Плехановым некто Ульянов.

Я, больной, вскочив на ноги, схватил его за руки и, заглядывая в глаза, крикнул:

— Вы не врете, доктор? Вы не «зубатовец»?

С этого времени я начал быстро поправляться.

***

Весной 1902 года я был опять «на свободе» и здесь, на Кавказе: то в Кутаисе, то в Тифлисе... Опять начал нелегально работать. Познакомился с вышедшей за два-три года литературой, в том числе с некоторыми номерами «Искры»... Познакомился и с знаменитой брошюрой т. Ленина—«Что делать»... Я остался доволен, что автор, подытоживая всю организационную работу нашей практики за целое десятилетие, как раз намечал те линии, какие нам с трудом, в каторжной работе подполья на юге России и здесь, на Кавказе, удавалось самим стихийно намечать.

Поэтому в 1903 г. на 1-м нелегальном с'езде «Кавказского (после закавказского) Союза с.-д. рабочих организаций» в Тифлисе, еще до 2-го с'езда партии, я предложил здешним товарищам принять за свою программу—проект программы «Искры» и «Зари», ибо предстоящим с'ездом партии, я был уверен, он будет принят.

Так и случилось.

***

Лично, непосредственно мы с товарищем Лениным встретились в первый раз в Лондоне весной 1905 г. на 3-м с'езде партии.

Оказывается, и он знал меня... Это было до открытия с'езда. Он мне говорил о перспективах нашего с'езда... Предложил мне не отказываться, если организационной комиссией с'езда мне будет предложено открыть с'езд,—ибо, говорил он мне,—нет никого (раз Плеханов не является), кто бы был с таким партийным революционным стажем, хотя, быть может, в среде делегатов есть и старше по возрасту. Я, всегда отказывавшийся быть и на с'ездах, и в ЦК партии, отвечал ему, что открыть-то открою, но в президиум не войду.

***

По окончании с'езда, последними возвращались из Лондона через Париж в Женеву я с Ильичем и с Надеждой Константиновной (Крупской).

Перед от'ездом мы с ним осмотрели зоологический сад, британский естественно-исторический музей... Все это он делал больше для меня, ибо сам видел много раз прежде... Были и у могилы Маркса...

На границе Франции, по требованию агентов царя из Парижа, — в Булони, осмотрели его и мой чемоданы... там были уже утвержденные протоколы 3-го с'езда в папках—рукописи. Полиция французской буржуазии в присутствии русского провокатора осматривала,—не везем ли мы табаку. Ильич вскипел и не позволил развязать папки протоколов, заметив: «никакого там табаку нет, мы не курящие и не коммерсанты».

***

Я вынужден здесь прекратить свои воспоминания, как раз там, где начинаются самые лучшие моменты—мое обучение с тов. Лениным в Париже, Женеве (это в 1905 г.) до другого более благоприятного случая. Я с болью в сердце кладу карандаш и ставлю многоточие...

МИХА ЦХАКАЯ.

Тифлис, 24 г., 22 апреля.

Владимир Ильич в Казани.

(1887—89 г.г.).

Брат мой Владимир Ильич Ульянов поступил осенью 1887 года в казанский университет на юридический факультет по окончании в том же году с золотой медалью симбирской классической гимназии.

Это произошло в год суда в Петербурге над старшим братом Александром Ильичем и казни его. Дело это произвело тогда огромное впечатление, и тучи от процеспейся над семьей грозы спустились и над головами остальных ее членов. Естественно, что на следующего брата власти склонны были смотреть очень подозрительно и можно было опасаться, что его ни в какой университет не пустят.

Ф. Керенский, отец известного впоследствии А. Ф. Керенского, бывший в то время директором симбирской гимназии, ценивший Владимира Ильича и в то же время относившийся очень хорошо к умершему за год перед тем отцу его Илье Николаевичу, желал помочь талантливому ученику обойти эти препятствия. Этим об'ясняется та в высшей степени «доброжелательная» характеристика его, которая была переправлена Керенским в казанский университет и подписана и другими членами педагогического совета. Вот она: «Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотой медалью, как самый достойный по успехам, развитию и поведению. Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии непохвальное о себе мнение. За обучением и нравственным развитием Ульянова всегда тщательно наблюдали родители, а с 1886 года, после смерти отца, одна мать, сосредоточивая все заботы свои на воспитании детей. В основе воспитания лежала религия и разумная дисциплина. Добрые плоды домашнего воспитания были очевидны в отличном поведении Ульянова. Присматриваясь ближе к образу домашней жизни и характеру Ульянова, я не мог не заметить в нем излишней замкнутости, чуждаемости от общения даже со знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами и, вообще, нелюдимости».

Покойный Илья Николаевич был очень популярной, любимой и уважаемой личностью в Симбирске, и семья его пользовалась вследствие этого большой симпатией. Владимир Ильич был красой гимназии. В этом характеристика Керенского совершенно верна. Правильно также указывает он, что это происходило не только вследствие талантливости, но и вследствие усердия и аккуратности В. И. в исполнении требуемого, качеств, воспитанных той разумной дисциплиной, которая лежала в основе домашнего воспитания. Отец, сам честный и неутомимый труженик, исполнительный до педантизма, требовал того же и от детей. Илья Николаевич был также искренне и глубоко верующим человеком и воспитывал в этом духе детей. Но его религиозное чувство было, так сказать, вполне «чистым», чуждым всякой партийности и какой-либо приспособляемости к тому, что «принято». Это было религиозным чувством Жуковского, поэта, любимого отцом, религиозным чувством гораздо более любимого Некрасова, выразившимся, например, в поэме «Тишина», отрывки из которой отец любил цитировать, именно то место, где говорится о «Храме божием», пахнувшем на поэта «детски чистым чувством веры».

В гимназии, правда, требовали посещения церкви, говения. Но дома дети видели искренне убежденного человека, за которым шли, пока были малы. Когда же у них складывались свои убеждения, они просто и спокойно заявляли, что не пойдут в церковь (помню такой случай с братом Александром), и никакому давлению не подвергались.

Керенский, конечно, с целью подчеркивает, что в основе воспитания лежала религия так же, как старается подчеркнуть «налишнюю замкнутость», «нелюдимость» Владимира Ильича *). Говоря, что «не было ни одного случая, когда Ульянов словом или делом вызвал бы непохвальное о себе мнение», Керенский даже грешит против истины. Всегда смелый и шаловливый, брат часто подсмеивался и над товарищами, и над некоторыми преподавателями. Одно время В. И. взял мишенью для насмешек француза по фамилии Пор. Этот Пор был очень ограниченный фат, говорят, повар по профессии, пролаза, женившийся на дочке симбирского помещика и пролезший через это в общество. Он теря постоянно около директора или инспектора: порядочные педагоги относились к нему с пренебрежением. Разобиженный вконец, он настоял на четверке из поведения дерзкому ученику в четверть.

В виду того, что брат был уже в седьмом классе, это происшествие пахло серьезным. Отец рассказал мне о нем зимой 1885 года когда я приехала на каникулы, добавив, что Володя дал ему слово, что этого больше не повторится.

Но разве не в таких же пустяках коренилось часто исключение и порча всего жизненного пути непокорному юноше? Отношение к отцу и ко всей семье, а также исключительная талантливость Владимира Ильича избавили его от этого.

На тех же соображениях, что и характеристика Керенского, основывалось решение моей матери не отпускать В. И. в университет одного, а переехать в Казань со всей семьей. Там он поселился с конца августа 1887 г. в доме б. Ростовой на Первой горе, откуда через месяц переехал со всей семьей на Ново-Комиссариатскую, дом Соловьевой.

В те годы затишья и безвременья, когда «народная воля» была уже разбита, а соц.-дем. партия еще не зародилась в России и массы не выступали еще на арену борьбы, единственным слоем, в котором недовольство не спало, как в других слоях общества, а проявлялось отдельными вспышками, было студенчество. В нем всегда находились честные, горячие люди, открыто возмущавшиеся, пытавшиеся бороться. И его поэтому давила всего сильнее лапа правительства. Обыски, аресты, высылки,—все это обрушивалось всего сильнее на студентов. В 1887 г. гнет еще усилился вследствие попытки покушения на жизнь царя, произведенной весной этого года в Петербурге, участниками которой были почти одни студенты.

Мундиры, неделя, самый тщательный надзор и шпионство в университете, удаление более либеральных профессоров, запрещение всяких организаций, даже таких невинных, как землячество, исключение и высылка многих студентов, бывших хотя сколько-нибудь на примете,—все это подняло настроение студентов с первых же месяцев академического года.

Волна так называемых «беспорядков» прошла с ноября по всем университетам. Докатилась она и до Казани.

Студенты казанского университета собрались 4-го декабря, шумно требовали к себе инспектора, отказывались разойтись; при появлении последнего пред'явили ему ряд требований, не только чисто студенческих, но и политических. Подробности этого столкновения, переданные мне в свое время братом, не сохранились в моей памяти. Помню только рассказ матери, ходившей хлопотать о нем, что инспектор отметил Володю, как одного из активных участников сходки, которого он видел в первых рядах, очень возбужденного, чуть не со сжатыми кулаками. Владимир Ильич был арестован на квартире с 4 на 5 декабря и просидел несколько дней с другими арестованными (всего 40 чел.). Все они были высланы из Казани. В. В. Адоратский рассказывает о переданном ему позднее В. И. следующем разговоре с приставом, отвозившим его после ареста.

— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь, перед вами стена.

— Стена, да гнилая, ткни и развалится,—ответил, не задумываясь, В. И.

В. И., по просьбе матери, был выслан в деревню Кокушкино, в 40 верстах от Казани, в благоприобретенное имение деда его по матери—Александра Дмитриевича Бланк,—где в то время проживала под гласным надзором сестра его Анна (пишущая эти строки), которой 5-летний гласный надзор в Сибири был заменен, по ходатайству матери, высылкой в эту деревню. Там остались части двух теток и во флигеле одной из них—очень холодном и неблагоустроенном—провела наша семья (некоторое время спустя мать с меньшими переселилась тоже в Кокушкино) зиму 1887—88 года.

Никаких соседей у нас не было. Провели мы зиму в полном одиночестве. Редкие приезды двоюродного брата да посещения исправника, обязанного проверять—на месте-ли я и не пропагандирую-ли крестьян,—вот и все, кого мы видели. Владимир Ильич много читал,—во флигеле был шкаф с книгами покойного дяди, очень начитанного человека, были старые журналы с ценными статьями; кроме того, мы подписывались в казанской библиотеке, выписывали газеты. Помню, какими событиями были для нас оказии из города и как нетерпеливо раскрывали мы заветный пещер (корзинка местной работы), содержащий книги, газеты и письма. Равно и обратно при оказии пещер нагружался возвращаемыми книгами и почтой. Связано у меня с ним и такое воспоминание. Один вечер все сидели за корреспонденцией, готовя почту, которую должен был забрать ранним утром в упакованном пещере работник тетки. Мне бросилось в глаза, что Володя, обыкновенно почти не писавший писем, спрочит что-то большое и, вообще, находится в некотором ажиотаже. Весь пещер был нагружен, мать с меньшим уже улеглась, а мы с Володей сидели еще по обыкновению. Я спросила, кому он писал. Оказалось, товарищу по гимназии, поступившему в другой, помнится, в один из южных университетов. Описал в нем, конечно, студенческие «беспорядки» в Казани, с очень резкими,—как выяснилось из рассказа,—выпадами по адресу инспектора и других властей предержащих и спрашивал о том, что было в их университете.

Я стала доказывать брату никчемность отправки такого письма, совершенно бесплодный риск новых репрессий, которым он себя этим шагом подвергал. Но переубедить его было всегда не легко. Он находил мои опасения преувеличенными и не хотел менять решения. Тогда я указала ему на риск, которому он подвергает товарища, отправляя письмо такого содержания на его личный адрес.

Тут Володя призадумался, а потом довольно быстро согласился с этим последним соображением, пошел в кухню и вынул, хотя и с видимым сожалением, злополучное письмо.

Позднее—летом—я имела удовольствие слышать от него в одной беседе по какому-то случаю между ним и двоюродной сестрой полушутливое, полусерьезное заявление, что за один совет он мне обязан [illegible] изошло после того, как он [illegible] пролежавшее несколько месяцев его ящике письмо и подверг его уничтожению.

Кроме чтения, Владимир Ильич занимался в Кокушкине с [illegible] ружьем [illegible] 15 [illegible] первая, так сказать, проба пушки, и охота была всю зиму [illegible] кулаю, что [illegible] и потому, что [illegible] душе, как другие два брата мои, он никогда не был.

Помню особенно ярко крутую, раннюю весну после этой утомившей нас одинокой зимы,—первую весну, проводимую нами в деревне. Помню долгие прогулки и беседы с братом по окрестным полям под аккомпанемент неумолчно заливавшихся невидимых жаворонков в небе, чуть пробивавшуюся зелень и белевший по оврагам снег...

В. И. начал чтение «Капитала» Маркса, рассказывая мне с большим увлечением о прочитанном. Тут завел понемногу некоторые знакомства, но больше уходил сам, чем принимал у себя. Фамилий его знакомых я не помню. Он был все же довольно осторожен из внимания к матери. Исключительное мужество, с которым мать переносила несчастье с потерей брата Александра, вызывало удивление и уважение даже со стороны посторонних людей. Тем более чувствовали это мы, дети, ради которых, для забот о которых она странным усилием воли сдерживала себя. Надежда Константиновна говорила мне, что В. И. рассказывал о том удивительном мужестве, с которым перенесла мать потерю брата, а позднее сестры Ольги.

Влияние ее на нас с детства было огромное. Подробнее я скажу об этом в другом месте, здесь же укажу только на один эпизод из казанской жизни. Володя начал покуривать. Мать, опасаясь за его здоровье, бывшее в детстве и юношестве не из крепких, стала убеждать его бросить курение. Исчерпав доводы относительно вреда для здоровья, обычно на молодежь мало действующие, она указала ему, что и лишних трат, хотя бы копеечных (мы жили в то время все на пенсию матери) он себе, не имея своего заработка, позволить бы, собственно, не должен. Этот довод оказался решающим и Володя тут же,—и навсегда,—бросил курить. Мать с удовлетворением рассказала мне об этом случае, добавляя, что, конечно, довод о расходах она привела в качестве последней запятки.

Мать стала тревожиться, что Володя «влетит» опять, и это отчасти побудило ее приобрести через М. Т. Елизарова (окончившего петербургский университет и участвовавшего со мной и покойным братом в одном землячестве) маленький хутор в Самарской губ. и выхлопотать разрешение переехать на лето туда. По выходе моем замуж за М. Т. Елизарова все семья наша обосновалась в Самаре.

Опасения матери были не напрасны. Летом 1889 г. в Казани был арестован кружок Федосеева, и В. И. говорил мне, что, останься он в Казани, он попался бы наверно тоже, так как был знаком с некоторыми из арестованных, хотя самого Н. Е. Федосеева не знал, и с деятельностью кружка, развернувшегося, очевидно, шире уже с весны, т. е. с от'ездом брата.

Этот благополучный исход дал возможность В. И. мирно заниматься в Самаре теоретической работой по изучению марксизма, пропагандой его среди молодой самарской публики, а также получить разрешение на сдачу экзамена экстерном, о чем много хлопотала мать.

Получив это разрешение, В. И. так усердно засел за подготовку, что в 1891 году, т. е. не отстав ни на год от своего выпуска, сдал этот экзамен при петербургском университете.

А. ЕЛИЗАРОВА.

*) Больших приятелей у него в гимназические годы не было, но, конечно, нелюдимым его никак нельзя было назвать.

Владимир Ильич.

Трудно, тяжело сейчас писать о Владимире Ильиче...

Рассудок говорит, что его уже нет, что мы больше не увидим его.

А чувство упорно протестует, не хочет примириться с фактом.

И все-таки надо писать. И это должны сделать все, кому выпало величайшее счастье видеть Владимира Ильича, слушать его, работать с ним. Каждая встреча с ним давала какой-нибудь новый штрих, новую черту многогранной личности великого революционера и вождя победоносно развертывающейся пролетарской революции. Собрать все эти черточки, штрихи, старательно вспомнить и записать даже мелкие факты, мелкие подробности—таков долг каждого из нас. Пройдут годы, и тогда этим материалом можно будет воспользоваться для того, чтобы дать будущим поколениям величавый образ нашего вождя.

I. В СТАРОЙ «ПРАВДЕ».

До первой личной встречи с Владимиром Ильичем мне пришлось, так сказать, «заочно» познакомиться с ним по работе в довоенной «Правде» в 1912 г.

«Правда» появилась на свет при очень тяжелых условиях. Не было денег, не было сотрудников; в избытке были только штрафы, конфискации и прочие скорпионы, особенно щедро отпускавшиеся царским самодержавием, конечно, нашей газете.

Летом 1912 г., чтобы быть ближе к «Правде» и сократить время на пересылку рукописей, Владимир Ильич, вместе с т. Зиновьевым, переехал из Парижа в Краков. С этого момента начинается его энергичнейшая работа в «Правде». Не ограничиваясь ролью самого деятельного сотрудника и идейного руководителя газеты, он входит во все важные вопросы газетного дела, постоянно давая свои советы и указания.

С переездом Владимира Ильича в Краков, редкий номер «Правды» выходил без его статей, подписанных различными псевдонимами. Статьи всегда писались на бумаге одинакового формата, одинаковым ровным почерком. Достаточно было сосчитать число страниц, чтобы сказать, сколько печатных строк выйдет из данной статьи.

На мне в «Правде» лежала, между прочим, довольно тяжелая и неприятная обязанность «домашнего» цензора. Я обязан был следить за тем, чтобы в газете не оставалось ничего такого, что давало бы бесспорный повод для штрафа или конфискации.

До выхода «Правды» многие были убеждены, что массовая дешевая ежедневная большевистская газета в тогдашних условиях в короткий срок будет задушена репрессиями. Мы решили доказать противное, и потому в первый период существования «Правды» было очень важно более или менее благополучно пройти сквозь строй полицейско-цензурных репрессий. Для этого нам самим приходилось «цензуровать» все статьи, в том числе и статьи Владимира Ильича. Приходилось выкидывать «опасные» слова, фразы, целые абзацы; иногда погибала вся статья.

Сидишь, бывало, ночью, занимаешься такими «хирургическими операциями» и думаешь, каким, в сущности, издевательством над Владимиром Ильичем является такая работа над его статьями. И в то же время поражало его хладнокровие и терпение. Я ни разу не слыхал о его неудовольствии по поводу безжалостного и не всегда удачного кромсания его статей.

Поражало меня тогда уменье Владимира Ильича чрезвычайно простым и ясным языком писать статьи по очень сложным вопросам. В каждой строчке чувствовалось одно желание—быть правильно понятым каждым рабочим читателем. В простом стиле его статей, чуждом всяких цветов красноречия, как бы отражалась личность самого автора.

К этому надо прибавить и другую характерную черту статей т. Ленина. На самые острые, с цензурной точки зрения, темы он умел писать ясным, спокойным языком, без крикливых фраз и словесных побрякушек, до которых так падка была начавшая потом выходить эсеровская газета. За эти побрякушки ее чаще и конфисковывали.

2. НА 1-м С'ЕЗДЕ СОВЕТОВ.

В первый раз я увидал Владимира Ильича 4 апреля 1917 года в Ленинграде, когда он выступил со своими тезисами. Непосредственно встретился я с ним на 1-м С'езде Советов.

Во время этого с'езда, на котором громадное большинство принадлежало эс-эрам и меньшевикам, а мы были только незначительным меньшинством, наша ленинградская организация подготовила внушительную демонстрацию рабочих и солдат. Цель демонстрации, назначенной на 10 июня, сводилась к тому, чтобы поставить ребром пред большинством С'езда вопрос о том, что Советы должны взять в свои руки всю власть в государстве.

О подготовке демонстрации на С'езде стало известно только 9-го июня вечером. Эс-эры и меньшевики прямо-таки были ошеломлены этим планом. Их испуганное воображение рисовало ужасные картины выступления контр-революции, вооруженную борьбу на улицах и гибель завоеваний революции.

На С'езде все больше и больше разрастала нервная, почти паническая атмосфера. Тревожным настроением стали заражаться и некоторые члены нашей фракции, в числе их и пишущий эти строки.

Эс-эры и меньшевики пред'явили к нам требование, чтобы мы отказались от устройства демонстрации и приняли все меры к ее отмене. Наша фракция ушла в свою комнату на совещание. Здесь выяснилось, что значительная часть фракции, допуская в будущем возможность разрыва с тогдашним советским большинством, в данный момент считала такой разрыв преждевременным, опасным для нашей партии, так как этим разрывом партия отрывалась от беспартийных масс. Кроме того, высказывались опасения, что если демонстрация вызовет в Ленинграде серьезные столкновения, то мы с мест не в состоянии будем оказать серьезной поддержки, так как еще не чувствуем себя достаточно сильными.

Прения во фракции затянулись. Говоря о том, что теперь уже нельзя отменить демонстрацию просто потому, что для оповещения об этой отмене у нас не хватит времени и сил, т. Ленин, между прочим, сослался и на то, что в этот момент уже печатается «Правда» с призывами к рабочим и солдатам итти на демонстрацию и что мы уже не успеем вынуть весь этот материал из номера «Правды».

Возражая т. Ленину, я в повышенном тоне сказал, что всякому, знакомому с газетным делом, ясно, что достаточно иметь в своем распоряжении полтора наборщика, чтобы проделать в «Правде» все необходимые изменения».

Через некоторое время т. Ленин предложил прекратить прения, добавив, что ЦК соберется тут же в нашей фракционной комнате и вынесет окончательное решение.

Минут через 15—20 в углу комнаты кончилось заседание ЦК, и т. Ленин сообщил нам его решение: 1) демонстрацию отменить, 2) всем членам нашей фракции отправиться по районам и казармам, предупредить рабочих и солдат об отмене демонстрации, 3) т. Данилову отправиться в типографию, где печаталась «Правда» и сделать в печатающемся номере газеты все изменения, вызванные отменой демонстрации.

Был, вероятно, четвертый час утра. Опасаясь, что наборщики уже ушли из типографии, я кликнул к фракции, прося помощи у товарищей, знающих наборное дело. Откликнулись двое товарищей, заявивших, что из них двоих полтора наборщика выйдет.

Нам посчастливилось. Когда мы пришли в типографию, «Правду» только что начали печатать. Мы велели остановить машину, упаковать и спрятать отпечатанные номера, а потом занялись «починкой» газеты. Надо отдать справедливость товарищам из редакции «Правды»: они свое дело сделали хорошо. По всем страницам, кажется, кроме последней, в разных местах были разбросаны призывы на демонстрацию, лозунги и т. п. Только часов в пять утра мы закончили «штопанье» газеты и ушли из типографии.

На меня это маленькое происшествие произвело сильное впечатление. Не нужно было быть особенно догадливым, чтобы понять, что я был подвергнут маленькому «экзамену», при чем мне задали задачу, смысл которой был таков: а что, дорогой товарищ, ты действительно понимаешь что-нибудь в деле или почем зря языком болтаешь?

Я сделал из этого определенный вывод и зарубил его в своей памяти.

3. В НОЯБРЕ 1917 ГОДА.

В ноябре 1917 г. по поручению костромских товарищей я приехал в Ленинград разобраться в текущих событиях.

Ночью я встретился в Владимиром Ильичем в Смольном, который жил тогда какой-то исключительной напряженно-кипучей, почти фантастической жизнью. Сюда сходились все нити небывалого еще в истории по широте и глубине социального движения. Отсюда бросались руководящие идеи и планы движения, захватывавшего десятки миллионов трудящихся. По гулким коридорам Смольного двигался непрерывный поток рабочих, солдат, красноармейцев.

В разговоре с тов. Лениным в эту ночь я задавал ему много вопросов, на которые он отвечал мне с поразительным спокойствием и терпением. В эту ночь я лишний раз убедился, что он не только учил нас, как надо «терпеливо об'яснять» рабочим, но еще лучше сам делал это по отношению к нам.

В числе многих острых злободневных вопросов разговор коснулся, между прочим, возможности соглашения с эс-эрами и меньшевиками.

— Да ведь нам не о чем с ними разговаривать,—говорил т. Ленин.—Ведь они ничего не могут предложить нам. Они сами не знают, чего хотят. Разве Чернов знает, чего он хочет? Вот другое дело, если бы к нам пришли для переговоров Коновалов и Рябушинский. Это люди серьезные, деловые. Они знают, чего добиваются. С ними есть о чем толковать. А эс-эры ведь совершенно несерьезные, неделовые люди.

Последующие годы дали не мало ярких подтверждений и иллюстраций к этой оценке. И в контр-революционном движении самостоятельная роль эс-эров и меньшевиков сводилась к нулевой величине. Они фактически только «приставлялись» к какой-нибудь белогвардейской «цифре», увеличивая ее вес и значение, и шли по указке Коноваловых и Рябушинских. Продолжают итти по той же указке и в настоящее время.

Ночная беседа оборвалась вызовом тов. Ленина для разговора по прямому проводу с Киевом.

4. «НЕПОХВАЛЬНЫЙ ОБЫЧАЙ».

Весной 1919 г. мне снова пришлось обратиться к т. Ленину за помощью. Порученная мне область военной работы тесно переплеталась с деятельностью партийных организаций и советского аппарата на местах. Надо было установить основные вехи работы и уже по ним направлять повседневную практическую работу. У меня сложился определенный практический план, но для его успеха необходима была помощь партийных организаций и исполкомов на местах. Были некоторые колебания,—не является ли весь мой план простой канцелярской выдумкой.

В конце концов я решил со всеми своими сомнениями и колебаниями обратиться к т. Ленину.

В назначенное время я входил него кабинет. Мне было неловко отнимать у него время, и у меня невольно вырвалась фраза о том, что вот, дескать, я и начинаю следовать «непохвальным примерам»—обращаться к нему. В ответ Владимир Ильич улыбнулся какой-то особенной улыбкой, ободряющей, привлекающей к себе. Глава советского правительства куда-то исчез; предо мной был учитель, которому надо было скорее рассказать о всех своих сомнениях. А он как будто сразу уловил состояние сумятицы и тревоги, переживаемые мною, и своей улыбкой выражал полную готовность помочь мне.

Легко и свободно рассказал я о своих планах, о тех сомнениях, которые волновали меня. Внимательно слушал меня т. Ленин, давал указания, что и как направить в партийном или советском порядке.

К концу разговора были разрешены все мои сомнения. Намеченный мною план получил необходимую для практической работы ясность, определенность и законченность. А самое главное—я почувствовал, что нашел источник новой силы, нашел человека, который поможет во всех затруднениях.

Ушел я в том состоянии, когда человек чувствует особый прилив энергии, когда гладко и споро идет работа. И всякий раз после этого, когда было трудно, когда давила тяжесть работы, терялась вера в свои силы, я невольно думал: «Да что я распускаю слюни! Ведь я могу пойти к т. Ленину!» И одна мысль о возможности пойти к нему, получить от него совет и указания, вливала новые силы, облегчала работу, словно устраняла тяжелые препятствия.

5. В СОВЕТЕ ОБОРОНЫ.

В 1919—20 г.г. мне довольно часто приходилось видеть Владимира Ильича [illegible] заниях Совета Обороны. Другие товарищи, регулярно работавшие в Совнаркоме и Совете Обороны, подробнее обрисуют эту сторону деятельности т. Ленина. Я же ограничусь только некоторыми фактами и чертами, почему-либо произведшими на меня впечатление.

Присутствуя на заседаниях Совета Обороны или Совнаркома, я иногда думал о том, какая глубокая пропасть отделяет Советскую Россию от прошлого, хотя бы даже внешнего нового правительства, созданного Октябрьской революцией. Старый строй стремился установить небесное происхождение власти, чтобы вернее действовать на рассудок и воображение масс. Не довольствуясь елеем небесного помазания, он старался окружить власть всем блеском золотой мишуры. Являясь перед народом, власть должна была ослеплять его.

Октябрь свел власть с небес на землю, показал массам подлинный, чисто-земной источник и корни власти и навсегда снял с нее всякую мишуру. Живым воплощением новой власти был т. Ленин с его поразительной простотой, естественностью, органическим отвращением ко всякой театральной ходульности и ложноклассической декламации. Он давал, так сказать, основной тон всей картине.

Как мало походили заседания Советского правительства на заседания совета министров наидемократического, наикультурнейшего государства. Пиджаки и косоворотки, френчи, солдатские гимнастерки, высокие сапоги—в какой бы ужас привела эта картина затянутую в демократический сюртук, накрахмаленную пошлость различных Шейдеманов. А между тем это был естественный стиль пролетарской революции, по горло занятой работой, живущей в кольце жесточайшей военной борьбы, в обстановке разоренной, обнищалой страны.

Интересен был регламент, введенный в Совете Обороны т. Лениным: 5 или 7 минут для доклада, 3 минуты желающему участвовать в прениях. Это было отражением пролетарской революции, скупой на слова, деловитой. В 3 минуты едва успеешь сформулировать свою точку зрения, а вот цветов красноречия, уж извините—не успеешь развести.

Требуя точности от других, т. Ленин сам мог служить примером точности. За 1—2 минуты до 6 ч. он выходил из своего рабочего кабинета в небольшую комнату, где заседал Совет Обороны, и ровно в 6 ч. открывал заседание. Опаздывать не полагалось—иначе можно было встретить укоризненный взгляд т. Ленина и его грозящий палец. Такая точность в смысле своевременности начала заседания без всяких опаздываний установилась еще в заседаниях Реввоенсовета СССР. А не мешало бы потребовать ввести этот порядок в наш и советский и партийный обиход.

Помню один случай, когда даже т. Ленин опоздал. Пробило 6 ч., а его не было, что не мало удивило собравшихся на заседание. Появился он только в 7—8 минут седьмого, покрасневший, смутившийся, словно провинившийся школьник. Он попросил товарищей извинить его, так как был задержан на заседании ЦК. В ответ на его извинение раздался взрыв хохота и крики: «не принимаем», «отклонить», «занести в протокол», что еще больше смутило т. Ленина.

Как председатель, т. Ленин вел заседания с поразительным искусством, не давая прениям разбиваться на мелочи, умело подводя итог прениям. В Совете Обороны тогда увязывались важнейшие вопросы, связанные с войной и хозяйством. На повестке не редко стояло более 60 вопросов. Неудивительно, что при таких условиях, несмотря на жесткий регламент и умелое руководство заседанием со стороны т. Ленина, заседания затягивались до 2—3 ч. ночи. Усталые от дневной работы, участники заседания утомлялись еще более, начинали нервничать, что сразу отражалось в прениях. В этих случаях хорошо освежал атмосферу веселый, заразительный смех т. Ленина. Он удивительно любил смеяться и, казалось, боялся пропустить хотя бы маленький повод для смеха, который тотчас заражал остальных и освежал утомленную нервную систему.

В заседаниях Совета Обороны не полагалось курить, так как Владимир Ильич не переносил табачного дыма. Выходить курильщикам во время заседания в другую комнату было неудобно. Поэтому им была предоставлена печная отдушина, которой они и пользовались по очереди, не лишаясь возможности следить за ходом заседания. Как были бы поражены иностранцы, если бы увидали наших товарищей народных комиссаров, которые, словно школяры, подходили с папироской к отдушине, торопливо затягивались несколькими глотками табачного дыма и снова возвращались на место.

Иногда около отдушины собиралось несколько «курителей»; образовывался табачный хвост. Как и во всех хвостах, здесь тоже начинались, если не разговоры, то перешептывания, мешавшие деловому ходу заседания. Кончалось обычно тем, что т. Ленин вынужден был разгонять табачный хвост.

Удивительна была способность т. Ленина быстро проверять представляемые докладчиками факты, цифры, а также проверять и самих докладчиков в смысле их знания докладываемого вопроса. В 1919 году мне приходилось через каждые две недели делать доклад Совету Обороны о ходе борьбы с дезертирством. К докладам приходилось тща-

Ленин и „Искра“.

В начале 90-х годов социал-демократические кружки и организации вели свою работу, не имея ни прочных организационных связей между собой, ни общего центрального руководства. Партия, созданная на первом с'езде в Минске в 1898 году, была разгромлена. Необходимо было приступать к строительству партии заново.

Вернувшись из ссылки, В. И. Ленин целиком отдался этой идее.

Ближайшей задачей своей революционной деятельности он поставил об'единение разрозненных социал-демократических сил в единую, спаянную партийной дисциплиной организацию революционеров, в единую социал-демократическую партию, которая при активном участии преданного рабочему классу основного ядра революционеров-профессионалов втягивала бы в общее русло социал-демократические передовые слои революционных рабочих.

Эту свою мысль Владимир Ильич связывал с организацией «обще-политической русской газеты». Газета—это первый шаг к строительству партии. Без газеты невозможна правильно поставленная систематическая агитация и пропаганда. Больше того. Газета не только коллективный агитатор и пропагандист, она—и **коллективный организатор**. Все свое внимание Ленин отдает этой основной задаче; она захватывает его целиком.

На Псковском совещании в 1900 г., на котором участвовали также Мартов, А. Потресов и др., Владимир Ильич горячо отстаивал необходимость создания центрального органа печати, вокруг которого сорганизовались бы революционные силы русского социал-демократического движения и который повел бы беспощадную борьбу с оппортунистами. Совещание высказалось за организацию такого органа, и В. И. Ленин вместе с А. Потресовым отправился заграницу для переговоров с группой «Освобождения труда». В результате переговоров с Г. В. Плехановым и друг. участниками этой группы решено было приступить к изданию газеты «Искра» и теоретического марксистского журнала «Заря».

При содействии германских социал-демократов была организована тайная типография и в декабре 1900 г. вышел № 1 «Искры», сыгравшей столь крупную роль в истории развития революционного социал-демократического движения в России.

«Искра», собственно говоря, и начинает собою первую страницу блестящей героической истории революционной марксистской журналистики, и В. И. Ленин, один из главных организаторов и наиболее ревностных сотрудников «Искры», по праву должен считаться основателем первой революционной марксистской газеты в России.

В № 4 «Искры» в статье «С чего начать?» В. И. Ленин дал прекрасное, никем до сих пор непревзойденное определение газеты, как коллективного организатора. Определение это, ставшее ныне классическим, тогда вызвало насмешливые замечания со стороны экономистов.

В. И. Ленин ответил экономистам брошюрой «Что делать?», в которой подверг беспощадной критике их возражения против «ленинского» плана строительства партии и «ленинской» оценки газеты. Опыт «Искры» показал, насколько прав был Владимир Ильич, придавая огромное организационное значение газете, и как близоруки и неумны были те, кто тогда подвергал «ленинское» определение газеты легкомысленной критике.

Точка зрения Владимира Ильича на роль газеты целиком подтверждена всей практикой русского рабочего движения.

На тонких листках «Искры» подробно разрабатывались и освещались основные вопросы программы и тактики революционной социал-демократии.

Здесь же слагались основные элементы будущего большевизма. Первый период «Искры» (с № 1 по № 52), несмотря на участие в ней целой плеяды блестящих публицистов и теоретиков марксизма, как Г. В. Плеханов, Ю. С. Мартов, П. Б. Аксельрод, проходит по линии неустанного ее сотрудника В. И. Ленина. Ведя беспощадную борьбу с экономистами и с социал-революционерами, «Искра» собирала под красное знамя революционного марксизма разрозненные социал-демократические организации и кружки, вырывая их из сферы оппортунистического влияния экономистов.

Одна за другой крупные социал-демократические организации переходили на сторону «Искры», солидаризируясь с ее тактикой и программой. К концу 1902 г. от былого влияния экономистов в рабочем движении осталось только воспоминание. Экономисты сошли почти на нет. «Искра» стала центром притяжения революционных социал-демократических сил, знаменем социал-демократического движения, главным истоком будущей рабочей партии.

На II-м партийном с'езде в 1903 г. «искровцы» неожиданно раскололись на большевиков и меньшевиков, и «Искра», вскоре после этого раскола, перешла к «мартовцам», стала органом меньшевиков, вытравивших из ее страниц революционный дух, дух ленинизма.

В. И. Ленин, расставшись с «Искрой», приступил к созданию своей большевистской печати. Появляются «Вперед», «Пролетарий», «Социал-Демократ» и ряд других нелегальных и легальных газет. В 1913 г. появилась легальная «Правда».

На страницах большевистской печати Владимир Ильич, как и в первый период «Искры», вел упорную борьбу с оппортунистами, и, пользуясь печатным словом, об'единял вокруг этой печати революционных рабочих, при помощи газеты строил большевистскую партию, которую в 1917 году повел на штурм капиталистических твердынь.

Великий вождь и стратег социалистической революции В. И. Ленин был в то же время и великим пролетарским журналистом. Его творения вошли блестящими страницами в историю не только русской, но и мировой рабочей печати.

К. НОВИЦКИЙ (К. ПЕТРОВИН).

Работа в кружках 90-х год.

Вернувшись с очередной студенческой практики осенью 1893 года, я был приятно поражен новым приобретением нашего социал-демократического петербургского кружка: в наших рядах оказался молодой, 23-летний В. И. Ульянов.

Кружок наш состоял по преимуществу из студентов технологического института, причем старейшими членами его были С. И. Радченко и Г. Б. Красин. Я лично, уже за предшествовавшие два года, в значительной степени вошел в курс тогдашней революционной работы и имел связи с небольшими группами рабочих и на Шлиссельбургском тракте, и в гавани, и на Выборгской стороне, и среди путиловцев.

Однако, не могу сказать, что мы в то время, до приезда к нам Владимира Ильича, были хорошими практиками. Полицейские условия тогдашнего времени были таковы, что нам неизбежно предстоял весьма краткосрочный путь нашей революционной работы. Поэтому, казалось бы, нам надо было вести скорее работу вширь, чем вглубь. На деле же было как раз обратное.

Я и до сих пор вспоминаю, как беспощадно терзал я учебой головы своих слушателей, большинство которых было теми питерскими ткачами, которые еще в далекой стенки не порвали своей связи с деревней. А между тем я настойчиво требовал от этих полудеревенских рабочих отчетливого усвоения первой главы «Капитала» Маркса!

Владимир Ильич не замедлил внести ряд существенных коррективов в ход наших занятий. Уже в то время он резко отличался от всех нас отсутствием всякого педантизма в восприятии Марксовой доктрины. Уже в первых докладах в нашем кружке он дал нам образчик того нового подхода к изучению русской действительности, который так превосходно демонстрируется в целом ряде его работ и, между прочим, в известном труде «Развитие капитализма в России». Другая его работа, относящаяся как раз к периоду 1893—94 г.г. и опубликованная теперь под наименованием: «Что такое друзья народа и как они борются с социал-демократией», показывает нам, как этот юноша-атлет на целые десятилетия предвосхитил пути и методы грядущей пролетарской революции.

Влияние Владимира Ильича сказалось в немедленном, решительном перевесе практики над теорией во всех тех случаях, где теория грозила односторонним, кабинетным уклоном. Борьба за возможно широкое вовлечение в работу пролетарских масс, а поэтому переход от пропаганды к агитации, организационная работа в целях постановки борьбы с полицейским механизмом и во имя преемственности в революционной работе, а поэтому конспиративная учеба, и, наконец, оттачивание острым оружием марксистской критики опорных теоретических высот в предстоящей длительной борьбе за правильное политическое воспитание рабочего класса,—таковы три основных линии ленинизма, ярко сказавшиеся и в работе юноши Владимира Ильича.

Начиная с осени 1893 г., занятия нашего кружка с Владимиром Ильичем во главе с различными группами петербургских рабочих дали целый ряд плодотворных результатов. У нас стал накопляться значительный материал по фактическому положению рабочих на главнейших фабриках и заводах столицы. Наша обличительная проповедь все теснее и теснее смыкалась с повседневными нуждами и требованиями самих рабочих. Мы напрягали все свои силы, чтобы наиболее ярко и в форме, доступной пониманию широких масс, иллюстрировать необходимость перехода от борьбы за экономические достижения к борьбе политической.

Общая обстановка как нельзя более содействовала этому. Тогдашний Петербург был ярким воплощением самого беззастенчивого полицейского застенка. Личность царя так великолепно дополнялась и раз'яснялась зубодробительными приемами администрирования колоритнейших фигур петербургских градоначальников. Методы агитации в этом направлении требовали от нас широкой практики революционных листовок, что, в свою очередь, ставило перед нами задачи техники печатания и способов распространения.

Это, однако, требовало новых приемов в работе, и мы с Владимиром Ильичем проходили изрядную школу конспирации. Весь Петербург был разделен на ряд районов; занятия каждого из товарищей были приурочены к определенному району, выделена была центральная ответственная группа.

Таким образом, без преувеличения можно сказать, что эти зародыши организаций социал-демократических комитетов закладывались творческой рукой самого Владимира Ильича. Энергия в нем била неиссякаемым ключем. Как бы мал по числу слушателей не был кружок, с которым по тем временам приходилось заниматься Владимиру Ильичу, он с неизменным рвением, в определенно назначенный час, всегда был в распоряжении своих слушателей. А наряду с этим он своим бисерным почерком продолжал лихорадочно набрасывать и листовки, и целые брошюры, по которым уже и тогда было видно, что мы имеем в его лице писателя, трибуна и организатора — революционера первого ранга.

Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ.

Несколько штрихов из жизни В. И. Ленина.

(Отрывки из воспоминаний).

Трудно мне писать об Ильиче. И много раз задавала себе вопрос: надо-ли писать и могу-ли писать так, чтобы это было достойно Ильича и чтобы он не поморщился, если бы мог прочитать написанное?

Много и хорошо о нем уже сказано. И такие блестящие, тонкие, любовно составленные характеристики уже даны.

Несколько раз начинала и бросала, ибо страшно трудно писать об Ильиче.

Боишься каждой неточной фразы, боишься банальных слов, боишься исказить его чудесный образ. Стараешься быть скупой на слова и выражения, не давать воли чувству, которое клещами сжимает сердце, ибо слишком,слишком еще больно перебирать все в уме, вызывать из прошлого дорогой образ друга, товарища, учителя и наряду с этим вспоминать комнату в Горках, Колонный зал, Красную площадь...

Знаю заранее, что то, что напишу, так мало и так бледно выражает то, что хочется сказать, но решаюсь все же дать ряд отрывочных личных воспоминаний, думая, что может быть даже маленькие отмеченные черточки дорогого всем человека могут иметь свою ценность.

Мое первое воспоминание о Владимире Ильиче, беглое и поверхностное, относится к 1891 году, когда он приезжал в Питер сдавать экстерном государственный экзамен. Он довольно часто приходил к своей сестре Ольге, с которой я училась вместе на высших женских курсах и у которой я его иногда встречала. С ним я тогда почти не была знакома. Знала только, что сестра страшно высоко его ценила и, повидимому, по его советам и указаниям работала. Не могу не сказать несколько слов и о ней. Ольга Ульянова была тоже не совсем обычный тип курсистки того времени: маленький, черный жучек, скромный и незаметный на первый взгляд, но умница, одаренная, с какой-то тихой, сосредоточенной силой воли и упорством в достижении намеченного. Глубокая серьезная, несмотря на свои 19 лет, и чудесный товарищ. К великому сожалению, она умерла в тот же год от брюшного тифа.

Познакомилась же я с Владимиром Ильичем лишь в 1983 году осенью, когда он приехал в Питер и тотчас приступил к деятельному отысканию всех соц.-демократических связей. Он быстро ориентировался во всех имевшихся в то время группировках и вступил в тесные отношения с группой технологов-соц.-демократов, через которую и получил, главным образом, связи с питерскими рабочими *).

Восторженные о нем отзывы товарищей я услышала раньше, чем увидела его первый раз, когда он читал нам свой реферат «О рынках».

Быстрый и самообразованный, с чуть насмешливым и острым глазом, через край полный энергией и жизнью,—он и тогда был, как искра. Реферат его «О рынках» и брошюра «Что такое друзья народа» сразу выявили его масштаб. Определенность линии, глубина анализа, огромная эрудиция как по части теории Маркса, так и окружающей русской действительности в соединении с неукротимой революционной энергией, огромной работоспособностью быстро обеспечили ему громадное влияние среди товарищей и он, естественно, как-то само собой становится центром и главой группы.

Очень скоро он убеждает товарищей в необходимости изменения тактики, в необходимости перехода от узких форм пропаганды к широкой агитации среди масс, к захвату этих масс, к вовлечению их в активную борьбу с существующим строем как экономическим, так и политическим.

И тогда же, по моему, выявились уже **три** основные линии его работы. Это, **во-первых**, борьба с враждебной идеологией, затемняющей сознание рабочего класса, борьба страстная, резкая, беспощадная. **Во-вторых**, создание крепко сколоченной организации, связанной единством теоретической и тактической линии. **И, в-третьих**, установление самой широкой связи с рабочими массами, возможное сближение с ними путем изучения их жизни, запросов, интересов. Отсюда переход к новой тактике, к таким новым приемам революционной деятельности, как листки, газета, популярные брошюры.

И он не только проклямирует эти основные линии, а с присущей ему бурной стремительностью проводит их на практике. Он пишет брошюру «Что такое друзья народа», выступает на собраниях народников, где жестоко и неожиданно для них их побивает. Он заводит связи и производит подбор единомышленников среди нарождающихся повсюду, хотя и очень малочисленных соц.-демократических группировок (Питер, Москва, Нижний, Самара). Он пишет листки, брошюру «О штрафах», ведет рабочие кружки.

Весной 1895 г. В. И. серьезно захварывает воспалением легких. До приезда его матери мы установили некоторого рода дежурство у него. Лежа в постели, он изучает III том «Капитала», комментирует его и всячески вовлекает нас в его изучение. Вскоре после выздоровления он уезжает за-границу, где проводит месяца 4—5.

Возвратился он торжествующий и веселый. Завязаны крепкие связи с «Группой Освобождения Труда», привезена нелегальная литература и первый мимеограф в двойном дне чемодана, так необходимый нам при новой тактике.

Осень 1895 года была оживленная и стремительная. Разработан был впервые организационный план работы, произведена разбивка сил на районы, выделена центральная редакционная группа, начато издание газеты «Рабочее Дело». Главным инициатором всего «Старик»-Ильич. Скоро, правда, в декабре этого же 1895 г. происходит первый провал и главные силы усаживаются на 14 месяцев в тюрьму.

Но дело уже поставлено на твердые и правильные рельсы. Уцелевшие кооптируют новых товарищей, ведут дальше намеченную линию, все время держа связь с тюрьмой, и оттуда В. И. шлет письма, указания, проекты листков и даже целую брошюру «О стачках», не увидавшую света и погибшую при провале Лахтинской типографии.

После моего ареста в 1896 г. у меня наступает двухгодичный перерыв в сношениях с питерцами и только в 1898 году я снова увидела всех в Минусинском уезде, куда были высланы Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Кржижановский, Старков, Лепешинский, питерские рабочие: Шаповал, Папин, Энгберт, группа польских рабочих социал-демократов Чекальский, Ковалевский, Проминский, а позднее переведены из Енисейского уезда питерцы Ленчик, Ванеев, Сильвин. Таким образом, у нас получилась, хотя и разбросанная по всему Минусинскому уезду, но своя дружная компания, тесно связанная недавней совместной работой, настроением и всем складом мысли.

Связь между всеми поддерживалась перепиской, приездами друг к другу и даже с'ездами под разными благовидными предлогами. Центром всей соц.-демократической ссылки сделался, конечно, Ильич. Он вел огромную переписку со всеми товарищами и связывал у себя все нити. По его же инициативе был у нас организован обмен всеми получаемыми из России книгами, газетами, журналами, русскими и иностранными.

Вся жизнь его бодрая и деятельная, полная внутреннего содержания и напряжения невольно подтягивала всех, не давала разлениваться в условиях ссылки, создавала темп.

И в нашей ссылке не было ни скуки безделья, ни нудного настроения, ни склочных историй. Работали, готовились к будущему, занимались с рабочими, следили за российскими делами. Было бодро и хорошо...

Помню одну нашу поездку в Шушу зимой в 25-градусный мороз.

За один мах мы прокатили 55 верст на мухрявых и быстрых сибирских лошадках по Минусинской степи и вечером были в Шуше. Владимир Ильич жил с Надеждой Константиновой и ее матерью в 3 маленьких комнатах. Его комната была завалена книгами, газетами, статистическими сборниками. Он тогда яростно работал над своей книгой «Развитие капитализма в России». День у него был правильно распределен и ни одной минуты он не терял даром. Мы своим приездом, конечно, нарушили его распорядок и внесли на два дня порядочную кутерьму. Много разговоров после довольно большой разлуки, прогулки, шахматы, катанье на коньках. Но изредка такие перерывы были все же хороши в однообразной ссыльной жизни.

Помню, на другое утро по приезде, мы устроили бег на коньках по «наледи» на реке. Об'явили конкурс на «фигуры» и на «скорость». Насчет «фигур» Ильич сдал некоторым товарищам, но по части скорости ни за что не хотел уступить; из последних сил, но обогнал всех, пришел первым.

Был яркий сибирский морозный день. Сияла и сверкала ледяная гладь с снежными «розами». И было всем тогда молодо, весело и вся жизнь была впереди, а «Старик» кипел избытком жизненных сил...

Вспоминаю еще большой с'езд минусинских соц.-демократов, который был созван В. И. по поводу составления ответа на известный Credo (Верую) Кусковой и К°, в котором они доказывали ненужность образования самостоятельной рабочей партии и необходимость поддержки либеральной буржуазии.

Официальный мотив с'езда перед властями—празднование рождения дочери т. Лепешинских, почему с'езд назначается в Ермаковском, где они жили.

Мы из Минусинска заехали в Шушу за Ульяновыми и поехали в Ермаковское, где в это время жили, кроме Лепешинских, Ванеев с женой, Сильвин с женой, Боромзин и приехали Ленчик и рабочие Шаповал, Энгберт, Папин.

Вл. Ильич предложил собранию проект ответа. Некоторые из товарищей высказывали сомнение в том, что стоит-ли раздувать это литературное выступление Кусковской компании. Но В. И. горячо доказывал, что нельзя недооценивать этого факта, ибо он является показательным и симптоматическим, знаменуя начало новых течений, чреватых последствиями и крайне вредных для рабочего класса.

Ответ был подписан всеми собравшимися и отправлен в Россию, как протест группы ссыльных против этого течения.

Владимир Ильич зорко следил за идейными врагами и не спускал им ни одной их ошибки.

В 1900 году он кончает ссылку, едет в Россию и тотчас перед от'ездом за-границу организует и собирает старые силы, закрепляет связи, устанавливает адреса, шифры для переписки. Для этого вызывает к себе некоторых товарищей (вызов мужа и жены Шестерниных в Подольск) или едет по городам. Так, напр., приезд в Нижний, где через С. П. Шестерину (Невзорову) была созвана вся соц.-демократическая группа и установлена с ней связь с будущей «Искрой».

В 1901 г., по окончании ссылки, я с мужем отправились в Мюнхен для свидания с «Искрой». Остановились в грязноватой привокзальной гостинице и отправились на другой конец города в рабочее предместье, где тогда жил Вл. Ил. с Над. Конст. и с ее матерью. Он жил там по паспорту, кажется, какого-то болгарина, в маленькой квартирке из трех комнат и почти пустой. Жили в высшей степени скромно. Н. К. с матерью сами стряпали, мыли прилегающую к их квартире часть лестницы и пр. Обедать мы ходили в маленький соседний ресторан за 50 пфен. с пивом (24 коп.).

Мюнхенская часть «Искры» состояла тогда из Вл. Ил., Мартова, Потресова, Засулич (члены редакции) и Над. Константиновны—секретаря. На Над. Константиновну целиком падала незаметная для посторонних, но огромная работа по сношениям с Россией. А работа была поистине огромная. Ведь «Искра», действительно, оказалась лесами, около которых началось партийное строительство, как это планировал Вл. Ил., живя еще в Шуше. Искровские группы росли и множились и ко всем им тянулись тонеиькие ниточки из предместья Мюнхена по сотням адресов в виде невидимых химических писем, написанных Над. Константиновной.

Через несколько дней по приезде все мы отправились в Цюрих на совещание с другой частью редакции «Искры» «Группой Освобождения Труда». Дело шло, насколько помнится, об отношении к группе «Рабочее Дело». Аксельрод жил там постоянно, а Плеханов приехал из Женевы. Нам всем были приготовлены Аксельродом №№ в одной из гостиниц Цюриха и там же происходило и совещание, насколько я помню. Тогда я впервые увидала всю «Группу Осв. Труда», статьями и брошюрами которой мы зачитывались во времена студенчества и которая не мало нам помогла в выработке нашего миросозерцания.

Плеханов—человек лет 45-ти, с красивой и выразительной, начинающей лысеть головой, своим изящным видом резко отличался от всей эмигрантской братии. Он был председателем собрания, говорил прекрасно, литературно, остроумно и весско. Но я заметила, что втечение речи он все время посматривал на Владимира Ильича, отзывался на его реплики и прямо запрашивал именно его по тем или другим вопросам. Сразу было ясно, что он выделяет его из всей группы. А группа, надо сказать, была блестящая: Плеханов, Аксельрод, Засулич—старики и Ленин, Мартов, Потресов—молодые. «Непобедимая армада», по выражению Плеханова.,

В «Искре» создавался увесистый **идеологический** кулак, и **организационный** центр, связанный сотнями живых связей с Россией. Это был совсем новый тип заграничной газеты, насквозь пронизанной биением русской жизни. И эта струя шла, главным образом, от Вл. Ил., который знал и чувствовал Россию, как никто из них.

Мы уехали из Мюнхена с самыми светлыми надеждами на успех. В России, действительно, волна все нарастала. «Искра» разгоралась в пламя. Число ее комитетов быстро увеличивалось. Рабочие массы все больше втягивались в организацию. И в связи с этим оживлением наших дел из сибирской ссылки начались побеги товарищей, переходивших на нелегальное положение и отдававших себя в распоряжение партии. Они распределялись по комитетам, становились раз'ездными агентами, отправлялись за границу, ставились на транспорт нелегальной литературы. Все они проезжали через Самару, где мы тогда жили и где был в то время некоторый организационный и распределительный центр. В числе приехавших был, между прочим, и Лев Давидович Троцкий, тогда юноша лет 24—25, с блестящими глазами и грядой волнистых волос, молодой орленок, сразу пленивший нас блеском своего темперамента, талантливости и размахом мысли. Он был переправлен за границу в распоряжение редакции «Искры».

Но уже к концу 1902 года начались среди членов редакции кое-какие принципиальные стычки.

А летом 1903 года на 2-м с'езде партии произошел раскол, и «Непобедимая армада» распалась на две, отныне непримиримые, группы: большевиков и меньшевиков. Для нас, живших и работавших в России, в первые дни по получении известия, это казалось немыслимым и ни с чем несообразным. Разрыв старых связей был очень болезненен. Наверно, нелегко он достался и Ильичу.

Но последующие события и действия меньшевиков, наступившие непосредственно после 2-го с'езда, очень скоро заставили нас отрешиться от всяких сомнений, решительно повести свою большевистскую линию. Дальнейшая история показала всю правильность линии Вл. Ил. на этом с'езде и его глубокое проникновение в сущность позиции, занятой меньшевиками.

Наступает 1905 год, всеобщая железнодорожная стачка, издается манифест 17-го октября. В ноябре мы приехали в Питер из Киева, уже залитого кровью, после разгрома жел.-дор. организации, подавления восстания саперов, еврейского погрома...

В Питере же был еще разгар событий. Все бурлило и кипело. Я встречала Вл. Ил. в квартире Горького и в редакции «Новой Жизни» (орган фракции большевиков). Он был напряжен, как струна, и весь поглощен борьбой с меньшевиками и подготовкой к вооруженному восстанию.

После разгрома московского восстания, когда ясно было поражение революции, Вл. Ил. еще не терял надежды на поддержку крестьян и на новый под'ем революционной волны. Жил он тогда уже нелегально. Я помню он приходил к нам (кажется, в августе 1906 г.) на квартиру и развивал свой план организации пятков и десятков инициативных и преданных товарищей, которые могли бы приводить в действие революционные силы страны и использовать могущее возникнуть осенью крестьянское движение.

Крестьяне не поднялись тогда... Но Вл. Ил. отступил последним. И только в самом конце 1907 г. он эмигрирует за-границу.

После этого я встречаюсь с В. И. только в 1910 г. на копенгагенском конгрессе II Интернационала. Это было время наибольшего развала партии, разбившейся на различные течения: помимо ликвидаторов (меньшевиков), появились отзовисты—богоискатели, примиренцы и пр. В. И. употреблял громадные усилия, чтобы удержать партию от развала, сохранить центр партии и с его помощью понемногу восстанавливать ослабленную нелегальную организацию в России.

На копенгагенском конгрессе резко выявились все раздражение и вся злоба представителей различных течений в русской секции конгресса против В. И. Он был страшно одинок, но не хотел сделать ни шагу по пути соглашения с своими противниками, выступавшими довольно сплоченным фронтом.

И это особенно выводило их из себя. «Один против всех, ни на что не похоже»... «Он губит партию»... «Какое счастье было бы для партии, если бы он куда-нибудь исчез, испарился, умер»... Вот какие фразы раздавались на заседаниях русской секции во время дебатов с В. И.

И когда я одному из авторов таких словечек—Дану— сказала: «Как же это так выходит, что один человек может погубить всю партию, и что все они бессильны против одного и должны призывать смерть в сообщницы», он мне со злобой и раздражением сказал буквально следующее: «Да потому, что нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Попите-ка справьтесь с таким».

И эта характеристика врага была верна. Когда я после конгресса в Париже была на маленькой квартирке на улице Marie Rose, я была поражена и даже испугана тем напряжением, в котором жил непрерывно В. И.

Он жил опять, как и всегда, втроем с Н. К. и ее матерью, которая была их неизменной везде спутницей. Две маленькие комнатки и кухня, служившая столовой. Существование скромное до предела. И когда я спросила В. И. о материальном их положении, он мне ответил: «Ну что же, у нас existens-minimum (минимум существования) парижского рабочего имеется».

А в это время он вел непрерывную, неустанную и напряженнейшую работу по восстановлению партии в атмосфере эмигрантских склок, сплетен, яростных нападок враждебной стороны и при неутешительных сведениях из России. В Росси дела шли тогда плохо. Провалы следовали за провалами. Провокация приняла неслыханные размеры. Но центр посылал новые подкрепления, новых товарищей, зная, что посылает их на верную тюрьму, каторгу, ссылку, но все же посылал, и разорванные нити организации опять и опять связывались, и опять смыкались ряды большевистских отрядов, об'единенных одной тактикой, одной волей.

Это доставалось нелегко.

Вид у В. И. был плохой и его мучили головные боли и бессонницы. Он буквально горел, и Н. К. работала тоже не разгибаясь, рука об руку с ним. Это приводило часто в отчаяние ее мать, которая жаловалась мне по секрету, что «он убивает и себя и Надюшу такой жизнью». Я пробовала убеждать их несколько изменить образ жизни, но это было, конечно, невозможно.

Я помню одно собрание фракции большевиков в верхней комнатке какого-то кабачка на avenue d'Orleans. Комнатка набита до предела. Волны дыма, разгоряченные лица, раздраженные выступления «примиренцев», среди которых было много старых, испытанных товарищей. А посреди, верхом на стуле, В. И., молча, с аркой усмешкой в глазах, выслушивающий нападки и укоризны. И когда все кончили, он взял слово и, весело и зло посмеиваясь, жестоко разбил их по всем пунктам. «Только пух летит»,—говорили товарищи.

Работал он, как всегда, не только практически, но и теоретически, просиживая целыми днями в Национальной библиотеке. Но и там думы его были об едином, и там он работал только для революции, для нее одной, ибо все статьи, все произведения этого времени написаны только на эту тему.

Да, верно сказали его враги: не было другого такого человека в партии... да и будет-ли.

Снабженная письмами и поручениями к ЦК партии, я вернулась в Россию. До начала 1918 года я не встречалась с В. И. Позднейшие встречи уже относятся к событиям послеоктябрьским. Но об этом когда-нибудь позже.

З. КРЖИЖАНОВСКАЯ.

*) В составе группы в то время были: С. Радченко, Г. Кржижановский, В. Старков, Г. Красин, П. Запорожец, А. Ванеев, М. Названов, А. Малченко, М. Сильвин, Н. Крупская, А. Якубова и я.

Работа в „Правде“.

В 1911 г. стала выходить в Петербурге еженедельная большевистская легальная газета «Правда». Главную политическую и литературную ценность в этой газете имели передовые, присылаемые из-за границы статьи тов. Ленина. Статьи эти по цензурным условиям помещались под самыми различными псевдонимами—В. Ильин, Вильям Фрей, Ф. Лойко, К. Тулин, И., Петербуржец, «Читатель», «М. М.» и т. д.

«Звезда» постепенно связалась с рабочими массами Петербурга. Начавшийся под'ем рабочего движения после Ленского расстрела способствовал росту ее популярности. Линия же, проводимая в газете тов. Лениным, обеспечила широту и прочность этой связи и популярности.

В 1912 году «Звезда» превратилась в ежедневную рабочую газету «Правду». Первый номер «Правды» вышел 22 апреля 1912 года.

В июле 1912 года в «Правде» была помещена статья тов. Ленина «Итоги полугодовой работы». В этой статье тов. Ленин собрал и проанализировал цифры сборов рабочих на «Правду», подсчитал степень участия рабочих в создании своей газеты. При этом тов. Ленин сопоставил число групповых рабочих сборов на «Правду» с числом таких же сборов на меньшевистскую легальную газету.

Оказалось, что за полгода меньшевики получили в Петербурге 10 групповых сборов, по остальной России—5 групповых сборов. На «Правду» же в Петербурге было сделано за то же время 45 групповых сборов, а по остальной России—89.

Эти цифры достаточно ярко показывают, как относились рабочие массы к большевистской «Правде» и к ликвидаторскому «Лучу». Эти цифры показывают, что политическая линия «Правды», что политическая линия тов. Ленина быстро завоевывала рабочие массы.

И это, несмотря на то, что меньшевики имели гораздо больше материальных сил, что они вели лицемерную, демагогическую агитацию за единство рабочих,—против «раскольников» большевиков.

Тов. Ленин находился недалеко от России —в Галиции. Ему приходилось писать особым, малопонятным языком. Ведь, газета выходила под царской цензурой.

Революционную борьбу ему приходилось называть «неурезанными лозунгами». Большевистскую партию—«целым». Большевиков—«последовательными максистами». Находящаяся в Петербурге редакция часто вынуждена была еще более затушевывать, еще более смягчать выражения в статьях тов. Ленина.

Но и в таких словах, но и под различными псевдонимами рабочие узнавали ленинские статьи, понимали его мысли, его лозунги. Ибо это были революционные лозунги массового рабочего движения.

«Правда» 1912-1914 годов сыграла крупнейшую роль в нашем рабочем движении, в подготовке рабочего класса к революции. И тому, что роль эта была действительно велика, в огромной мере способствовало то, что т. Ленин непосредственно руководил газетой.

Б. Г. ДАНСКИЙ.

тельно готовиться, собирать и группировать цифры, факты. Надо было подобрать материал так, чтобы в 5—7 минут доложить самое существенное, характерное; необходимо было подготовиться к перекрестным вопросам. Помню, раз я докладывал о большой кампании по борьбе с дезертирством, проведенной по Рязанской губ. Я приводил цифры о количестве партийных товарищей, брошенных губкомом на эту работу, о числе проведенных ими митингов в селах и деревнях, о количестве распространенных листовок и т. п. Владимир Ильич, прищурив один глаз, а другой направив куда-то вверх, как будто прикидывал в уме сообщаемые мною цифры и вдруг спросил:

— А что, т. Данилов, вы сами как думаете, эти цифры действительные или взяты с потолка?

— Нет, Владимир Ильич, я считаю эти цифры достоверными.

— Почему?

— Я недавно был в другой губернии. Там в местными товарищами мы составляли план такой же кампании, и у нас получились, приблизительно, такие же цифры.

Ответ удовлетворил т. Ленина. Он видел, что был все-таки некоторый критический подход к цифрам.

Однажды мне пришлось быть не то участником, не то немым свидетелем своеобразного происшествия: судили меня самого в Совете Обороны.

В апреле 1920 г., получив сведения о том, что в садике около кремля по вечерам шатаются дезертиры, я дал согласие на организацию облавы с проверкой документов. Устроили облаву, оцепили весь садик и начали проверку документов. В оцепление попал и всероссийский староста т. М. И. Калинин. Он спокойно дождался очереди, предъявил свои документы и отправился далее. Наоборот, т. Х, тоже случайно попавший в оцепление, громко выражал свое негодование на творимое «безобразие», махал многочисленными своими документами и требовал пропуска вне очереди. Выпущенный из оцепления, т. Х. пришел на заседание МСНК, где сообщил, что «Данилов безобразничает около самых стен Кремля». По его просьбе МСНК дал ему на руки письменное распоряжение о прекращении облавы. С этим распоряжением т. Х. явился на место как раз к тому моменту, когда осталось непроверенных человек триста. Обычно до последнего момента не предъявляли документов наиболее злостные дезертиры, никогда не теряющие надежды выкрутиться хотя бы в последний момент. На этот раз на помощь им пришел т. Х. По его требованию облава была прекращена, и наиболее злостные дезертиры ускользнули.

Не довольствуясь этим, т. Х. явился в Совет Обороны с жалобой на мои «безобразия». Он очень картинно изобразил «бесчинство», творимое Даниловым у стен Кремля, неприятное положение граждан, попавших в оцепление. Далее он указывал на то, что Данилов «бесчинствует» не только в Москве, но и по всей республике; со всех концов на него поступают жалобы. В подтверждение этих слов т. Х. вынул большую кипу телеграмм. В заключение он предложил раз навсегда положить конец «безобразиям» Данилова, упразднив его аппарат.

По существу жалоба т. Х. была не только не основательна, но и поразительно легкомысленна. Во время его обвинительной речи я сидел словно на иголках: поднимал руку, махал ею и всем своим существом показывал, что после обвинения, слово должно быть дано мне. Кроме естественного желания оправдаться, во мне заговорили и некоторые петушиные свойства.

Мои старания получить слово оказались тщетными: т. Ленин смотрел на меня ясными, спокойными глазами и как будто не видал меня, словно перед ним было пустое место.

После т. Х., выступил т. У., член коллегии одного учреждения, и от имени своей коллегии предложил аппарат Данилова расформировать, а работу передать представляемому им учреждению.

Снова делаю отчаянные попытки обратить на себя внимание, получить слово для защиты, и снова с теми же печальными результатами.

После т. У., слово получил представитель военного ведомства т. Склянский. Он огласил короткую цифровую справку, из которой было видно, что облава дала хорошие результаты и дала бы еще больше, если бы ее не прервал своим вмешательством т. Х.

Я был уверен, что теперь-то уже мне наконец дадут слово, что я оправдаюсь во взводимых на меня обвинениях и основательно потребую моего обвинителя.

Неожиданно т. Ленин заявил, что он берет себе слово. Началась жестокая расправа над моим обвинителем.

— Конечно,—говорил т. Ленин,—попасть в облаву всякому неприятно. Мы можем выразить т. Х. соболезнование от имени всех нас. Если этого мало, можем чем-нибудь вознаградить его. А облаву все-таки надо было сделать. Вы видите, т. Х., облава дала результаты, дала бы и больше, если бы вы не помешали. Вы говорите, что на Данилова со всех сторон жалобы? Это хорошо, это значит, что они что-то делают, не сидят без дела. Ведь их работа всем неприятна, поэтому на них и должны жаловаться. Вот было бы плохо, если бы на них не жаловались. Это значило бы, что они своего дела не делают.

Скажу откровенно, что в эту минуту я не хотел бы быть на место т. Х.

Обращаясь к т. У., т. Ленин сказал, показывая на меня:

— Вы хотите взять их работу? Это очень хорошо. Только сначала покажите, что вы умеете это делать. О них мы знаем, что они умеют, а о вас не знаем. Вот вы сначала попробуйте, поучитесь, а потом приходите к нам сюда.

После этого т. Ленин заявил:

— Товарищи, вопрос ясный, голосуем!

«Голосуем» и единогласно провалили и Х. и т. У.

Так, вопреки всем «демократическим» законам и обычаям, я в качестве обвиняемого и не получил слова для защиты.

Потом, когда я немного «остыл», мне сразу стало все понятно, между прочим и то, почему т. Ленин смотрел на меня и в то же время как бы не замечал моего присутствия. Заметив мое «петушиное» настроение, он просто не дал мне возможности наговорить таких вещей, за которые мне потом самому было бы неловко. Нечего говорить о том, что сам я никогда не мог так защитить себя, как это сделал т. Ленин.

В Совете Обороны я несколько раз подвергался самым жестоким атакам, и каждый раз меня защищал т. Ленин. Вообще военная работа пользовалась его исключительным вниманием и поддержкой.

***

Умер великий революционер, признанный вождь многомиллионной армии пролетариата, которую он повел на победный штурм капиталистических твердынь.

Умер великий учитель пролетариата.

Но дело его жизни осталось.

Осталось его революционное учение, которое еще для многих пролетарских поколений будет служить надежным компасом и маяком среди революционных бурь.

Осталась созданная и воспитанная под его руководством компартия и III Интернационал, под знаменами которых собирается все, что есть революционного в пролетарских рядах.

Недалеко уже то время, когда окончательно победят идеи, за которые Владимир Ильич боролся всю жизнь.

И тогда перед лицом освобожденного человечества во весь гигантский рост встанет могучая фигура великого борца.

А его жизнь, полная непрестанного труда, тяжелых лишений, постоянного горения мысли и напряжения воли, жизнь, полная великой борьбы, тяжких поражений и величайших побед,—эта жизнь навсегда останется примером, на котором новые и новые поколения молодежи будут воспитывать и закалять себя для упорного труда, для борьбы за лучшие идеалы человечества.

С. ДАНИЛОВ.

МОЛОТ КОММУНИЗМА РАЗРУШИТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР

В Институте Ленина

(Краткая информация).

После кончины Владимира Ильича деятельность института Ленина приобретает огромное значение. Институт собирает рукописи (письма, заметки, целые работы) и неизданные стенограммы речей Владимира Ильича, рукописные материалы, адресованные Владимиру Ильичу, рукописи о Владимире Ильиче; неизданные стенограммы речей о нем; всю библиотеку Владимира Ильича, а также все те книги или периодические издания, которые он читал; все печатные материалы или изображения с пометками Владимира Ильича; все бумаги полицейских и судебных учреждений, хотя бы только упоминающие о нем, или трактующие о событиях или лицах, связанных с именем Владимира Ильича; все заметки, статьи, художественные произведения, связанные с кончиной Ленина; все телеграммы, обращения, протоколы, заявления по поводу его смерти; все оригиналы снятых с него масок; все официальные документы Владимира Ильича (мандаты, паспорта, пропуска и т. д.).

В институте сосредоточиваются также все издания работ Владимира Ильича; периодические издания, в которых он печатался, и все книги, брошюры, газеты и т. д., в которых упоминается о Владимире Ильиче или помещены его портреты и рисунки; все те издания (о которых высказывался Владимир Ильич), или которые были ему посвящены; всю литературу по истории РКП, по истории революционного движения в России, начиная со времени декабристов; по истории социализма и социалистического движения в западных странах; по социологии, по экономическим и аграрному вопросам; по философии марксизма; по всем вопросам теории и практики строительства Советского государства.

В институте устраивается кроме этого особый отдел, в котором будут собраны вещи, принадлежавшие Владимиру Ильичу, подарки, сделанные ему различными организациями; все его фотографии, кинос'емки, различные художественные портреты, бюсты и т. д., к этому же отделу отнесутся различные изделия, посвященные Владимиру Ильичу, изделия предприятий имени Ленина, книга почетного караула у гроба Владимира Ильича, некоторые венки, возложенные на гроб и др.

Таким образом, весь поступающий материал, распадается на три категории: материал архивный, музейный и библиотечный.

Материал музейный по своему об'ему наиболее велик; перед институтом вследствие этого встает вопрос о расширении музея до таких пределов, в которых можно было бы не только вместить весь материал, но и предоставить его для рассмотрения и изучения широких масс рабочих и крестьян.

Также сильно разрастается и архив института. В институте независимо от материалов, поступивших после похорон Ленина, были представлены рукописи Ильича различными товарищами, как например, т.т. Шляпниковым, Коллонтай, Орджоникидзе, М. Горьким и др.

Научные сотрудники архива заняты в настоящее время, главным образом, определением дат рукописей Владимира Ильича. Это особенно необходимо для составления томов академического издания сочинений Ленина, в котором предположено дать материал в хронологическом порядке. Первый том, в который будет включена часть архивного материала, уже составлен. Содержание его следующее:

1) Предисловие Л. Б. Каменева; Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни (по поводу книги В. Е. Постникова—«Южно-русские крестьянские хозяйства»); Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов (ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов); Об'яснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах; О чем думают наши министры; Проект программы социал-демократической партии (1896 г.); Прокламации петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895—1896 г.г.); К рабочим и работницам фабрики Торнтона; Рабочий праздник 1-го мая (19-го апреля по нашему); Царскому правительству; Задачи русских социал-демократов; К петербургским рабочим и социалистам от «Союза Борьбы»; Протест российских социал-демократов; Проект программы нашей партии.

2) **Дополнения.** Письма заграницу 1895 г. Проект программы (1900 г.); Рецензия на книгу: «Kautsky» die Agrarfrage; Предисловие ко 2-му изданию брошюры: «Задачи русских социал-демократов».

3) **Приложения.** Список произведений В. И. Ленина, относящихся к периоду 90-х годов, до сего времени не розысканных: Статьи, исправленные и посланные т. Лениным в «Работник»; (вести из России, стачка ткачей на фабрике Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры, сельские рабочие в юго-восточных губерниях Европейской России).

4) **Документы.** Письмо К. Маркса в редакцию «Отечественных Записок»—1877 г.; «Судебный салют рабочему вопросу» (статья М. Каткова в № 146 «Московских Ведомостей» от 28 мая 1886 г.); Письмо Дурново к Победоносцеву—18 марта 1895 г.; Циркуляр Витте к стачечникам—15 июня 1896 г.; «К петербургским рабочим» (прокламация петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»—27 июня 1896 г.); Циркуляр Витте фабричным инспекторам; Предисловие П. Б. Аксельрода к 1-му изданию «Задач русских социал-демократов»; «О программных вопросах» (статья Л. П. Лаврова из № 4 «Летучего листка группы народовольцев»); «К русским рабочим» (программа «Северного Союза Русских Рабочих»); Программная статья из № 1 «Рабочей Мысли» октябрь 1897 г.; «Ближайшие задачи русского рабочего движения» (передовая статья из № 2 «Рабочей Газеты»—ноябрь 1897 г); «Проект программы русских социал-демократов», составленный группой «Освобождение Труда»; Доклад по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 г.г. преступных кружках лиц, именующих себя «социал-демократами».

В ближайшее время институт выпускает целый ряд и других отдельных изданий. В число их войдут следующие: Письма Ленина к Горькому, основные вехи, Алексеев и Швер «Семья Ульяновых в Симбирске», Ленинский сборник № 2.

Подготовляются каталоги: архивные (3—хронологический, по алфавиту авторов, по вопросам), библиотечный, музейный.

По составлении и выпуске в свет этих каталогов товарищи, работающие над наследием Ленина, смогут пользоваться материалами архива, библиотеки и музея *). Приступлено в связи с этим к оборудованию научных кабинетов и читального зала при библиотеке.

Институт ежемесячно будет выпускать «Ленинские сборники», первый из которых выходит на-днях.

В сборник вошли: статья т. Каменева «Литературное наследство Ленина», обширное письмо Владимира Ильича из заграницы в Россию, в котором Владимир Ильич говорит о своей первой размолвке с Г. В. Плехановым (письмо названо самим Лениным «Как чуть не потухла «Искра»; комментарии к нему составлены т. Каменевым), письма Ленина к Горькому за период 1908—1915 г. г., также с комментариями т. Каменева и, наконец, письмо Ленина Аксельроду из ссылки, 1897 г. (комментарии А. Аросева).

Кроме того, в сборнике будут помещены основные даты жизни Владимира Ильича и материалы для его научной биографии.

Основные даты жизни Ленина, помещенные в сборнике, представляют собою как бы выборки из того, что может быть названо календарем жизни Владимира Ильича, подготовкой к которому сейчас заняты работники института. Такой календарь будет издан институтом отдельной книжкой.

Ко второму «Ленинскому сборнику», выход которого предположен к 15 мая с. г., подготовляются материалы по истории выработки программы нашей партии; в число этих материалов войдут проект программы Плеханова, комиссионный проект (Мартов, Плеханов, Ленин), контр-проект Ленина с замечаниями В. Засулич и другие материалы.

В сборнике будут помещены также письма Ленина к т.т. Коллонтай и Шляпникову, относящиеся к 1914—1917 годам.

Отметим в заключение, что вся эта работа института должна быть рассматриваема, как подготовительная, ибо официально институт еще не открыт. Открытие его предполагается в конце мая т. г. Тогда институт сможет широко открыть свои двери, с одной стороны, тем товарищам, которые будут изучать творения Ленина в научных кабинетах, а, с другой стороны, тем партийным и широким рабочим и крестьянским массам, которым будет интересно просмотреть все музейные богатства института.

А. А.

*) В порядке исключения некоторые товарищи и теперь уже пользуются хранилищем института.

Мои воспоминания.

Все вспоминают о нашем дорогом Владимире Ильиче, решился и я сказать о том, как был прост и мил наш дорогой вождь. Работаю я в кремлевской парикмахерской ВЦИК около 4 лет. Парикмахерская оборудована для всех рабочих и служащих и всех, живущих в Кремле. Вот, вскоре после моего поступления, когда парикмахерская полна была рабочими, вошел человек невысокого роста, снял пальто, сел в очередь, как и все, и стал читать газету; показалось мне, что похож он на Владимира Ильича, каким я видал его на портретах, но смотрю—ждет очереди. Ну, думаю, значит, ошибся я (а у нас было постановление, что члены ВЦИК садятся без очереди). Когда дошла до него очередь, я постриг его, побрил, получил причитающиеся 80 руб. и попросил расписаться. Был такой порядок заведен управлением Кремля и домов ВЦИК. Он расписался, попрощался и ушел.

А мне и говорят:

— Ведь, это был тов. Ленин.

Я посмотрел на роспись: действительно, был он. Я так был удивлен его простотою и сплоченностью с рабочими, что сразу не мог ничего ответить; я только подумал: вот самый справедливый человек в республике. Если бы все такими были!

Потом Владимир Ильич стал нашим постоянным посетителем и всегда отказывался садится без очереди, а чаще приходил утром, когда было меньше работы.

Однажды, во время работы, я говорю Владимиру Ильичу:

— Ведь, вы можете пригласить к себе парикмахера на квартиру или садиться вне очереди, чтобы вам не терять золотого времени.

Но он ответил:

— **Нет, нет, товарищ, я могу подождать, ведь, всем время дорого, у всех дела есть.**

Тогда я подумал: вот настоящий товарищ, родной рабочему люду.

Меня не раз многие приезжающие на с'езды, делегаты спрашивали о том, где Владимир Ильич стрижется, и, когда я отвечал, что здесь же в парикмахерской, то большинство сомневалось в этом или добавляло:

— Но уже, когда бывает Владимир Ильич, так в это время в парикмахерскую никого не впускают?

Но я говорил:

— Нет, наоборот. Он даже отказался садиться без очереди и сидел вместе с рабочими.

Владимир Ильич все время ходил в парикмахерскую до тех пор, пока не заболел. В память о нем у меня сохранилась одна его расписка.

И. ИВАНОВ.

Москва.

В дни гражданской войны.

Рой воспоминаний. Баку, Ташкент, Царицын, Ковлов.

Одна за другими проходят захватывающие картины героической борьбы пролетариата.

Как на экране, мелькают в моем воспоминании лица и события недавнего прошлого.

Ураган гражданской войны приближался к Царицыну.

Царицын—Дон, это было сплошное море огня, в котором выковывалось наше будущее.

Мы стояли на участке вместе с частями Жлобы и Буденого.

Ожесточенные бои сменялись поисками разведчиков, и в этой обстановке огня, колоссального напряжения нервов и воли, в смене тревог и надежд прошло все лето.

Натиск белых разбивался о несокрушимую крепость красных войск, тогда голодных, босых, без одежды.

***

Наступила минута затишья.

Я воспользовался этим и уехал в Москву.

Там были Камо, Джапаридзе и другие товарищи.

Они считали меня погибшим.

Камо сразу ввел меня в курс политических и военных событий, от которых я был оторван, поглощенный борьбой на фронтах.

— Ленин,—сказал мне Камо,—дал мне поручение чрезвычайной важности. Никто так не необходим мне, как ты, для его выполнения.

Я—ленинец, но никогда не видел его.

17 лет мечтал об этом.

— Устрой,—сказал я Камо,—свидание с вождем.

Мы побывали с ним в редакции «Правды» у Марьи Ильиничны.

— Владимир Ильич,—сказал она, переговорив с ним по телефону,—ждет вас сейчас же, узнав, что его хочет видеть один из его старых учеников-боевиков.

Я не брился три месяца и в своем боевом одеянии производил впечатление дикаря.

Мое смущение увеличилось, когда мы пришли в Кремль, в приемную Совнаркома.

Этот человек пронзил меня своим взглядом.

Встав, он отложил груду лежащих на столе срочных бумаг и, подойдя ко мне, обнял и поцеловал меня.

Ленин, видя мое смущение, посадил меня рядом с собой и так искренне и с любовью расспрашивал меня, будто был знаком со мною многие годы.

— Как на фронте?—прищурил он левый глаз.

Я передал ему вкратце положение дела.

Я сказал, что на одном важном пункте происходят между нашими трения. Их надо устранить.

Тут же наш неповторимый вождь, поверив мне на слово, предпринял шаг чрезвычайной важности.

Красная армия, отовсюду отрезанная, лишенная хлеба и боевых припасов, держалась и победила этим доверием, этой верой друг в друга.

Это доверие неуловимой нитью шло от вождя в самые мелкие звенья нашей организации, она укрепляла их, утешала и ободряла уставших и исстрадавшихся в вечной борьбе людей.

— Согласны ли вы вместе с Камо исполнить мое поручение?

В ответе, конечно, мне не пришлось затрудняться.

— Идите, требуйте все, обращайтесь во все учреждения и организации, в случае нужды, звоните ко мне.

Прошли годы, но и теперь передо мною стоит этот человек с прищуренным глазом и его властный голос:

—Нужно исполнить, это важно для победы!

В. ХУТУЛАШВИЛИ.

Во время войны 1914-18 г.г.

С самого начала мировой войны т. Ленин занял стойкую позицию последовательного интернационалиста и решительно провозгласил войну войне. Но не голый лозунг требования мира выдвигал тов. Ленин. Напротив—пропаганду мира, не сопровождавшуюся призывом к революционным действиям масс, он считал вредным политическим шагом, способным лишь развратить пролетариат внушением ложных надежд на мнимое миролюбие правящих классов.

Тов. Ленин вместе с центральным комитетом нашей партии пропагандировал идею прекращения империалистической бойни в гражданскую войну. Говорить так в атмосфере всеобщего патриотического угара и поголовного предательства социал-демократических вождей было огромной смелостью.

Тотчас после знаменитого голосования в парламенте немецких социал-демократов за предоставление кредитов на войну т. Ленин один из первых признал безнадежный крах II Интернационала, сделав отсюда логический вывод о необходимости создания Третьего Интернационала.

Это было в то время, когда еще были окружены ореолом имена Каутского, незадолго до того умершего Бебеля и других вождей II Интернационала.

Тов. Ленин принял самое активное участие в работах Циммервальской и Кинтальской конференций, созывавшихся во время войны. На этих конференциях, представлявших собою весьма разновидные сборища, тов. Ленину удалось сплотить крепкое левое ядро—зародыш будущего Коминтерна.

Втечение всей войны т. Ленин вместе с Зиновьевым и другими товарищами неустанно разоблачали в «Социал-Демократе» империалистических хищников, обрекавших на взаимное истребление народы всего мира во имя чудовищных барышей, во имя раздела и грабежа колоний.

Февральская революция, вернувшая тов. Ленина в Россию, предоставила нашей партии возможность широко развернуть кампанию против империалистической войны. Для нашей партии было ясно, что буржуазное временное правительство, подобно правительству царской России, неспособно закончить изнурительную войну. Поэтому, вопрос о прекращении бойни тесно связывался нами с вопросом борьбы за власть. Тов. Ленину и окружавшей его старой гвардии было ясно уже тогда, что только переход всей власти в руки Советов, не связанных никакими обязательствами с западно-европейскими империалистами, может гарантировать уставшему от войны рабочему классу и крестьянству немедленное заключение мира.

Октябрьская революция, свергнувшая владычество буржуазии, во главе первого в мире правительства рабочих и крестьян поставила вождя РКП, тов. Ленина.

И под умелым руководством гениального стратега нашей партии, маневрировавшей в необычайно трудных условиях, полностью удалось осуществить свои обязательства перед трудящимися всего мира и выскочить из заколдованного круга войны.

Волею об'ективных обстоятельств империалистическая война превратилась в гражданскую, как это и предсказывал с самого начала тов. Ленин.

Ф. РАСКОЛЬНИКОВ.

В Швейцарии.

В 1913—1914 годах, когда уже была слышна тяжелая поступь и дыхание всемирного кровавого пожара и когда ответственные руководители российского революционного движения (меньшевиков), как Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод и Ю. О. Мартов, сидели в Швейцарии, В. И. Ленин вместе с Г. Зиновьевым находился в Кракове, Праге—ближе к границе, и чувствовал лучше, чем кто бы то ни было, нарастание революционного движения.

Но волна империалистической мерзости захлестнула питерские баррикады. Началась небывалая мировая бойня.

Ленин переезжает в Швейцарию.

Женевская эмиграция—часть с озлоблением, часть с трепетом—начинает ждать приезда тов. Ленина.

В конце 1914 года мы получаем известие, что тов. Ленин об'езжает все крупные центры революционной эмиграции и читает свои доклады.

С большим нетерпением я ожидал его приезда.

Долгожданная минута настала. Мы—в маленькой скромной комнате демократического студенческого общества «Наука и жизнь», вмещающей человек семьдесят представителей различных группировок марксистской мысли и с.-д. организаций.

И вот, я увидел человека, роста немного ниже среднего, коренастого, с небольшими рыжеватыми усами и бородкой, но с большим вывуклым лбом и глазами, от которых, раз взглянешь, трудно уже оторваться.

Глаза его вас буквально гипнотизируют, вливаются, и вы, напрягая мозговые центры и внимание, слушаете.

Ленин начал резкой критикой Плеханова, меньшевиков, эсеров.

Точка зрения его была следующей: война—войне, поворот пушек на 180 градусов против собственного правительства, поражение царской России, победа революции и Интернационала и гражданская война в Европе.

Я помню—большинство собравшихся не согласилось с Лениным. Даже для членов «ленинской секции», присутствовавшей на этом собрании, многое было новым и впервые слышанным. Но всем в душу глубоко запало сказанное Ильичем, и наложило печать сомнения на наши «устойчивые» убеждения.

В «кулуарах» нашего собрания (т. е. в корридорчике еще меньшем, чем комната, в которой происходил доклад Ильича) тов. Ленин, говоря о Мартове (надававшем в то время вместе с тов. Троцким в Париже интернационалистическую газету «Голос» и бывшем ближе, чем когда либо со времени раскола партии, к большевикам), бросал фразу:

— Если тов. Мартов откажется от своих убеждений, то двери нашей партии для него открыты.

В этой фразе Ильич ясен весь, ясно все его отношение к его противникам.

Тянулись ужасные годы империалистической России, победа революции и Интернационала.

И вот, после долгих мытарств, мы все опять на родине, в котле революции.

Я пробыл в Питере 2 месяца, предшествовавшие первому вооруженному восстанию большевиков 3—5 июля, и был счастлив слышать и наблюдать тов. Ленина на всех заседаниях 1-го Всероссийского С'езда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Но никогда не смогу забыть выступления тов. Ленина на одном заводе за Московской заставой накануне демонстрации 18 июня (проверка сил питерского пролетариата).

Несмотря на особые билеты и тщательную фильтрацию, количество рабочих было настолько велико, что огромный завод не мог вместить всех и пришлось собрание устроить на громаднем пустыре, окружавшем завод.

Тов. Ленин, взобравшись на большую бочку, на солнцепеке, без шапки, начал свою речь.

Он совершенно преобразился. Это не были его теоретические научные доклады на партсобраниях заграницей. Это была речь о захвате власти Советами, сказанная самым простым языком, и временами казалось, что Ильича подменили и что говорит простой рабочий.

В первый раз я слышал Ильича на рабочем собрании.

Солнце жгло—и чувствовалось, что все беспокоятся, как бы Ильич, стоя с непокрытой головой, не схватил бы удара.

Слышно было, как товарищи облегченно вздохнули, когда тов. Ленин соскочил с трибуны-бочки.

Рабочие массы с редкой любовью относились к своему вождю.

После июльского восстания мне пришлось уехать из Питера на Украину, и с тех пор я больше не видал тов. Ленина.

Вспоминаю полного энергии и сил гениального учителя-вождя—и трудно примириться с мыслью, что больше никогда его не увижу, не услышу его голоса.

Но втечение последних трех месяцев, тяжелых для нас всех, потерявших его, стало яснее, чем когда бы то ни было, что он жив среди нас, что он каждому оставил крупинку себя, что ленинцы будут вечно жить и поведут мировой пролетариат к полной победе.

Я. СКЕПНЕР.

„Борсевик" Сакура.

Страна Восходящего солнца. Прекрасный Ниппон купается в девственно-белых лепестках цветущей вишни.

Поют цикады.

Расплавленное солнце зыбится в синем бархате неба и походит на золотой иен, втиснутый в синьку.

Нагато Сакура, молодой двадцатилетний солдат армии «его величества—микадо», лежит на цыновке в вагоне экспедиционного поезда, направляющегося в Осаку и оттуда в Россию, в Приморье.

Нагато лежит на спине, подняв кверху босые ноги, и, перебирая правой рукой пальцы левой ноги, задумчиво поет старую «танку» *):

Нагато скучает. В Токио осталась красивая Камаци-сан.

Камаци похожа на молодую пальму. Камаци любит Нагато. В глазах у Камаци огоньки и груди ее нежны, упруги и пахнут цветами яблони.

Но Сакура—солдат. Микадо посылает его в Россию воевать с таинственными и страшными «борсевиками».

***

— Э-эй, как плохо в России!

Нагата не любит «борсевиков». Из-за них он должен целыми неделями лазить по сопкам, где на каждом шагу грозит опасность.

Вчера к двум маленьким японским солдатам, на посту, подкрался огромный сибирский великан—«борсевик», обхватил обоих руками и унес с собой. В овраге нашли их тела.

Во дворе японской казармы стоит большое соломенное чучело с надписью «Русский большевик».

Чучело увешано красными бантиками.

Японские офицеры и солдаты колют чучело штыками, срывают с него бантики, плюют на них и топчут ногами.

Иногда Нагато развлекается.

По дороге мимо японской казармы идет русский.

— Э!—кричит Нагато и берет винтовку на прицел.

Русский поднимает руки и останавливается. Тогда Нагато показывает на себя и говорит: «э!» Потом хлопает русского по плечу и произносит: «рюски». Потом снова указывает себе на грудь и миролюбиво разрешает: «ходи». Русский кланяется и идет.

— Э!—снова кричит Нагато, уже сердито. Ударяет себя в грудь, произносит снова «э!», потом тычет кулаком в русского—«рюски», и опять разрешает—«ходи».

— Э!—уже совсем раздраженно кричит Нагата на испуганного прохожего, двинувшегося было в дальнейший путь.

***

Скоро уже три года, как Нагато живет в России. Нагато уже немного говорит по-русски и гуляет с русскими «Марусями».

Странно, русские совсем не боятся «борсевиков». Наоборот, они с нетерпением ждут прихода их в Приморье.

В японских казармах появились маленькие книжечки на японском языке. За такие книжечки солдат отдают под суд.

Нагато знает, что в книжечках пишут про «борсевиков» и самого главного «борсевика»—Ленина.

— Кто это Ленин?—спросил однажды Нагато у своего товарища.—Это русский микадо?

— Дурак,—ответил товарищ,—у русских нет микадо, нет самураев, нет богачей. «Борсевики» хотят, чтобы бедные хорошо жили.

И дал Нагато такую книжечку.

Недавно солдат ударил своего офицера.

Когда же, наконец, Нагато снова увидит свою родину и красавицу Камаци?

Зачем они сидят здесь?

Молчат серые сопки, завернутые в холодный, белый туман.

Хлопьями падает снег.

***

Целый день носится Нагато Сакура по раскаленному асфальту Токио.

Нагато «рикша» и возит на себе жирных, крикливых «нарикинов» *) и их гейш.

Накупить ее отгуда.

Камаци-сан продали родители в Иошивару *), на два года, и нужно много иен, чтобы выкупить ее отгуда.

А проклятые «нарикины» бросают человеку-лошади жалкие гроши, достаточные только для того, чтобы купить чашку рису и немного соленой рыбы.

Вечером Нагата, совершенно измученный за день, лежит пластом на цыновке в своем маленьком домике и, открыв стенку домика, выходящую на запад, смотрит на звезды и тихо шепчет:

— Аната *), товарищ Ленин, скорей пришли на Ниппон «борсевиков». Очень плохо жить в Токио бедному рикше Сакура.

БЕН-ГАЛИ.

*) «Танка»—особый вид японской короткой песни-стихотворения.

*) «Нарикин»—скоробогачи, разбогатевшие после войны.

*) «Иошивара»—квартал в Токио, населенный несколькими десятками тысяч проституток.

*) «Аната»—вежливое обращение, господин.

Ленин.

Из поэмы Молодой Гвардии—«КОМСОМОЛЬСКАЯ».

Залили горем.
Свезли в мавзолей
Частицу Ленина—
тело...
Но тленью не взять—
ни земле,
ни золе—
Первейшее в Ленине—
дело.
Смерть,
Косу положи!
Приговор лжив.
С таким
небесам
не блажить!
Ленин—
жил,
Ленин—
жив,
Ленин—
будет жить!
Ленин—
жив
шаганьем Кремля—
вождя
капиталовых пленников.
Будет жит,
будет
земля
Гордиться именем
Ленина.
Еще
по миру
пройдут мятежи
Сквозь все межи
Коммуне
путь проложить!
Ленин—
жил,
Ленин—
жив,
Ленин—
будет жить!
К сведенью смерти,
старой карги,
Гонящей в могилу
и с'рящей:
„Ленин" и „Смерть"—
слова-враги!
„Ленин" и „Жизнь"—
товарищи!
Тверже
печаль держи
Грудью
в горе прилив!
Нам
Нам не ныть.
Ленин—
жил,
Ленин—
жив,
Ленин—
будет жить.

ВЛ. МАЯКОВСКИЙ.

ТИПОГРАФИЯ «ЗАРИ ВОСТОКА», КРУЗЕНШТЕРНСКАЯ, 4.